

Эльчин Сафарли

Я вернусь...

С благодарностью моей маме, сестрам Рамзие Джилгамлы и Диане Зенюк, а также Маше Кушнир

В этой книге слова «надежда», «вера», «счастье» и производные от них употребляются 678 раз

– Я слышал, ты читал книгу, и что ты в ней нашел?

– Новую жизнь.

– Ты в это веришь?

– Верю.

– Послушай меня, я тоже когда-то поверил книге. И решил, что найду этот мир. (...) Поверь мне: в конце концов нет ничего, кроме смерти...

– Тот мир существует! (...)

– Да нет ничего! Это всё красивые сказки! Считай это чем-то вроде игры, в которую один старый идиот играл с детьми. И вот однажды он решил написать такую же книжку, но для взрослых. Вряд ли он сам понимает смысл того, что написал. Читать забавно, но если согласишься в нее – жизнь пропала...

Орхан Памук. «Новая жизнь»

...Ты смотришь на меня, смотришь на меня из близи, все ближе и ближе, мы играем в циклопа, смотрим друг на друга, сближая лица, и глаза растут, растут и все сближаются, ввинчиваются друг в друга: циклопы смотрят глаз в глаз, дыхание срывается, и наши рты встречаются, тычутся, прикусывая друг друга губами, чуть упираясь языком в зубы и щекоча друг друга тяжелым, прерывистым дыханием, пахнущим древним, знакомым запахом и тишиной. Мои руки ищут твои волосы, погружаются в их глубины и ласкают их, и мы целуемся так, словно рты наши полны цветов, источающих неясный, глухой аромат, или живых, трепещущих рыб. И если случается укусить, то

боль сладка, и если случается задохнуться в поцелуе, вдруг глотнув в одно время и отняв воздух друг у друга, то эта смерть-мгновение прекрасна. И слюна у нас одна на двоих, и один на двоих этот привкус зрелого плода, и я чувствую, как ты дрожишь во мне, подобно луне, дрожащей в ночных водах...

Хулио Кортасар. «Игра в классики»

...ход событий определяется не мною. Вместо того чтобы управлять своими персонажами, я предоставляю им жить собственной жизнью и без помех выражать свое мнение. А сам только слушаю и записываю.

Рай Брэдбери

Я хотел писать обо всем, обо всем, что происходит вокруг.
О твоих цветах, когда ты приносишь их.
Об этом полотенце, о запахе; о том, какое оно на ощупь.
О всех наших чувствах – твоих, моих...
Об истории: какими мы были.
Обо всем в мире, обо всем вместе, милая!
Потому что всё в жизни смешано...

К/ф «Часы»

Часть I. О НИХ

Мы вправе лететь туда, куда хотим, и быть такими, какими мы созданы.

Ричард Бах

1

...Она выжала для меня мандариновый сок и ушла. Навсегда. Под стаканом с цитрусовым фрешем влажная по краям салфетка. На ней болезненные слова неровным почерком. *«Я уехала. Не ищи меня»*. Она ушла в первый день лета. Не побежал искать ее. Не начал звонить на ее мобильный. Не закурил нервными затяжками. Я взял стакан с соком, поднес к носу. Начал принюхиваться. Неужели мандариновый аромат овладел фиалковым запахом ее кожи? Неужели тот не сохранился на стекле высокого стакана? Мне нужна ты. Я хочу тоже уйти. За тобой или к тебе. Неважно. Важное – это ты...

...Женщины оставляют мужчинам на прощанье волшебные ночи. Женские следы на мужских сердцах. В ночь перед разлукой она целовала не так, как обычно. Ее поцелуи застывали на моем теле, словно снежинки на заледеневшем окне. Почему-то становилось холодно. Сейчас я понял. Прощальные поцелуи теряют теплоту. В них остывшая нежность расставания... В последнюю ночь она смотрела на меня не так, как обычно. Во взгляде отчуждение. Отчуждение наперекор любви. Она понимала, что ей пора, но всячески оттягивала час ухода. Борьба души и разума. Разум победил. Ушла. Сейчас я понял. Во взгляде перед разлукой нет тоски. В нем безмолвный протест. Протест против себя самой. Чувства проигрывают разуму. Чаще всего...

...Открываю холодильник. В нем ничего нет, кроме зеленых яблок. Крупных, сочно-зеленых, с восковой кожурой. Она запомнила. Как-то рассказал ей, что в детстве излечивался от грусти зелеными яблоками. Прятался в зарослях дедушкиного сада, уплетал сочные яблоки, разглядывал небо, считал пролетающие самолеты. Так грусть забывалась. Она понемногу исчезала, как исчезают в небе самолеты... Всю последующую неделю ел яблоки из холодильника. В каждом из них жили воспоминания. Съедал воспоминания, навсегда оставляя их в себе. Никаких самоистязаний. Я грустил, питался яблоками, вспоминал. Где-то в глубине души по-детски надеялся, что в день, когда закончатся яблоки в холодильнике, она вернется. Яблоки закончились. Она не вернулась...

...Все рождается из малого. Наша любовь родилась из одного нечаянного прикосновения. Очередь в пункте обмена валюты. Вечерняя суматоха на Истикляль Джаддеси^[1]. Мелкий весенний дождь, похожий на пудру. Фальшивые песни уличных музыкантов. Продавец мороженого зазывает клиентов. Сонные голуби на крыше газетного киоска. Фисташковый аромат баклавы^[2] в свежем воздухе. Она задевает меня сумкой, и я роняю портмоне. Куруши^[3] покатались по кафельному полу. Я говорю «пардон» на турецком. Она «ой, извините ради бога» на русском. Одновременно нагибаемся, чтобы собрать монетки. Прикосновение. У нее холодные руки. Первое, что заметил в ней. Потом заглянул в ее глаза. Зелено-голубые. С искренней тревогой, обволакивающей нежностью. Захотелось поцеловать ее в губы. Не сдержался. Поцеловал.

Она удивилась, а я влюбился. «Давайте съедим мороженого...» Сказал первое, что пришло на ум. Она ответила на турецком. «Оки^[4]...» Потом вlepила мне пощечину. «Однозначно вы любительница имбирно-шоколадного мороженого...» Она засмеялась, а я не извинился...

...Настоящая любовь соткана из противоречий. Прошита нитями разных характеров, вкусов, стремлений. Наша любовь поселилась между небом и землей. Небом, воздушно-ветренным, была она. Землей, стабильно-приземленной, был я. Любовь между нами... Я – мусульманин, она – православная. Я люблю черничный пирог, она обожает вишневый. Я нахожу себя в осени, она постигает гармонию

летом. Я верю в мимолетность счастья, она верит в возможность его протяженности. Мы были и оставались разными. Различие укрепляло чувства, разукрашивало пестрыми оттенками повседневность. Индивидуальность в любви должна быть сохранена. Иначе со временем погибнут и чувства... Тогда кто из нас размотал узелки чувств?..

2

...Аппетитные шарики мороженого таяли в вазочке из перламутрового стекла. Теряли индивидуальность, сливались в общую бледно-коричневую массу. Она облизывала чайную ложку, время от времени задерживая ее в клюквенных губах. Мысленно покидала эту кафешку с видом на Босфор. Уносились туда, где свободна ее свобода. Чисто женская свобода. «...Мечтаю превратиться в чайку. Парить над Золотым Рогом, клевать рыбу, позволять кормить себя хрустящим симитом^[5]. Самой решать, куда и с кем лететь...» Она говорила про себя, но вслух. Бархатистый голос, редкие ресницы, улыбка с ямочками. Тлеющая сигарета в пальцах. «Эй, чайка, у тебя мороженое тает...» Она вздрагивает, переводит взгляд с Золотого Рога на меня. Проникает в глубину моих глаз. Мурашки по коже. У меня. А на ее лице улыбка.

Вдавливает сигарету в пепельницу. «Могу тебя кое о чем попросить?» Официант подносит горячий чай с кюнефе^[6]. Теплый сахарно-шафрановый аромат гонит прочь ванильные оттенки мороженого. Одна из моих дурных привычек – горячее после холодного. «Проси...» Она снова возвращается взглядом к Золотому Рогу. «Подари мне...» Недоговаривает, закуривает. «Что подарить?» Перед глазами пронеслись вывески ювелирных магазинов, дорогих бутиков. В первые 48 часов влюбленности мужчина сомневается в женщине. На подсознательном уровне. Страх разочароваться. «Подари мне надежду...» От неожиданности роняю сигарету. Она засмеялась. Привстала, перегнулась через столик. Поцеловала в нос. «Подаришь? Ну же, не жадничай...» – «Подарю...» В этот миг зазвонил ее мобильный. Он звонил все время, пока мы были с ней. Нас часто ждут именно там, куда мы возвращаться не хотим... Почему не утопил ее

мобильный в Босфоре? Телефонные трубки мешают делать поступки. Прямо как в песне...

...Ее зовут Мирумир. Она так представилась. «Неужели есть такое русское имя?» Недовольно поджимает губы. «Если бы я представилась Наташей, тебе стало бы легче?» – «О'кей, тогда меня зовут Светусвет...» – «Издеваешься?» Она чертовски сексуально злится. Бросает в меня надкусанным жареным каштаном. На нем следы ее помады. Оп, удаётся поймать его ртом. «Ладно-ладно, будь по-твоему, Мирумир. А кому ты желаешь мира?» Задумывается. «Своему внутреннему миру... Доволен, Светусвет?» Смеюсь. «Доволен...»

Она останавливается у входа в Галатскую башню^[7]. Приставив ладонь козырьком ко лбу, Мирумир поднимает голову. Разглядывает шестидесятиметровую «Башню Иисуса»^[8]. Осторожно подкрадываюсь сзади, целую ее в шею. Чуть влажную, загорелую. Второй поцелуй за первый день знакомства. Нахальство или смелость? Она оборачивается. В глазах грусть. «Я боюсь тебя полюбить...» Прижимаю ее к себе. «Не бойся... Ведь я тебя уже полюбил». Мирумир смущенно отстраняется. «Лучше помоги мне преодолеть 143 ступеньки Галаты... В лифт я не сяду». – «Могу взять тебя на руки. Только за это предусмотрена плата: один поцелуй...» Злится. Опять невероятно сексуально. «Вы все на Востоке так обаятельно торгуетесь? Никаких поцелуев. Вперед и с песней...»

...Она носит одежду цвета морской волны и насыщенный желтый. Так выражается ее предвкушение моря и солнца. «Когда хочу спрятаться ото всех, я мысленно погружаюсь в Босфор. Теплое море, прогретое летним солнцем... Поэтому каждый год приезжаю сюда. Здесь мне не надо нырять. Здесь могу плавать на поверхности». Своим образом Мирумир дополняет ослепительную палитру летнего Стамбула...

Живет не своей жизнью. «Я говорю „люблю“ тому, кого не люблю. Разве это не самое большое несчастье?» Не рассказывает о жизни вне настоящего времени. Пара слов, затем меняет тему разговора. «В Москве холодно. Всегда... Слушай, сколько стоит у вас стрижка в приличном салоне?» Мы не обсуждаем завтра. Никаких планов, идей, задумок. Полюбили друг друга в сегодня.

Любовь редко имеет дело с будущим временем. Зачастую она остается в прошлом или сохраняется в настоящем. Если любовь продолжается в будущем, значит, ее носителям бесконечно повезло... Слышу ветер. Он, перегоняя облака, приносит весточки из параллельного времени. Для ветра расстояние между Стамбулом и Москвой пустяк. Так почему же не рассказываешь о ней, ветер?..

3

...Познакомившись с моей кухней, сильнее полюбила меня. «Женщины распознают характер мужчины молча. Не задаем вопросов, не лезем в душу. Присматриваемся, прислушиваемся, нащупываем. Действуем без слов...» Мирумид убеждает, что кухня мужчины говорит о его характере. «Если кухня чистая, нетронутая, значит, мужчина нуждается в домашнем тепле, хотя готов всячески отрицать это. Такого упряма нужно баловать вкусной едой, но при этом не утомлять вниманием... Если на кухне кавардак, повсюду пепельницы с окурками, значит, у мужчины сложный характер. Под такого нужно подстраиваться, причем очень осторожно... Твоя кухня „живая“. В ней есть жизнь. А значит, с тобой интересно, но совсем не легко. Отстаиваешь свое личное пространство».

Говорю, что не верю в подобные обобщения. Она замолкает, встает с кровати. Надевает лифчик. У нее маленькая грудь с нежными персиковыми сосками. Безумно красива. Изящная сексуальность. Гордая осанка, хрупкие плечи, чувственно выпирающие позвонки. Шрам на правом локте. Коротко стриженные ногти...

Встаю с кровати, поднимаю ее на руки, возвращаю в постель. Брыкается, колотит по спине, возмущается. Я впираюсь в ее сухие губы, напоминающие фиалковые листья. Возбуждающая естественность. Почти не пользуется декоративной косметикой, духами. Такая, какая есть. Без шаблонной красоты, наигранной женственности. Она не читает Кундеру – любит Хёга, Саган, Капоте. Часто повторяет фразу из «Завтрака у Тиффани»: *«Мы с этой кошкой очень похожи. Мы обе бедные, безымянные растрепы...»*

Она целует в подбородок, трется лицом о мою щетину. «Скажи, что не любишь меня... Прогони... Скажи, что тебе от меня нужен секс и больше ничего... Не втягивай в любовь...» Вхожу в нее глубже, шепчу в ухо. «Люблю... Слышишь, люблю... Ты не уйдешь...» Она закрывает глаза. Текут слезы. Любовь со связанным сердцем. У вас такое было? Когда нет пути назад или вперед. Есть только место, на котором стоишь и не можешь двинуться...

Сидит на подоконнике. В трусиках. Обхватив руками колени. Волнистые русые волосы. Банановый лак на ногтях играет в лучах солнца. Приношу кофе. Наступая на «*Bonjour tristesse*»^[9] в мягкой обложке, берет чашку. «Она тебе так близка по духу?» Листаю книжицу. Бледно-серая бумага, плохая склейка. Книга пахнет ею. «Немного... Чем больше читаю Саган, тем лучше начинаю понимать, какой у нее был сложный характер... На первое место она ставила свое удовольствие... всегда... Простительный эгоизм... но не это важно...»

Отпивает кофе. «Великолепно... Ellerine saglik^[10]... А что за кофе?» – «Инжирный». – «Какой?!» Откладываю книгу в сторону, вытаскиваю сигарету из пачки. Зажигалка шалит – пламя прерывистое. «Да-да, родная, инжирный. Его во времена Османской империи готовили. А меня бабушка научила. Бабушка Лале...»

Мирумид открывает окно, втягивает морской воздух. «Эй, Босфоор, привееееет!...» Машет рукой великому проливу, привлекая внимание проходящих внизу людей. Обнаженная девушка в окне шестого этажа средь бела дня. Я смеюсь, удивляясь себе самому. При всех приобретениях современности во мне немало консерватизма. Но рядом с ней я почему-то меняюсь, подобно направлению ветра. Сильное влияние или большая любовь?

«Вернемся к кофе... Расскажи, как его приготовить? Буду им наслаждаться в Моск... Короче, не важно где». «В кофемолку вместе с зернами добавь мелкие кусочки сушеного инжира, щепотку корицы. Вари любимым способом. Вкус, как видишь, особо не изменился. Зато аромат какой... Только не забудь разлить готовый кофе по чашечкам через сито, без гуши».

Допивает кофе. Задумывается. Обращает взгляд на настенные часы. «Принеси скотч. Я хочу заклеить стрелки, чтобы они не двигались. Или вынь из часов батарейки. Сделай что угодно, останови время...» – «Зачем, Мирумид?» Молчит. «Объясни – зачем». Опускает глаза. «Ну

же...» Она неожиданно замахивается и разбивает кофейную чашку о стенные часы. Плачет. «Останови время... Останови...» Обнимаю ее. «Хорошо, хорошо... Не плачь...» Перед разлукой время ускоряет ход, а с наступлением разлуки замедляет. В программе «Love is...» много ошибок. Но переустановить ее невозможно. К сожалению...

4

...Дороги ночного Стамбула все в осколках разбитых сердец. Хрустят под ногами, крошатся, впиваясь в обувь прохожих. Прохожие – это те, кому сегодня повезло. Чутьочку больше, чем другим. Впрочем, каждый из этих прохожих осознает, что завтра ночью может разбиться и его сердце. Закон мегаполиса: всем повезти не может. На пленке «Istanbul Gold 400» более 20 миллионов кадров с человеческими судьбами. Чувствительность повышенная, цветовой баланс – лучший на Востоке...

На часах 03:12. Бейоглу. Богемный район Стамбула. Старшее поколение турков называет его «очагом безнравственности», молодежь – «райским адом». Богемный цветок Стамбула впервые вырос, расцвел именно здесь. С тех пор он каждый день расцветает после полуночи...

Пустая автобусная остановка. Кругом никого, кроме нас и двух пьяных трансвеститов, заснувших у одного из лайтбоксов. Сидим на расстоянии друг от друга. Курим в унисон. Я «Кент 1», она – «Кент 4». Собрала волосы в два пучка. Надела большие очки – желтые стекла в зеленой оправе. «Чего смеешься? Отражение состояния души...» В молчании смотрим на проезжую дорогу в нескольких метрах от нас. Машин мало. Лишь изредка проносятся такси со святящимися шашками. Светофоры меняют цвета, секундомеры на них бесполезно сообщают призракам ночного города о зеленом свете.

Босфор затих, под носом заходится дымом моя сигарета, за квартал отсюда надывается музыка. Прислушиваюсь к словам песни. «Istanbul seni kaybetmis... Eski bir banda kaydetmis...»^[11]. Прямо в сердце. «Я боюсь тебя потерять... Тебя... Мирумир... Слышишь?» Где-то взвыла полицейская сирена. Женский крик. «А я и так потеряна...» Она дует

на светофор, и он, повинувшись ей, меняет цвет. «Смотри-ка, я – фея... Фея с дурной головой... Светусвет, прошу тебя, потеряй меня...» Зазвонил ее мобильный. Не отвечает. «Поздно, детка. Я тебя уже нашел» Бросает окурок, придавливая его носком босоножки. Усмехается. «Так в чем проблема? Потеряешь снова...»

Смотрю в небо. Там кто-то разлил жидкий темный шоколад с кусочками миндаля. Миндаль – это звезды. Вдруг одна из них слетает с неба. Падает прямо в сердце Босфора. Разум мгновенно формулирует желание. Турки говорят, что если звезда с желанием упадет и растворится в Босфоре, то сбудутся «твое желание и желание твоей половинки». Времени нет: звезда приближается к зеркальной глади пролива. Загадываю одно желание на двоих. «Любовь вне разлук». Офф, успел...

Пока наблюдал за звездой, не заметил, как Мирумир подвинулась ко мне. «В Босфор упала звезда... Загадал желание за нас...» Она улыбнулась. Впервые за ночь. «Заметила ее в то же время, что и ты...» – «Да? И какое же желание ты загадала?» Снимает очки. Прислушивается к Босфору. «Это даже не желание... Я просто сказала: „Не отпускай меня...“ Сказала звезде, но подумала о тебе». Снова надела очки. Повернулась к светофору: дыханием сердца меняет сигналы. Сжимаю ее руку в своей ладони и молчу. Бейоглу продолжал греметь, развратничать. На часах уже 04:16. Нам пора...

* * *

...Множу окурки во всполохах рассвета. Заснула, положив голову на мои ноги. Погрузившись в сон, она будто уменьшается в размерах. Тело съеживается, черты лица мельчают. Хочется закутать ее в себя. Спасти от ураганов воспоминаний, дождей отчаянья. Но я не могу двинуться. Мирумир ограничивает мои движения. Жалко ее будить... Даже в стенах царства Морфея она гордо отказывается от помощи, запираясь на замки одиночества. «Каждый свой крест должен нести сам. Зачем утруждать ближнего? У него свой крест...» Мирумир боится ждать. Может, это и правильно? Когда долго ждешь и в итоге не получаешь ожидаемого, перестаешь верить, а соответственно и надеяться. Может, лучше не всматриваться в горизонты с надеждой увидеть алые паруса?.. Нам есть из чего выбирать. Всегда. Я выбираю – ее. Я выбираю – любовь. Делаю выбор за двоих. Ведь в отчаянии

часто не остается сил сделать выбор. В отчаянии хочется, чтобы хоть раз кто-то сделал выбор за тебя... Я делаю выбор за мир.

5

...Не говорит о себе. Обжигается своими же словами. Я не чувствую тайны или неискренности. Мирумир не хочет возвращаться туда, куда затягивает ее разум, вопреки порывам души. «Монро как-то сказала: "Когда наступают тяжелые дни, думаю: хорошо бы стать уборщицей, чтобы вымести внутреннюю боль..." Меня, наоборот, тянет в уборщицы в счастливое время. Хочется вычистить из себя разочарования прошлого, страхи перед настоящим. Я боюсь настоящего, так как не знаю, к какому будущему оно приведет...»

Любит смотреть на меня тогда, когда я не смотрю на нее. Когда я бреюсь по утрам, она прислоняется к дверному косяку ванной, внимательно наблюдает за мной. Когда я объясняю официанту наш заказ, она закрывает руками уши, читает по губам мою речь. Когда я отхожу в туалет, протискиваясь сквозь столики зала, она рисует взглядом сердце на моей спине. «Так нахожу в тебе то, что так долго искала. Нет, ты не принц на белом коне. Ты мое настоящее. Реальное, близкое, родное. И неважно, принц ты или король, есть у тебя конь или нет. Важно, что ты здесь. Со мной. И такой свой... Это не пафос, Светусвет. Это то, что всегда хотела произнести в настоящем. У каждой женщины бережены слова для героя ее настоящего. Счастливого настоящего. Нужно его только дождаться. Я дождалась»...

Лежим на фиолетовом диване гостиной, смотрим «Don't Bother to Knock»^[12]. Она грызет тыквенные семечки, я пью горячий шоколад из «Старбакса». Она в моей рубашке в сине-белую клетку, я в одних трусах-боксерках. Она запрокинула ноги на спинку дивана, я вытянул свои, положил на синий пуфик. Мирумир называет Мэрилин Монро «неприкаянной чертовкой». «Восхитительная девочка... В ней видели сначала секс, потом – талант... Как-то несправедливо...» Я никогда не был поклонником Нормы Джин. «А по-моему, в ней нет особого

таланта. Зато есть отличная попа...» Щипает меня за живот. «Все вы мужики с одного огорода...»

Мирумир встает с дивана, закручивает волосы в узел. Закуривает. «Знаешь, до „Don't Bother to Knock“ я считала Монро пустой актрисой глупых комедий. Но после этой работы взглянула на нее по-другому... По сути, она была несчастной актрисой, так как нехотя играла даже в жизни... Много читала о ней. Нашла в ней нечто, что роднит нас. Я тоже понимаю, что по жизни надо бежать все быстрее. Но у меня тоже не получается – ноги не идут...» Обрывает рассказ, как только он пересекается с ее жизнью. Как всегда...

Отходит к окну. Ставит локти на подоконник, разглядывает проезжающие внизу машины. Замирает, затихает. На мгновение мне кажется, что она исчезла из настоящего. Покинула Стамбул, вернулась в Москву. Зову Мирумир. Не откликается. Страх поднимает меня с дивана. Тихонько подхожу сзади, чтобы не испугать ее. Мои шаги заглушает звук телевизора. Протягиваю ей свой шоколад. «Хочешь? Там еще осталось...» Отрицательно мотнула головой. Морской ветер шевелит упавшую на лоб прядь волос. Сигарета потухла. Не замечает. «...Я бреду на все четыре стороны... Закаленная морозом... Крепкая, как паутина на ветру... Свисающая до земли... Я все еще как-то держусь...» – «Это откуда?» – «Монро написала. Будто про меня, в точку...»

Машины на улице истерично сигналият, столпившись в пробке. Обнимаю Мирумир за плечи, прижимаю к себе. Закрываю окно. «Эй, выше нос. Ты не одна». – «Не грущу, родной. Это другое. Скорее, обычный страх. Страх потерять реальность...» – «Ты ее не потеряешь». – «Может, и не потеряю. Но она рано или поздно сама оборвется... Нужно возвращаться в Москву». Смотрю в ее глаза. «Ты уедешь, чтобы вернуться обратно». Она устремляет взгляд на плачущую в телевизоре Монро. «На „обратно“ труднее всего решиться. Ведь все дороги ведут вперед, а не назад...»

Прикладывает ухо к моей груди. «Послушаю твое сердце...» Улыбаюсь. «Слушай... Могу тебе его подарить». – «Не нужно. Оно и так со мной...»

6

...Завидует голубям. Их свободе и доверчивости. «Я не в клетке. Я на свободе с подрезанными крыльями. Могу взлететь, но не улететь». Гуляем по площади Таксим в окружении стамбульских голубей. Кружат подле нас, вспархивая крыльями. Греются в весенней теплоте, клюют пшеницу с моих рук. Сегодня в Стамбуле хорошая погода. + 18. Сегодня солнце светит для всех, кроме нее. Трудно согреть сердце, когда оно обморожено болью. «Хочу верить людям, как прежде. Подпускать к себе, не отпускать от себя. Держать руку в руке. Как сейчас. Держать и не думать, что с рассветом наступит расставание».

Покупаем еще пшеницы у улыбчивой старушки. Мирумир садится на корточки, протягивает голубям ладони, полные зерна надежды. Одна из птиц взлетает на ее плечо, касается клювом щеки, словно хочет сказать что-то важное. Любимая застывает, закрыв глаза. Прислушивается к голубю. Неожиданно разжимает пальцы. Зерна рассыпаются по асфальту, удивляя птиц. Золотистые крупички на сером.

Мирумир резко встает, надевает очки, убегает в сторону подземки. Бегу за ней. Ванильные облака над головой проносятся в ускоренном темпе. Лица встречающих людей сливаются в один многоцветный размытый образ. Красно-желтый щит «McDonald's» режет глаза. Щеки мерзнут под взволнованным ветром – дыханием Босфора. Машины возмущенно обсигналивают меня, перебегающего дорогу на красный свет. Потерял Мирумир из виду. Апельсиновая беретка затерялась в толпе. Направляюсь к знаку «Istanbul Metrosu». Добегаю. Останавливаюсь, чтобы оглядеться. Где она? Кричать бесполезно – центр Стамбула слишком шумный. Звоню на мобильный, не отвечает. Забегаю в метро. Спускаюсь по лестнице. Она сидит на последней ступеньке, прислонившись боком к стене. Беретка съехала на затылок. Ботинки абрикосового цвета покрылись пылью. Мандариновый лак на ногтях пооблупился. Я не прикасаюсь к ней, не требую объяснений. Просто сажусь рядом, сохраняя между нами расстояние.

Спустя пару минут беру ее руку, подношу холодные пальцы к губам. Целую кракелюры на ногте мизинца. Мимо нас проходят люди

с разными судьбами, взглядами, проблемами. Туман чужих мыслей обволакивает нас. Я поворачиваюсь к ней. «Пойдем выпьем гранатового чаю... Как тебе идея?» Шмыгнув носом, соглашается. «Пойдем». Встаем на ноги, медленно поднимаемся вверх. К свежему воздуху. К наступившей весне...

...Страх обмануться, обознаться. Страх завернуть не туда, куда нужно. Страх пройти мимо, потерять, потеряться. Любовь преодолевает любые страхи, кроме страха самой любви. «Иногда начинаю ненавидеть время. Всё и вся оправдывают, излечивают им. Почему невозможно противостоять времени? Почему нельзя жить вне времени? Ладно, не буду занудствовать. Давай лучше чайку попьем...» Яхта разрезает гладкую поверхность Босфора, и по обе стороны от нее, подобно журавлиному клину, пенятся две волны. Весенний ветерок с мятной отдушкой ласкает щеки, треплет волосы. Синева неба манит – хочется обрести крылья, взмыть на то самое седьмое небо, посидеть в кафе со столиками из взбитых облаков. Приумножить наслаждение ванильным латте с рисунком белого лебедя. Мне хочется в небо отважно шагнуть, найти наш с ней путь и остаться там, временами спускаясь на землю. Нам хорошо быть просто вместе. Просто вместе – это когда не думаешь ни о чем, кроме любви...

Заказываю яблочный чай с хрустящими симитами. Чайки встречают прогулочные яхты, кормятся крошками выпечки. Истошно вопят, выражая благодарность щедрым пассажирам. Она смотрит на прожорливых хранительниц Босфора со светлой грустью в глазах. «В какой-то книжке прочла, что чайки – это безграничная идея свободы в жизни...» – «Так и есть. Я, например, в детстве мечтал превратиться в чайку, чтобы улететь подальше от школы...» Прижимается ко мне теснее. Улыбается. «А каким ты был в детстве?» – «Да ничего интересного... Обычным был». – «Не скромничай... Ну расскажи, пожалуйста».

Откусываю симит. Золотистые зернышки кунжута щекотно осыпаются в рукав моей голубой рубашки. Всегда ношу рубашки с засученными рукавами – еще одна глупая привычка. «Ушастиком был, худющим, с белой-белой кожей. У меня мама смуглая. Когда она

гуляла со мной, все думали, что Сария-ханым устроилась няней. Никто не верил, что такой белокожий мальчик может родиться у такой истинно восточной женщины. Мало кто знал, что у меня бабушка по папиной линии русская...» Смеется и говорит, что судьба здорово подшутила надо мной. «Кто знал, что ты влюбишься в русскую? Ты получал знаки с детства...» Целует меня в подбородок, встает, берет меня за руку. Ведет к корме яхты. «Знаешь, если бы не Босфор, я бы не справилась со вчерашней грустью. Его воздух наполнен надеждой, которой мне так не хватает...» – «А она у тебя есть. Разве наша любовь – не надежда?» «Это другое... Моя надежда – это... ммм... Если даже мир исчезнет, мы все равно найдем друг друга... Если даже исчезнут ночи, мы будем светиться звездами в дневное время... Вот такая моя надежда». Яхта прогудела. Приближаемся к берегу...

7

...До Стамбула жила в ожидании. В томительном ожидании стука в дверь. Она курила в приоткрытое окно, прислушиваясь к шуму на лестничной площадке. Она доставала из духовки сливовый пирог, прислушиваясь к шуму на лестничной площадке. Она отдавалась нелюбимому мужчине с веснушчатыми плечами, прислушиваясь к шуму на лестничной площадке. В дверь стучали. Не те, кого она ждала...

Мирумид продолжала надеяться. Надеяться на то, что появится человек, который прижмет к груди, уверенно скажет: «Собирайся, мы уезжаем». Он скажет, и она, набросив на плечи бархатно-лиловый пиджак, уйдет. За ним, с ним. За судьбой.

Уйдет вопреки планам, обстоятельствам, трезвости разума... Ночами часто просыпалась от того, что ей чудились заветные слова из песни свободы. «Собирайся, мы уезжаем». Всккивала с кровати, бежала в прихожую, где, кроме спящего рыжего кота и волнующихся сквозняков, никого не было. В итоге Мирумид решила сама отправиться за счастьем. Если счастье не идет к тебе, то ты сам должен пойти навстречу счастью...

Срывает с ног ботильоны с атласными шнурками. Широко размахнувшись, бросает обувь в Босфор. Ярκο-малиновая парочка несколько секунд качается на волнах, после чего исчезает в глубинах пролива. «Что ты делаешь?! Не жалко обувь?» Я поднимаю ее на руки, осторожно сажаю на один из камней набережной. Под ноги подстилаю свою ветровку. Сегодня в Стамбуле похолодало. Весна морочит жителей мегаполиса своим непостоянством. «Плевать на ботильоны. Думаю, для сэра Пола Смита это большая честь. Теперь его детище покоится на дне Босфора...»

Сажусь рядом с ней. Закуриваю. Наблюдаю за проплывающим паромом. «А я думаю, Смит не будет в восторге от твоего поступка. Ну, как минимум, из экологических соображений». Улыбаюсь, обнимаю ее. «Да ладно тебе... „Не надо уделять одежде много внимания. Не зацикливайтесь на ней, а то сойдете с ума“. Знаешь, чьи слова?

Да-да, Смита. Считай, выбросила обувь, чтобы не сойти с ума...» – «Нас уже и без того считают чудаковатыми. Так что боты можно было не выбрасывать» – «А разве это плохо? По-моему, нет ничего хуже, чем быть как все...» Соглашаюсь.

Встаю с камня, надеваю ветровку. Снова поднимаю ее на руки. Такси в двух десятках метров от нас. Мирумир необычайно легка. Будто в ней нет ничего, кроме пудинговой души и морского ветра. Пока добираемся до такси, она дремлет на моем плече. Согреваю Мирумир в объятиях счастья, осознавая, что мне наконец-то удалось поймать ту самую редкую бабочку. Бабочку с крылышками цвета настоящей любви...

* * *

...Весной дождь пахнет надеждой. В нем нет необратимости потерь, как в осадках других времен года. За весенним дождем не хочется наблюдать со стороны, погружившись в атмосферу домашнего уюта. Под ним хочется жить, любить, надеяться. Считать капли, сбиваясь со счета, ловить их языком, запоминая вкус свежести новой поры. Весенний дождь похож на мятный коктейль с кубиками льда. Коктейль из весны, так напоминающий лето...

Дождь застал нас по дороге домой. Неожиданно забарабанил по крыше такси, призывая выйти из укрытия. Поиграть с ним. Водитель в панике включает «дворники» – за густой завесой небесных слез исчезла дорога. «Полюбила весенний дождь еще в Москве. Для нас, жителей холодного мегаполиса, он много значит. Ведь следом за весенним дождем появляется солнце. А солнце – это пинок под зад приставучим морозам...»

Опускает стекло, высовывает голову, вдыхая дождевую пыль. Прозрачные капли свисают с ее ресниц, падают, разбиваясь на щеках, стекают с подбородка на желтую блузку. Она откидывает со лба намокшую челку, поворачивается ко мне. Счастье плещется в ее глазах. «Есть идея... Как относишься к прогулке под дождем?» Не дожидаясь ответа, прошу остановить машину. Расплачиваюсь с таксистом. Открываю дверь. Выходим из желтой машины прямо посередине дороги.

Находимся в центре Стамбула. Бежим в сторону парка. Наступаем на лужи, отчаянно хохочем, держась за руки. Ее мокрая блузка прилипла к телу, облекая твердые соски. Воротник моей куртки промок, потеряв форму. Нам было наплевать на все и вся. На то, что причин для нашей разлуки больше, чем поводов для того, чтобы остаться вместе. На то, что наша любовь родилась на краю света, а мы встретились наперекор судьбе. На то, что «трамваи не ходят кругами, а только от края до края». Мы задыхались от нежности, связывая наши сердца салатовой лентой весеннего счастья. Мы не думали о том, что приготовило для нас завтра и сколько времени отведено нашей love story. Жили мгновением, соблюдая один-единственный закон. Закон желания. Погружались в безумства, не думая о последствиях. Весна – пора безумств, лишь отдавшись которым возможно сполна насладиться счастьем. Пусть и самым мимолетным...

8

...По жизни сводит не концы с концами, а ожидания с надеждами. Убегает от пресной жизни. Каждый ее день расписан надеждами. Каждый ее вдох-выдох – это надежда. «Разве есть альтернатива?

Живем во имя оправдания своих надежд...» Мирумир ждет дня, когда вернется в Стамбул навсегда. Синоним ее нынешних надежд – слово forever. «Я вернусь, чтобы похоронить здесь прошлое». Стамбул привык к подобным захоронениям. Не зря его воздух насыщен историей, историями. Стамбул – самый грандиозный многотомник человеческих судеб. «В день, когда расстанусь с болью прошлого, запущу в небо над Босфором воздушного змея с желтым шелковым хвостом. Выпущу душу из клетки обстоятельств...» Мирумир говорит, что заберет кое-кого из прошлого. Частичку себя. И всё. Она знает: для прошлого в настоящем места ограничены.

Спрашиваю, есть ли для меня место в будущем? Промокает белоснежной салфеткой вишневые губы. Кладет голову мне на плечо. С неба сыплется редкий дождик. Собирает капли в ладонь. Смятая салфетка намокает, уменьшаясь в размерах. «Разве мир возможен без света?..»

Забрались на одну из самых высоких точек Стамбула. Вершина азиатского холма Чамлыджа. Здесь проникаемся тихой песней Золотого Рога. Пролив окутан предзакатным туманом. Он усталый. Засыпает рано, чтобы еще раньше воодушевить нас своей утренней красотой. На вершине Чамлыджи хочется молчать. Вытягивать руки вверх, нащупывать пушистые облака. Рисовать на небе мечты, прямо под носом Аллаха. Турки говорят, если встретить рассвет на Чамлыдже, то можно услышать голос «небесного падишаха».

Она срывает сиреневые цветы в зеленой траве, а я думаю о нас. Сможем ли сохранить любовь в настоящем? Сможем ли уберечь чувства от внешних посягательств? Мирумир забирается ко мне на колени, задает вопрос. Ее пальцы пахнут цветочной пылью. «Светусвет, ты никогда не задумывался, почему Бог дал нам одно сердце?» Вглядываюсь в Босфор, получаю от него ответ. Озвучиваю вслух. «Потому что другое он отдал кому-то другому, и каждому из нас предстоит найти его. Найти, полюбить, воссоединиться...»

Дождь усиливается. Укрываемся моей кремовой курткой. Туман рассеивается. А вместе с ним и мои сомнения...

...Один-единственный вопрос ко времени. «Что будет дальше?» В нем нет страха перед завтрашним днем или шквальными ветрами отчаянья. В нем нет желания заглянуть в книгу будущего или изменить неизменное. В вопросе Мирумир нет ничего, кроме надежды. Надежды на то, что у истории настоящего будет продолжение в будущем. Надежды на то, что соль Босфора по-прежнему будет сладкой, а чайки над проливом так же радостно будут встречать рассветы.

На улице почти не снимает очки. «Солнце не должно увидеть отчаяние в моих глазах. Живущее во мне независимо от меня. Оно живет рядом с мыслью о том, что скоро возвращаться в Москву...» Там, в не верящем слезам городе, будет жить снами. Жить – во снах, существовать – в реальности. «Знаешь, в детстве я рисовала свои сны. Ложилась в кровать, укрывалась мягким одеялом и начинала рисовать. Рисовала мыслями что-нибудь красивое. Как только рисунок был готов, засыпала. И мне снилось то, что я придумала... Вне Стамбула буду рисовать вас». Дарю ей наволочку с рисунком счастливого настоящего. Рассвет в Стамбуле, контуры минаретов, силуэты первых чаек. «Обещай, что будешь засыпать на ней». – «Обещаю»...

Шербетные волны Босфора омывают сердечные раны Мирумир. «В Москве мучает боль искаленного сердца. Оно ноет по утрам, изводит по ночам. Если бы не сигареты и надежды, не выжила бы...» Ежедневно приходим к Босфору. Реабилитационный курс для измученного сердца. Босфорский эликсир – лучшее лекарство от синдрома Прошлого. «...Мне хорошо здесь. Рядом с тобой, Босфором. Но даже сейчас, из счастья, я ругаю себя за то, что заражаю любимого своей болью. Зачем тебя мучаю? Если ты уйдешь, не буду просить вернуться... Я, наверное, просто... пойду за тобой. Стану твоей тенью. Молчаливой тенью с отчаянными глазами... Не смогу без тебя». Провожу пальцами по ее волосам. Слегка волнистым, нежно-прохладным в морском ветре, пахнущим красными фиалками. «А я уже не могу без тебя. Не нужно становиться тенью. Просто будь рядом, как сейчас...»

...Перестала извиняться перед гордостью. Еще в тот день, когда поняла, что любовь дополняется чем угодно, кроме гордости. «Нет, она не помеха. Она... она... ну как таблетка от головной боли. Избавляет от мучительного спазма, но при этом сотрясает печень». Невзлюбила гордость за категоричность: в нее сложно вплести согласие. «Она прорастает не из сердца, а из разума. Сорняк, который невозможно вырвать из земли... Отравитель безудержности чувств».

У Мирумир с гордостью старые счеты. Когда-то из-за нее ушла оттуда, откуда уходить не хотела. «От многого отступилась. Многое отрубила. Я ненавижу гордость за то, что по ее велению ушла от любви... Конечно, со временем остыла. Простила чертовку, отлучив от разума. Теперь слушаю сердце. Говорят, большинство ошибок мы совершаем на поводу у соблазнов сердца. Наплевать. Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и пожалеть». Мирумир сидит на подоконнике, забавно раскорячив ноги. Красит ногти лаком черничного цвета. Въедливый запах. Разбросанные по полу ватные закладки. Тлеющая в пепельнице-ракушке сигарета. Всегда красит ногти после секса. Одна из ее женских привычек.

Я лежу на кровати, положив под голову сложенное одеяло вместо подушки. Оно чуть влажное – пропитано потом нашей страсти. Наблюдаю за ней, сосредоточенно наносящей лак на мизинец левой ноги и одновременно рассказывающей о себе. Мирумир медленно расцветает передо мной. Чем больше узнаю, тем больше влюбляюсь.

«Когда заглянула в твои глаза, мое сердце очнулось после клинической смерти. Я серьезно, Светусвет. Конечно, могла попрощаться с тобой, так и не познакомившись. Гордость, паршивка, так и советовала. А я, назло ей, взяла и ответно улыбнулась тебе. Помнишь? Такой идиотской улыбкой... Ты – моя самая большая победа над гордостью». Отключаю мобильный, закидываю трубку в тумбочку. «Детка, слишком многое сваливаешь на нее. По-моему, гордость часто обвиняют те, кому не хватает смелости...»

Закручивает колпачок пузырька с лаком. Машет руками в воздухе – начался процесс сушки. Через минуту заливает дымящиеся окурки остатками колы. Стягивает волосы резинкой, снимает трусики, запрыгивает ко мне в постель. «...Может быть, я и самая трусливая

трусиха в мире... Но я горжусь собой. Честно. Знаешь, за что? Мне хватило смелости полюбить тебя». Провожу руками по ее талии, слегка приподнимаю любимое тело, целую в ложбинку между грудей... За окном вечереет. Снова послышался дождь. Дождливая весна к жаркому лету?..

* * *

...На часах 3:41. Нахожу Мирумир на балконе. Светло-розовая пижама бледным пятном выделяется на фоне ночи. Разбушевавшийся ветер сдул звезды с неба. От шума беспокойных волн Босфора закладывает уши. Она держится за перила – щурится под шквалом. Порывисто затягивается сигаретой, чтобы та не потухла. На ближайшие два дня синоптики наслали прохладно-ветреную погоду. Услышав пессимистичный метеопрогноз, я расстроился, она – обрадовалась. «Соскучилась по ветру. В Москву он не так часто является... Знаешь, с ветром интересно болтать. Рассказывает увлекательные истории самых дальних стран. Кто знает, может, и нашу love story поведаст отчаявшимся на другом конце земли...»

Говорит, что услышать ветер можно ночью. Когда город затихает. «Ветер распахивает душу, лишь оставаясь наедине с тобой. Без свидетелей. Хранитель слишком больших тайн...» Уже вторую ночь выходит по ночам на балкон, чтобы поприветствовать ветер. Прислушивается к его дыханию, прикасается подушечками пальцев к волнистым потокам. Мирумир давно дружит с ветром. «Когда я была маленькой, помню, мечтала путешествовать по миру на крыльях ветра. Захотелось в какую-либо страну, ухватился за краешек его плаща, и он легко доставит туда...»

Сейчас Мирумир ждет ветер с другой целью. «Выветривает боль. Не веришь? Это действительно так. Вдыхаю ветер и чувствую, как он, собрав из нутра темную гущу, вылетает наружу. Легчает. А думаешь, для чего я курю? Своего рода имитация ветра...» В душе любимой живут две мечты, связанные с ветром. «Мечтаю всегда быть рядом с ним... Когда-нибудь поселюсь в доме на набережной. Ветер с Босфора самый чувственный из существующих ветров... А еще мечтаю построить домик на побережье Ирландии. Там скорость ветра

достигает 50 километров в час. Домик будет стоять на возвышающемся над морем утесе. Такой простенький, с белыми стенами, сланцевой крышей. И картин в нем вешать не буду. Виды из окон лучше любых картин...»

Подхожу ближе. Обнимаю ее. Замерзшую, хрупкую и такую свою. «Мечта о жилье у Босфора исполнена. Сейчас находимся в стенах этой мечты. Осталось дом в Ирландии построить. Надеюсь, у нас еще есть время?» Смеется. «Милый, у мечты нет срока годности». – «Отлично. Тогда давай спать, а о недвижимости в Ирландии подумает завтра. Идет?» – «Идет». Уходим с балкона, заперев стеклянную дверь, в которую нам на прощанье машет ветер с Босфора...

10

...Лежим на пурпурно-фиолетовом ковре из опавших цветков рододендрона. Мягкий настил с чуть сладковатым ароматом. Зачерпываем с земли соцветия, посыпаем ими друг друга, наполняясь природной нежностью. Разглядываем взлохмаченные облака на ясно-голубом небе. Застыли в причудливости контуров, вытянув за собой сизые хвосты. Складываем взглядами пазл из облаков, гадая, какой в итоге получится рисунок. В одном уверены – в нем будут все оттенки счастья...

Весеннее счастье иное на вкус. Меньше крема мимолетности, больше густых сливок вечности. И в пышном бисквите чувств много солнца. «Как тебе удалось разыскать в Стамбуле рододендроновые кустарники? Вроде здешнее лето для них слишком суровое...» Достая из рюкзака холодный айсти. Протягиваю ей запотевшую бутылку. Сам наслаждаюсь «Эфесом». Пивная лавина заполняет пустой желудок. Скоро пойдем обедать в рыбный ресторанчик. «Неважно. Главное, мы здесь. Счастливы здесь и сейчас... Если бы вокруг не было людей, поверь, мы не облака считали бы, а занялись кое-чем более приятным...» Поперхнулась от накатившего смеха. Капли айсти стекают по подбородку. Пододвигаюсь ближе. Слизываю холодные разводы с теплой кожи. Целую в ямочки бледно-розовых щек. На ней нет косметики. Естественность невероятно привлекает. «Эй, вулкан

темперамента, не забывайся, мы не дома...» Привстала, взяла влажную салфетку. Вытирает лицо. Затем мое тоже. «Восток, без сомнений, меняет меня... Раньше думала, что способна на секс не больше одного раза в день... С тобой я другая». – «Более страстная?» Снова ложится, вглядывается в небо. «Нет, более настоящая... Неудержимая в любви».

Срываю с куста соцветие, кладу на ее грудь. Награждает чувственным поцелуем, который турки называют dudaktan kalbe^[13]. «...Знаешь, как у большинства женщин? До какого-то времени ждем мужчину, образ которого создаем в грезах. Затем, не дождавшись, начинаем лепить половинку из того, что имеем. А потом влюбляемся в то, что слепили. Связываем чувства в тугие узелки во имя личного счастья. Однако часто мнимая ложь так и остается ложью. А иногда, если повезет, оборачивается красивой правдой... Я никогда не пыталась слепить что-то. Доверялась судьбе. Ждала настоящего счастья. И наконец получила его. Получила, а теперь боюсь... потерять...» Легонько притягиваю Мирумир к себе. «А ты держись за меня крепче и не бойся... Договорились?» Перебирает пальцами мои волосы. «Договорились». Цветы с кустов продолжают осыпаться под ленивым ветерком. Зажмуриваем глаза, прислушиваясь к биению наших сердец...

* * *

... В спешке отпираем дверь, с нетерпением ожидая щелчка, означающего свободу. Вваливаемся в прихожую, слившись в поцелуе. Ненасытные, горячие, бесшабашные. Мои руки проникают под ее блузку, обхватываю ладонями груди. Горячее дыхание Мирумир распяляет, пробуждая настоящую восточную страсть. Стаскиваю с любимой одежду, наваливаюсь, прижимая ее к стене. Опускаюсь на колени. Теплая ладонь прокладывает путь от ее изогнутой шеи к мягкому животу. Запрокидывает голову, распуская волосы: русые волны рассыпаются по плечам. Ее тело перестает биться взволнованной дрожью и расцветает в моих объятиях. Спешим слиться в единое. Будто время ускользает из наших рук, и мы торопимся посадить в почве неминуемой грусти цветы наших поцелуев. Сдерживаюсь. Сжимаю тугую пружину. Попытка запечатлеть в сознании то, что уходит, чтобы снова вернуться. Обхватывает ногами,

сплетает руки на моем затылке. Заглядывает в глаза, в самую глубь: «Не отпускай меня... никогда, слышишь, никогда...» Отвечаю поцелуем...

...Рассматривает меня, обнаженного, пока я ищу заброшенные куда-то джинсы. Чувствую, как взгляд скользит по моим плечам, спине, останавливаясь на самой мягкой части тела. «Слушай, а у тебя потрясающая родинка на попе... От кого досталась? Я где-то вычитала, что родинка на правой ягодице мужчины говорит о его влюбчивости». Вместо брюк нахожу боксеры, непонятным образом оказавшиеся на самом верху двери в ванную. «Не знаю, от кого получил такое наследство. Но одно знаю точно, я совсем не влюбчивый. Если полюбил кого, то сильно и надолго...» Она, ухмыльнувшись, кидает в меня сливой. Успеваю поймать. Отправляю в рот. «Так я и поверила. Не влюбчивые Рыбы – это нонсенс, ашкым^[14]...» Меняю тему. «Может, подкрепимся? Сегодня завтрак беру на себя». – «О'кей... А я займусь кофе». Спрыгивает с кровати, набрасывает на себя халат грейпфрутового цвета. Убегает на кухню, предварительно ущипнув меня за зад. Страсть укрепляет иммунитет любви. Точно сказано...

11

...Любовь тети Фериде окрашена в цвет печали. Именно печали, а не грусти. Разграничивает четко: «От грусти до отчаяния – один шаг. А я никогда не впадала в отчаяние. Теряла любимых людей, убегала от прошлого, оказывалась на дне жизни, но... Всегда вставала, шла вперед. Нет, не назло врагам. Слишком много чести для них. Я просто понимала, что если сама не подниму себя, то меня никто не поднимет. Как видишь, до сих пор стою на своих двух. Хоть и ревматизм грозит списать меня на свалку...»

У нее астма, а она до сих пор курит. У нее повышенный холестерин, а она продолжает готовить на сливочном масле. У нее разбитое сердце, а она все еще верит в любовь. «На мне сотни грехов, а я никак не сдружусь с Аллахом. Ну что могу поделать, если умудряюсь проспать три ежедневные молитвы из пяти?» Живет в маленькой «двушке» на окраине азиатского Стамбула. Стены квартиры выкрасила в ультрамариновый цвет, повсюду развесила афиши старых турецких фильмов в фиолетовых рамках. Поклонница ретро-кино, *türk sanat müziği*^[15], проникновенных песен Зеки Мурен^[16]. Курит много и с удовольствием: «Жизнь слишком коротка, чтобы отказывать себе в невинных шалостях. По-моему, умереть от чужой сигареты, не выкурив за свою жизнь ни одной, – верх идиотизма... Да и не такая я молоденькая, чтобы отказываться от вредных привычек. В моем возрасте привычки давно стали чертами характера».

У тейзе^[17] невероятно чувствительные руки, смелые глаза, выдающийся нос. Всевышний не наградил ее сказочной красотой, зато наделил такой щедрой порцией обаяния, что она искупила все скульптурные огрехи. Седые волосы Фериде не красит восьмой год: держит траур по покойному мужу. «В далекой молодости все, кто меня любил, не нравились мне, а кого я любила – не любили меня. Но Кадир все изменил. Полюбили друг друга в одно мгновение и хранили нашу любовь все сорок лет совместной жизни...» Тетя Фериде всегда поддерживала меня. Даже тогда, когда все отворачивались. «*Gözümün içi*^[18], я доверяла и доверяю твоему сердцу. Ты на правильном пути... Борись за любовь». Она изъявила желание познакомиться с Мирумир.

Пригласила нас на ужин. «Постараюсь удивить русскую гостью... Назавтра закажу у мясника Ильхана свежую телячью печенку – приготовлю по старинному османскому рецепту...»

Встретив Мирумид, расцеловывает ее по-турецки в обе щеки, называет «kızım»^[19], предлагает «посплетничать за сигареткой, пока племянник нальет нам по бокалу вишневого вина». За двумя моими любимыми женщинами на балкон убегает красотка Багира. Пушистая дворняга с короткими лапками, которую тетя подобрала на улице. Именно ею и своим детским хором сегодня живет Фериде. «Багира сразу полезла целоваться к твоей девушке. Поверь мне, малыш, лучшего детектора на хорошего человека еще не придумано... Она милая, душевная и настоящая. Но у нее так много грусти в глазах...» Наевшись печенки в сумаковом соусе^[20], Мирумид отказывается от десерта. И тем самым допускает ошибку! От яств тетушки строго-настрого запрещено отказываться. «Такую отменную баклаву испекла. Никаких „не могу“! Это тебе не та гадость, что турки впаривают туристам. В моей баклаве есть душа... Тебе кофе с сахаром?» Тетушка берется погадать Мирумид: «...много слез выплакала. Вот, смотри, гуца прямо съежилась... Большую трагедию пережила. Женскую... Что-то новое начинается в твоей жизни... Но будет новое испытание... Если выстоишь, получишь счастье».

Выслушав тетушку, Мирумид ничего не говорит. Встает из-за стола со словами: «Извините, я выйду покурить». Фериде понимающе кивает головой. Останавливает меня в попытке пойти за ней. «Дай время... Оно вылечит. Медленно. Сначала грусть заживет, превратится в печаль. Вместе с печалью появится и вера. С помощью Аллаха...» Сажусь на место. Допиваю кофе. Я не верю в предсказания. Я верю в силу любви...

12

...Ее пугают пустые остановки, взгляды луны, дороги без машин. «Вечный страх выпасть из ритма. Думаю, у всех нас, детей Москвы, есть такая боязнь. Изнуряющая мысль о том, что пропускаешь что-то важное. Чисто на интуитивном уровне...» Никогда не сбегала от мегаполисов. Если прячется, то тоже в них. В каком-нибудь потайном уголке, где висит бабушкино пальто с песцовым воротником и пахнет

минувшей осенью. Там исчезают страхи. Чаще всего взрослые прячутся в детстве. От себя, от обстоятельств, правд и неправд. Нырять в светлую пору, когда умели прощать себя, верили в жар-птицу, доставали звезды с неба, засыпали и просыпались с надеждой. «Помнишь фразу из „Часов“? „Я выбираю не удушливую анестезию провинции, а жесткий ритм большого города“. Мой выбор аналогичен. Боюсь в глуши услышать крики прошлого. Не прячу голову в песок. Наверное... Навер... Не знаю... Наверное, просто пытаюсь выжить».

Вкладывает бумаги с отчаянием в белый конверт настоящего. На нем пишет: «Не вникать». «Любимая фраза бабушки. До сих пор в ушах ее категоричная интонация... Я была в детстве жутко сентиментальной. Могла разрыдаться даже от таяния снега. Мне казалось, превращаясь в воду, он плачет. Помню, бабуля обнимала меня, зареванную, со словами: „Солнышко, не вникай“. И когда я выросла, она продолжала говорить мне это. Бабушка не была бездушной. Учила выживать... Сейчас, если отчаяние пытается затянуть меня, я повторяю: „Не вникай“. Как молитву. Отпускает...»

Вспоминая о детстве, всегда плачет. «В России есть такой мультфильм „Умка“. Про белого медвежонка... Каждый раз смотрю его и плачу... Там такая красивая колыбельная звучит... И всю ночь соседи... звездные медведи... светят дальним кораблям...» Наливаю себе мандариновый чай, придвигаю табурет. Сажусь ближе к Мирумир. «Правильно говорят, в каждом взрослом живет ребенок...» – «Так и есть. Я до сих пор та самая худышка с длиннющими косичками, которые таскала всех дворняжек домой... Детство – это то, что мы потеряли во времени, но сохранили в себе»...

* * *

...По мере взросления коллекция наших масок пополняется. К зрелому возрасту можно с легкостью открывать экспозицию «Лица одного лица». Мирумир любит детство за то, что на его сцене нет необходимости играть. В детстве обижаемся, кричим, отворачиваемся, восторгаемся. Все что угодно, кроме игры. Естественность с ограниченным сроком пользования. «Надевать маску – это не значит проявлять неискренность. Маски стали требованием времени...»

Запивает миндальные маффины клубничным латте, мысленно листая альбом детства. Обложила диванными подушками, скрестив ноги по-турецки. «Знаешь, что важно взять из детства во взрослую жизнь? Мечту. И постараться, чтобы у этой мечты не выцвели глаза...» Спрашиваю у нее, может ли любовь быть мечтой? «Наверное, нет. Любовь стучится в дверь каждого рано или поздно. По-моему, важнее отвоевать любовь у гордости и сохранить ее...»

В розовых переулках юности Мирумид уважала любовь, но считала это чувство преходящим. *«У нашего поколения девочек любовь удаивалась эпизодической роли. Она рождалась либо на шелковом дне кошельков, либо в парках провинциальных районов. Нет, мы не были циничными сучками, которые ставили сумочку „Dior“ выше чувств. На карту Москвы мы ставили другие ценности. Считали, что добежать до любви еще успеет. Тогда для нас актуальнее была „успешность“. И знаешь, что самое смешное? Под этим словом не подразумевались карьерный рост и светский статус. Нечто другое. Некое совершенство, что ли... Да и не важно уже. Все равно каждая из нас поняла, что успешность – это и есть личное счастье».*

Добавляет громкость у телевизора. Вслушивается в прогноз погоды. Завтра обещают солнце. «...Каждый раз слушаю метеопрогноз, и в голове вертится один вопрос: „Может, день счастья – завтра?“ Выхватываю из ее рук пульт, нажимаю кнопку „mute“. „Минутку... Разве ты не счастлива?“ Застегивает куртку пижамы на все пуговицы. „Счастлива... Но то счастье, которого я жду, безоблачное... Я хочу, чтобы у нашего счастья все завтра, послезавтра были счастливыми. Я хочу, чтобы у нашего счастья не было метеозависимости. Чтобы все было в наших руках, а не в руках чертовых обстоятельств...“ Крепко обнимаю ее. „Я тебя не отпущу в Москву“. Закрывает глаза. „Не отпускай... ради бога...“

13

...Обжаривает зеленые помидоры в семенах кардамона, нанизывая на нить повествования истории из своей жизни. Мирумид говорит, что не время изменило ее, а она изменила себя. Переключила скорость,

включив сердце. Затачивается сигаретой. Не успевает дотянуться до пепельницы, и столбик пепла срывается в сковороду. «Скучаю по Москве. Не знаю, конкретно по кому, по чему. Родина? Родные? Нет... Там берут начало корни моего отчаяния. Вот такая сердцевина у тоски». Сетует на дурную привычку: постоянно сравнивает прошлое с настоящим. Взвешивает количество минусов и плюсов. Непроизвольно. Будто хочет оправдать нынешние поступки. Раньше такой не была. Раньше было чувство неоправданной безнадежности. Раньше не было чувства вины, как сейчас. Перед кем виновата? Перед собой. Слишком много времени ушло на иллюзии.

«...Наше поколение девочек встречало, провожало дни с отключенным сердцем. Мы не боялись чувствовать. Мы боялись, что оно будет покалечено временем. Временем, когда сложно было стать лучшим среди равных. Мы были рождены летать, но доступ к небу был закрыт. И не важно было, принадлежишь ли ты к категории high class, носишь ли обувь от Prada и отдыхаешь ли в Сен-Тропе. Все равно. Тогда мы покоряли земное пространство, получая возможность лишь прикасаться к небу, да и то в железных оболочках самолетов. Странное было время. Тогда Москве было не лень производить впечатление. Это сейчас Москва пресытилась шиком. Гламур наконец-таки становится образом жизни, а не бабским оружием для сведения счетов...»

Посыпает жареные помидоры мелко нарезанной петрушкой, сбрызнутой лимонным соком. Убавляет газ, закрывает сковороду крышкой. Блюдо должно полчасика потомиться. Пора заняться гарниром – рисом. За ночь до готовности замачиваем его в подсоленной воде. Протягиваю ей дуршлаг. «Ты говоришь о своем поколении... Почему в нем так много марок, роскоши? Неужели туфли от какой-то „Прады“ так много значили?»

Засыпает рис в кипящую воду. Морщится над горячим паром. «Знаешь, забавно получается. Рассуждения о гламуре у плиты... Нет, ашкым, это не моя пафосность. Для тогдашней Москвы, особенно для ее next-поколения, бренды имели безумную актуальность. Как раз заканчивалась пора „новых русских“, забывалась инфляция, начинался расцвет хоть и слишком вычурной, но буржуазности. Москве хотелось

своей „Студии 54“. И мы тогда, помню, жадно листали зарубежные „Воги“ и „Базары“, учились правильно произносить имена знаменитых марок. И мы тогда, поверь, не задумывались, подходит это нам и нужно ли это нам. Мы жили в Москве, Москвою, не подпуская жизнь близко к сердцу. По-другому, наверняка, можно было жить, но мы не могли или, скорее, не хотели. Амбиции юности, лишённые права на ожидание...»

Я задумываюсь, выкуриваю третью сигарету. Закрываю форточку. Вылавливаю вопрос из потока мыслей. «Разве не бывает чего-то вечного?» – «Наверное... Наверное, нет, ашкым...» – «То есть?..» – «Мы сами вечные. Каждый по-своему...» – «Соглашусь... хотя...» – «...хотя вот любовь не подчиняется времени. Она ведь в нас, внутри, а значит, может остаться с нами в вечности». Собирает пенку с кипящего риса. Шумит вытяжка. Скоро ужин...

14

... С радостью встречает ночи. Распахивает окна гостиной, выпускает в дом шаловливый ветерок, затевающий игру с лиловыми гардинами. Сумасшедший гомон мегаполиса стих. Звучит колыбельная Золотого Рога. С приближением ночи заваривает последний кофе уходящего дня. С корицей. Я назвал его «кофе с ароматом женщины». Вчера на Египетском базаре купили полкило палочек корицы. Всё сегодняшнее утро Мирумир усердно молола их, пересыпая ароматный порошок в матерчатый мешочек. В этом мешочке поселилась моя надежда. Корицы должно хватить еще на много вечеров. Значит, Мирумир связывает будущее с нашим настоящим. Не уйдет...

Разливает кофе по керамическим чашкам с рисунком цветов кофейного дерева. Изящные бело-кремовые грозди, с желтыми на кончиках усиками. Именно из этих красавиц рождаются вожделенные ягоды – завоевательницы человеческих сердец... Добавляет в кофе побольше корицы. Снимает утомление, пробуждает страсть. «Моя прабабушка, этническая полячка, готовила такой кофе. Его аромат, разливающийся каждый вечер по дому, вспышка из детства... И сейчас вижу ее у плиты. Она собирала седые волосы костяным гребнем,

отливала алые петушки леденцов, приучала читать по одному рассказу Чехова перед сном... У меня опять приступ ностальгии... Лучше кофе пей, остывает».

Садится рядом. Кладет между нами корзиночку с гранатовым лукумом. В комнате тишина. Телевизор отключен, соседи сверху уgomонились, на улице простыли звуки. Только колыбельная Золотого Рога, дыхание Босфора и шепот звезд над ним... «Не правда ли, она потрясающая...» Откусываю лукум. Сладость жжет горло. «Кто именно?...» Отпивает кофе. «Ну, ночь... В ней столько шарма, силы...» – «По мне, так день лучше...». Смеется. «Ну не зря назвался Светусветом... Как думаешь, за что люблю ночь?» – «...?» – «Ночь связывает нас с утром. А утро – новый день, новый вдох, новые надежды...» Допиваю кофе, ставлю чашку на стол. «Ой, любимый, у тебя кофейные усы появились...» Мирумид тянется ко мне, захватывает поцелуем кофейные штрихи в уголках моих губ. Ночь нежна...

* * *

...Спрятаться от себя невозможно. Бежать куда-либо бессмысленно. Все равно боль вернёт обратно. Вернет туда, где начинаются следы безнадежности. Время примиряет с собой. Встает перед тобой зеркалом, заживляя в отражении шрамы сердца. Смотришь на себя и, сквозь паутину отчаяния, понимаешь, что хочешь идти дальше. Жить, верить, снова ждать. Улыбаться кудрявым облакам, объедаться вишневым мороженым, чувствовать щекотку пузырьков в носу от выпитой газировки, целовать мерцающие под луной губы. Ни одна боль не способна отвернуть человека от жизни. К любой запертой двери найдутся ключи, которыми ее можно отпереть... Не раз убегала из Москвы. Ее не преследовали, не изгоняли. Она сама уносила в неизвестность, смывая слезами обратный путь. Возвращалась. Спустия время. Дороги назад уже были заново отстроены поутихшими эмоциями.

«Все-таки родина – хитрюга редкостная. Удерживает мыслью, что „здесь – ты свой“. Самообман. Родина – это место, где хочется остановить время, а не ускорить его... В Москве хотела ускорить ход

стрелок часов. Спешила узнать, к чему я приду в итоге. Всячески успокаивала себя. „Мирумир, потерпи! Очередная черная полоса...“ Знаешь, что поняла? Жалуются на черную полосу те, кому не хватает смелости перекрасить ее в белую... Три года маялась, не могла взять кисть в руки. И вот наконец-то получилось перекрасить нутро. Ты – светлый оттенок моей жизни...»

Жесткость Москвы терзала мягкое сердце Мирумир. Она принимала ритм мегаполиса, отторгала его жестокий фон. «Кто-то скажет, что жесткость и жестокость не могут существовать отдельно в контексте big city. Я не согласна. Почему в коктейле „Мегаполис“ больше горькой водки сложностей, а не приятного ликера душевности?! Пусть будет хотя бы поровну...» Часто видит во сне не верящий слезам город. Видит Поклонку, Москву-реку, Воробьевы горы. Видит картинки из беззаботного детства, окрыляющей юности. Но все сны о Москве почему-то черно-белые. «Я не скучаю. Я просто еще не разобралась с прошлым...»

15

...Жизнь для Мирумир – одно сплошное ожидание. Гложущее ожидание одного-единственного поезда с длинной чередой вагонов. Маршрут один, меняются остановки. Всего три станции: «Прошное», «Настоящее» и «Будущее». В руках билет на неопределенный срок, в мыслях – сумбур сомнений, в сердце – бутоны надежды. Чаше они расцветают, а порой – увядают. Как повезет. Человеческие судьбы подвластны Случаю. Кто-то сказал, что Случай – это псевдоним Бога, когда он не желает подписываться своим именем...

Она вечно чего-то ждет. Не от людей. От Судьбы. «Бабушка в детстве называла меня Ожидалкиной. Сколько себя помню, всегда с тоскою смотрела на окружающий мир. Будто что-то должна получить от него. Бабуля рассказывала, что во время прогулок в парке, если кого-то звали при мне, я первой оборачивалась, хоть и звучало не мое имя. Я наблюдала за детьми, которые играли со своими отцами. Так хотелось подойти к ним, попросить: „Можно мне с вами?“ Однажды сказала об этом бабушке, она жутко возмутилась: "Ну-ка, не дури!

Мать у тебя уважаемый человек в районе. Опозоришь ее... " Приходилось порывы прятать в себе. Но если кто-то из мальчишек в парке пропускал мяч, я быстрее бежала за ним. Хватала, приносила отцам этих детей. Те щипали меня за щечку, благодарили: „Спасибо, умница“. Была Ожидалкиной и этого было достаточно...»

Мирумид возвращается в собственное детство. Тербит пальцами прядь волос, прячет глаза. *«Таких историй, как моя, миллионы по России. У нас в классе пятнадцать из двадцати ребят росли без отцов. Тогда это даже объединяло. Создавалось некое движение, must have того времени. Если у тебя нет отца, значит, ты один из нас. Глупцами были. Прикидывались пофигистами, хотя внутри мы все были Ожидалкиными... Брошенные дети всегда ждут ушедших отцов».*

Наливает себе чай, добавляет три кусочка сахара. Перемешивает. «...Знаешь, какое слово я никогда не произносила? Папа. Некому было сказать. Вот сегодня произнесла впервые, и то не по адресу. В присутствии мамы, бабушки, друзей говорила исключительно „отец“. Свысока, с показным цинизмом, мол, ни в ком не нуждаюсь. А сама ждала. Перебиралась с одной станции на другую. Ни на „Прошлой“, ни на „Настоящей“ папы не было. Веришь, Светусвет, я все еще жду папу на „Будущей“...» Задумываюсь над словами Мирумид, понимаю, что мне нечего добавить. Я не знаю, что такое жить без отца. Я никогда не был Ожидалкиным...

Передвигает пальцем крошки от тостов на кухонном столе. Задумывается. *«..Девочкам, растущим без отца, сложнее, чем мальчикам. Хоть и говорят, что мужчине важнее мужское воспитание. Девочки в ситуации безотцовщины лишены героя. Отсутствует образ, который стал бы ориентиром во взрослой жизни. Поэтому в личную жизнь мы приходим слепыми котятками. Способны верить, но не способны доверять. Бросаемся из крайности в крайность, с шеи на шею. Набиваем шишки в поисках замены тому, чего лишены с рождения... Мама была известным адвокатом. Хорошо зарабатывала, ни в чем не отказывала единственной дочери. Купила*

мне Барби. Я любила куклу и завидовала ей. У нее-то наверняка был папа...»

Допивает остатки чая из кружки. «С годами сумела абстрагироваться. Переварить врожденные потери. Но все равно чувство несправедливого унижения саднит изнутри... Я не пыталась искать отца. Мать сказала, что он погиб. Не верю. Женщинам легче похоронить мужчин, которые ушли, оставив след в их жизнях». Она встает со стула, подходит к раковине. Открывает воду, чтобы вымыть кружки...

16

...«Счастье не за горами» – белая надпись на ее оранжевой майке. Тщательно счищает кожуру с красного яблока, прикусив кончик языка. Признается, что часто злится на жизнь, но никогда от нее не отказывается. Даже оказавшись на дне колодца отчаяния, ищет во тьме луч света. Люди, называющие себя слабыми, в сущности самые сильные. «Я по жизни такая. Смех сквозь слезы... Невозможно быть постоянно счастливой – но зато одной мимолетной вспышки счастья может хватить надолго. Люди собственно и живут в ожидании подобных вспышек... А боль? Соль слез лечит».

Разрезает яблоко, вычищает сердцевину. Одну половину отдает мне, другую оставляет себе. Я не хочу отделяться от любимой даже в таких мелочах: вынимаю из руки Мирумир часть ее яблока. Две разделенные дольки снова соединяются. «Не будем делить чувства на твои, мои... Останемся одним целым». Мирумир прокалывает светложелтое тело фрукта зубочисткой – теперь половинки крепче закреплены. «Вечно боюсь, что любую связь разорвет кто-то из двоих. Причинить нам самую страшную боль сможет тот, кто подарил больше всего счастья...»

Закуриваю. Последняя сигарета в пачке. «Мы не станем брать друг с друга обещаний. Давай будем вместе. Просто вместе... В любви не нужно кому-то что-либо доказывать. В любви все всегда заново, для двоих...» Опускает глаза: «Я вот думаю... Моя неуверенность здорово

мешает нам... Ты делаешь шаг вперед, а я назад. Если бы ты не держал меня за руку, давно отстала бы. Не способна сделать нашу любовь сильнее...» Она отпивает молочно-клубничного коктейля с шапочкой взбитых сливок. Итальянцы утверждают, что клубника вдохновляет любовь. «Милая, не надо думать, искать, рассматривать... Просто люби. Этого достаточно». Берет мою руку. Целует в ямочку ладони. «Обещаю, Светусвет». Спутник веры – теплота прикосновений...

* * *

...«Я не люблю писать писем, в них есть какая-то обреченность. Поэтому не считай эти строки письмом. Это всего лишь не раз озвученное признание, которое мне захотелось переложить на бумагу. Чернилами настоящего. Я не одарена талантом складывать вместе красивые слова. Я всего лишь одна из влюбленных женщин, и снова хочу сказать: люблю тебя... Ты был прав, настоящая любовь невозможна без страхов. Они учат любящих дорожить друг другом, крепче завязывать узлы. Любовь не дает возможности отложить завтра на послезавтра, растягивая счастье...

Я боюсь. Боюсь потерять, упустить, пропустить. Не могу иначе. Пусть наши сегодня провожают нас в завтра... Если когда-нибудь мы потеряемся в переулках времени, найди это листок. Перечитай. Он станет твоим указателем. Найди меня, если даже попрошу не искать. Отыщи, взгляни в глаза, не слушая слов. Слова зачастую не от сердца – от ума. Доверяй только глазам, отражающим душу...

Помнишь наши первые свидания? Тогда эти отношения казались нам безнадежными. На тот момент они были возможны только в настоящем времени. Сейчас верим в будущее. Нам остается набраться сил, чтобы шагнуть на его территорию... Перечитываю написанное. Правильно говорят: любовь пробуждает в нас неизвестное. Оказывается, я могу выразить свои чувства словами. Но все это – притекающее, утекающее. Самое важное – любовь. То, что вдохновляет жить... Я люблю тебя. Ты – мой свет. Маяк, ведущий к счастью. До будущего осталось совсем чуть-чуть –

рукой подать. Так что держи меня крепче, держи мой мир в своей ладони, не отпускай... Даю слово, я буду верить, а значит, и идти навстречу свету... И сейчас, дописав, я пойду к тебе. Точнее, вернусь к тебе... Люблю.

М.»

17

...Родилась с бунтом внутри. Акушерка шлепала ее по спинке, дожидаясь первого крика. Крошка стоически отмалчивалась, подпрыгивала маленькими ручонками. Врачи занервничали. Новорожденная Мирумир не завопила, пока одна из медсестер не обратилась к ней: «Ну же, малышка, не подводи!» – «Я отказывалась делать то, что делают другие, когда положено. На день позже, на час или минуту раньше – лишь бы не как все...» Не была пай-девочкой. Родня с ней намучалась – приходилось подолгу объяснять, уговаривать. Не убедившись в необходимости поступка, она его не совершала. «Мама со мной настрадалась и в итоге отошла в сторону. Времени на воспитание у нее не было – она же деньги зарабатывала. Все взяла на себя бабуля. Не ругала меня, не била, разговаривала как со взрослой – я понимаю только такой язык...»

С бабушкой у них было полное взаимопонимание, пока Мирумир не стала подростком. Внутренний бунт нарастал, накрывая волной разум, воспитательные установки, наставления окружающих: «Я отбилась от рук. Взыграл юношеский максимализм: мне казалось, что быть домашней девочкой как-то неправильно. Влилась в Москву того времени. Сигареты в подъезде, сильно накрашенные глаза, томик Саган в рюкзаке, песни Жанны Агузаровой в наушниках, первый „выворот“ от первой выпивки, глупые отношения – ожоги... Не жалею, через это нужно было пройти. Мы были первым поколением московских девочек, разочарования которых равнялись опыту, а «розовые очки» являлись неотъемлемой частью имиджа... Главное, чтобы та переходная беспробудность не засосала. Надо суметь всплыть, сбросить счетчики. У меня получилось. Благодаря одному человеку...»

Подростковый бунт Мирумир разделял... дедушка, Георгий Спиридонович. Мудрец с влажными глазами цвета неба, тяжелыми руками с прижившимися со временем мозолями, грубым, но не без душевности голосом. Он жил за городом, в домике с большим садом. Вишневые, абрикосовые деревья, кусты малины под верандой, утренняя роса на траве, деревянный забор, скрипучая калитка с номером 63. «Дед не согласился переехать с бабушкой в шумный город, к дочери. Сказал: „Ты езжай, а я здесь останусь. Будете навещать меня на выходные, на каникулах“. И мы навещали. Дедушка, встречая, целовал меня в лоб – помню огуречный запах одеколона, шершавость изношенной рубашки, искреннее тепло объятий. Бабушка с мамой жаловались на меня, а он защищал. "Не мучайте внушку своим воспитанием. Она умница. Она не подведет... " Веришь ли, Светусвет, я так ни разу и не подвела его. Эти слова оставались той самой чертой, которую я не осмелилась переступить. Любила деда больше мамы, бабушки... Он воспитывал меня своим пониманием».

Смотрим «Россию» по спутнику. Выпуск новостей. Диктор читает репортаж, посвященный Дню Победы. Война ушла в прошлое, но рубцы на судьбах тех, кому удалось выжить, остались. «Каждый год 9 Мая мы ездили к дедуле. Бабушка уезжала за два дня загодя. Готовилась к празднованию – ждали гостей из Москвы. Дочерей с внуками, бывших соседей, друзей-ветеранов. Мама заказывала торт у соседки тети Лары, покупала букет гвоздик, подарок для дедушки, из-за которого тот всегда бранился: „Ну и зачем ты тратишься, дочка?! Я уже старый, мне много не нужно. Вы – есть. Чего тут еще?..“ Я торжественно вручала дедуле цветы, он целовал в щечку, потом я пела *...это праздник с сединою на висках, это радость со слезами на глазах, День Победы, День Победы!* Я по-детски гордилась дедушкой, рассматривая ордена и медали на его парадном костюме».

Сейчас День Победы для Мирумир – отголосок воспоминания. Георгий Спиридонович умер четыре года назад. Внезапная остановка сердца. Спустя неделю умер с тоски и его пес Банзай. Навсегда заснул в кресле покойного хозяина, так во сне и убежал в лучший мир, где теперь живет Георгий Спиридонович. «Долгое время еще утром в девятый день мая я бежала к телефонному аппарату. Позвонить тете Ларе, спросить, готов ли торт... Но выходила из спальни и понимала,

что звонить некому. Ни дедушки, ни тети Лары в живых нет. Осталась только мама и бабушка. Ни одна из них так и не вернулась в дом, где умер их герой. Точнее, наш герой...»

Переключает канал, прерывая рассказ. Выходит на балкон, прихватив пачку «Кента». Выкурить тоску воспоминаний...

18

...Она носит обувь исключительно на каблуке, красит волосы в цвет солнца, кошек награждает человеческими именами и спит на подушке из сушеной айвовой кожуры. Ругает политику «Миши Саакашвили», поддерживая республиканцев Грузии. К тому же «если бы президентами становились женщины, а не заносчивые мужики, то в мире было бы спокойнее». Восхищается Катрин Денев, слушает пластинки Нины Брегвадзе, а перед сном читает рассказы Нодара Думбадзе, который «возвращает в детство».

Скучает по своему кирпичному домику на окраине Рустави^[21], где по вечерам собирались с соседками за большим столом, обсуждали мужчин, политику, кулинарию. «Мне повезло, что я выросла в Рустави: там получила настоящее грузинское воспитание, которого, кстати, лишены многие тбилисцы. Столица Грузии, несмотря на пресловутую закрытость, вечно подвергалась чужим влияниям – особенно в советское время». На четвертом десятке она перебралась в Стамбул: «Отари, мужа моего покойного, пригласили работать в местном посольстве Грузии. Переехали сюда с детьми, но я долго не могла привыкнуть. А вот сейчас считаю Стамбул второй родиной. Да и турчанки чем-то схожи с грузинками. Чисто внешне. Хотя темперамент в корне другой...»

Живет в гордом одиночестве. Сыновья выросли. Оба женились на турчанках, переехали жить в Германию. Звали, зовут к себе – отказывается уезжать. «Мне одной комфортнее. Не в том уже я возрасте, чтобы с кем-то уживаться... Сказала мальчикам, чтобы похоронили меня в Рустави. Умереть хочу здесь, а упокоиться в родной земле. Рядом с Отари. Но я отходить в мир иной не тороплюсь. Бог меня любит. Пообещал, что проживу еще десяток лет. У нас с ним

приятельский договор... К тому же, скажу по секрету, Бог неравнодушен к блондинкам». Громко хохочет, промакивает выступившие слезы желтой салфеткой, другой рукой тербит мордочку ленивого кота Франсуа. Типичный грузинский юмор – колкий, но добродушный...

...Ирма, 66 лет. Моя соседка по лестничной площадке. Живет в однокомнатной квартире с двумя упитанными котами. Живет воспоминаниями, а не настоящим. «Я прошлого не боюсь. Подружилась с ним еще в первые дни климакса. Поздновато, конечно, – но таким эмоциональным людям, как я, вообще сложно настроиться на волну времени. Сейчас Прошлое почти ежедневно захаживает ко мне в гости: перекидываемся картами, пьем мое любимое вино из Алазанской долины, листаем книгу воспоминаний... Я горжусь и поражениями, и – потом – победами». Ирму нельзя назвать красивой. Нос орлиным клювом, тонкие губы, большой лоб. Зато какой у нее взгляд! В нем столько любви, что ее с лихвой хватило бы всем жителям земли... «Мама ругала меня за наивность. Говорила, что человек должен быть немного эгоистичным, капельку циничным, в меру доверчивым. А в моем характере, кроме доверчивости, ничего и не было. Верила абсолютно всем. Даже одноклассникам, которые рассказывали мне, 14-летней дылде, страшилки про руку из черного пианино. Помню, наслушавшись подобной чуши, ночами спать не могла... Я родилась на рассвете. Если верить египтянам, дети солнца больше отдают, чем берут. Так и есть. Жила, живу болью чужих сердец».

Находила спасение в книгах. «Когда-то мечтала открыть типографию под названием „Счастье“. Печатать книги по низким ценам. Лично выбирать бумагу, следить за качеством переплета, вдыхать первый запах нового издания. Книги дарят людям счастье, становятся укрытием от реальности. Книги – лучшие друзья большинства женщин, а не бриллианты. Когда нам недостает любви, мы беремся за любовный роман. Когда хотим забыться, погружаемся в увлекательный детектив... Типографию так и не открыла, не получилось. Муж, дети, заботы. Сейчас для этого уже нет ни сил, ни

„бумажек“. Мальчики, Бог им в помощь, обеспечивают меня, ну а просить у них деньги на такое я не стану...»

...Встречая нас в подъезде, обязательно зазывает в гости. Угощает отменным хачапури, сливовым ткемали, непременно вином. «Вы такая гармоничная пара. Смотрю на вас, вспоминаю и свою молодость. Свидания с Отари, нашу первую близость в винном погребе, прогулки вдоль Куры. Тогда времена были другие. Менталитет значил больше, чем любовь. Важно было, с кем встречаешься, из какой семьи твой суженый. Строго чтились традиции. Сейчас-то любовь получила свободу... *Не бойтесь любить! Любовь побеждает и будет побеждать. Главное в борьбе друг за друга – верить друг в друга...*» Ирма заваривает горький-горький кофе. По-грузински. Нарезает «вагончиками» чурчхелу с сахарным налетом, складывает в вазочку перед нами. «Родные мои, всегда найдутся люди или обстоятельства против любви. Бывает, кажется, время замерло, дороги вперед нет. Тогда надо закрыть глаза и шагнуть, не думая, куда и для чего. Если любовь сильная, волны обязательно вынесут к берегу...» Ирма закуривает трубку, выдыхая дым строго вверх. В нем читается наша с Мирумид одна на двоих мысль. «Обязательно победим».

19

... В восьмой день мая на улицах Стамбула женщин значительно больше, чем мужчин. Они лучезарно улыбаются, смущаются под пристальными взглядами, но, конечно, гордятся. Своей природой. Сегодня Турция празднует День матерей. Сидим с Мирумид в кафе на крыше одного из отелей Таксима. За столиками вокруг женщины в компании мужчин: мужей, сыновей, племянников. Через два часа еду к маме поздравлять. Любимая съездить со мной отказалась.

«Пока рано». Я не настаиваю. В любви нельзя душить свободу...

Она помещивает затейливо скрученной трубочкой гранатовый сок в стакане из розового стекла. Подперев рукой подбородок, разглядывает билборд «Sex and the city: the movie» на соседнем здании. Икона стиля Кэрри и вершина харизмы Биг улыбаются друг другу с красочной афиши. Мирумид ждет не дожидается премьеры: «Хочется

быстрее окунуться в этот мир неупущенных безграничных возможностей...» Ветер с Босфора заигрывает с ее выбившейся прядью. Она собирает волосы за ухо, но через секунду непослушная прядка снова падает на лицо.

Признается, что безумно хочет позвонить матери, поздравить. Хотя та и не турчанка, и недолгоблудивает Восток. Позвонить со словами: «Я люблю тебя»... Сомневается: «Нет, лучше не надо...» Она могла бы выплеснуть внутренний порыв на волю, развеять его на соленом ветру, но боится отдать мечту в руки поступку. «Хочу остаться в сказке: побыть еще немного здесь, не думая о том, кто и где меня ждет. А звонок маме стал бы погружением в реальность – в отчужденную реальность...» Мирумир знает, что *туда* нужно возвращаться, рано или поздно, но растягивает время. «Вдохни в меня сил, чтобы *там* я сумела отстоять необходимость возвращения *сюда*».

Обида на мать по-прежнему живет в ней. Только с годами меняет оттенки – светлеет. Мирумир уже не играет роль послушной девочки. «В наших отношениях нет лицемерия. Искренни и я, и она. Нет, это не терпимость – просто-напросто мы отказались друг от друга, оставаясь на одной сцене, в одной пьесе. Но у нас честные отношения, без игры в „дочки-матери“ напояз... Мы – люди разных жизненных платформ, хотя и связаны свыше. Такое бывает, Светусвет. Она считает, что я живу не так, как должна жить. Я считаю, что она ждет от меня того, чего не стоит ждать. Думала, что не смогу простить маме определенных поступков. Однако время многое смягчает».

Вертит мобильный в руках. Пальцы дрожат на кнопках. Не решается. «Я могу злиться, возмущаться, но стоит мне услышать мамин голос... и я готова ей все простить. Готова обнять ее крепко-крепко! Но она смыкает руки на груди, не подпуская меня к себе. Между нами – невидимое стекло разочарований. Говорит: „Я вырастила слюнтяйку, а не дочь“... Она выполняет „материнский долг“: перечисляет деньги мне на карточку, посылает ко мне домработниц, через бабушку передает подарки. Я для нее дочь согласно бумагам, а не частичка души».

Мирумир распускает волосы, закидывает заколку в сумку. «Как бы я ни говорила, что отношения с мамой меня мало волнуют, а все равно переживаю. И чем старше становлюсь, тем больше тоскую по ней. Не по ней даже, точнее, а по мной же созданному образу матери. В реальности его нет. Я нарисовала маму, о которой мечтала с детства. Маму, которая не ударит по коленке с криком: „Не мотыляй ногами!“ Маму, которая не заберет из детского сада с двухчасовым опозданием. Маму, которая не будет унижать родную дочь, сравнивая с дочерью соседки. Я ее не считаю виноватой в чем-либо, но, видимо, во мне еще живет та недолюбленная девчушка. Грусть из детства возвращается... Когда-нибудь у меня будет дочь. И я непременно исправлю ошибки мамы. Быть может, моя девочка будет обделена в дорогих игрушках, но она никогда не будет обделена любовью. Никогда...»

Мирумир неожиданно набирает номер. На том конце провода отзывается недовольный женский голос. Любимая нажимает отбой. В ее глазах дрожат невыплаканные слезы...

20

...Постигает закон счастья через собственные понятия. Злится, когда всю многогранность чувств сводят к нескольким словам. Она верит в то, что счастье Саши может быть не похоже на счастье Сани. «У нас всех всё по-разному. Хотя бы на уровне чувств. Кому-то приносит счастье внезапный поцелуй под весенним дождем, а для кого-то счастье – это пачки евро в чемодане из кожи ската... Счастье не поддается обобщению».

Мы лежим на зеленой траве парка Эминёню. Закатали красно-синий плед под головы. Не понадобился: сегодня +26. Лето приближается. Она откусывает с хрустом зеленое яблоко, я общипываю виноград – чилийский, не вполне бордовый и совершенно безвкусный. Спрашиваю: «А что для тебя счастье?» Она закладывает руку под затылок. Щурится под лучами щедрого солнца. Из тенистой глубины парка кто-то пускает солнечных зайчиков, они скачут по темным местам, одежде... «Для меня счастье – это ждать и

дождаться». У счастья нет синонимов. Его можно описать только через собственные ощущения.

«...Сначала мы искали счастье в сказках, рассказанных перед сном, в своем мирке под теплым одеялом, в запахе плюшевого мишки под боком. Потом – в первой победе на Олимпиаде по литературе, в невинных школьных романах, в тревожных песнях Цоя. Затем наше поколение девочек пыталось найти счастье под бирками громких марок, в ненужных отношениях с пустыми фатами, в книжках под кричащей обложкой, которые мы демонстративно выкладывали на столики первых кофеен. Только сейчас я не ищу счастья: оно рядом, и во мне... Большинство людей счастливы настолько, насколько они решили быть счастливыми».

Жалуется на отсутствие «распродаж счастья». «А что, почему не бывает скидок на счастье? Цены на него вечно завышены, вне зависимости от сезона! Надо пожаловаться в Союз свободных потребителей... А если серьезно – мы, как правило, платим за счастье дорогую цену. Вот и лично я, за теперешнее счастье...» – «Все долги погашены, любимая. Don't worry, be happy^[22]...»

Мирумир поднимает голову с подушки, кладет ее на мой живот. «Знать, что рядом тот, кто любит, – вот в чем счастье. Все до банального просто». Мы оба надеваем очки, погружаемся в идиллическую весеннюю полудрему...

* * *

...Она шла к счастью ложными путями. Неудивительно – ведь путеводителем был ум: прагматичный «агрегат», находящийся под давлением массовых заблуждений. Идти по Судьбе в компании ума достойно сожаления и ведет к ошибкам.

«В какой-то период я перестала верить сердцу. Мне казалось, оно обрекает на невезение. Это похоже на мороженое, съеденное в холодную погоду: идешь на поводу у желания, а в результате заболеваешь ангиной. Тяжело выздоравливаешь и зарекаешься есть эскимо на морозе... Я вот тоже в один день зареклась прислушиваться к сердцу. Махнула на него рукой, решила жить умом. Это выглядело

как-то правильно. Люди, живущие по уму, многого добиваются – ну такого, общепринятого. Карьера, статус, деньги... Я же дурой была, не понимала, что те, кто доверяет исключительно своему уму, теряют сердце. А сердце – в нем жизнь...»

Дорога к счастью никогда не бывает короткой. На долгом пути, полном туманных образов и идей, важно не отступить от цели – обрести себя. И в этом счастье. Она же шла мимо полуразрушенных заборов человеческих мечтаний. По хрупкому грунту совсем не великих, но очень важных побед обычных людей. «Всегда надо идти вперед. Вопреки усталости, боли, разочарованиям. Верная цель формируется в пути... Я с детства любила пешие прогулки, будто предчувствовала, что еще не одну пару обуви сношу по дороге к счастью. Нападала грусть – шла гулять с дождем. Переполюняло счастье – шла гулять с солнцем. Нельзя замыкаться в чувствах. Конечно, бывают моменты, когда хочется запереться на все замки. Для переосмысления. Главное – выкарабкаться из водоворота прошлых обид...»

Она научилась прощать, не жалеть о допущенных ошибках. «Отпускаю боль утраты, как бы трудно ни было. Возвращаюсь на финишную прямую – и вперед, в путь. За очередной мечтой... Наша жизнь – постоянное движение, останавливаться можно только для перекура. И тут важно не забыть заказать к сигарете кусочек клубничного пудинга...»

...Аэропорты – параллельная реальность. Другая энергетика. За кажущимся хаосом – отработанная схема. В этой реальности ежеминутно воспаряют и приземляются надежды. Аэропорты – шумные муравейники человеческих судеб. В их полутемных залах кто-то кого-то ожидает, провожает. Десятки людей сидят рядками на прохладных одноцветных скамейках, теребя книжки билетов. Мысленно заглядывают сквозь смотровое стекло в салоны взлетающих самолетов, надеясь, что хоть один из них держит курс на счастье. Однако действительность надеждам потакать не собирается. В действительности существует конкретный рейс, и ты в ожидании посадки гадаешь, верный ли выбран путь. Получится ли найти *там* то, что не удалось разыскать здесь?..

Мирумир улетала из Шереметьево с трещинами на сердце. Ехала в аэропорт со слезами, дрожащими под затемненными очками-авиаторами. Ранним утром понедельника, по сырым от дождя дорогам, в терзаниях запутанных причин. Из колонок доносилось шипение сбившейся радиоволны, на лобовом стекле дворники боролись с небесными каплями. «Автосовесть» пискляво предупреждала о превышении скорости. Об опасности Мирумир не думала – спешила убежать туда, где время не убивает веру. Добраться до аэропорта, из которого, если повезет, удастся начать путь к счастью. «Уезжала с минимальным количеством вещей. Не хотела, чтобы что-то напоминало о прошлых сомнениях... Москва разделена на два поля: территория обретения желаемого и территория захоронения несбывшейся мечты. Я хоронила. Себя прежнюю...»

Она сбежала в Стамбул, запихнув в рюкзак живописное издание «Тысяча и одной ночи». Чем дальше отдалялась от дома, тем яснее перед глазами представал Восток. Шумный, пестрый, контрастный. Никогда раньше Мирумир не мечтала оказаться в этом таинственном царстве. Возжелала и решилась неожиданно, увидев за неделю до отъезда в книжном на Тверской яркую обложку «Тысяча и одной ночи». Багдадский рынок-карнавал, переполненный заморскими торговцами. Корабль Синдбада-морехода, причаливший к неведомо-

прекрасному острову. Чувственная Шехерезада у трона грозного Шахрияра улаживает слух султана, вплетая одну сказку в другую... В тот же миг в памяти Мирумир ожили грезы из детства. Когда-то мечтала вырасти такой же красивой, как Шехерезада, жить в мире восточной сказки, где все сплошь экзотические сады, роскошные гаремы, ослепительные самоцветы, драгоценная парча... С годами дети вырастают, а мечты нет. Их суть остается прежней: разыскать счастье...

...На нервной почве Мирумир проголодалась. Зашла в невзрачное кафе полупустого аэропорта, расположилась за столиком у входа. Заказала завтрак, закурила. Неподалеку кучка китайцев ждала багаж у бегущей дорожки, с драматическими паузами выкатывавшей в свет спеленатые полиэтиленом чемоданы. Мирумир окунает в чашку сморщившийся чайный пакетик и достает его тяжелым, гордо расправившимся. И ей безумно хочется, чтобы ее счастье так же выползло наружу. Она борется со странным желанием побежать к той самой бегущей дорожке: «Вдруг сейчас появится мое счастье, а я прозеваю!» Уже было вскочила со стула, как за барной стойкой громко зашипел электрический кипятильник. Официантка наливает горячую воду в кружку. Звук этот вернул Мирумир в реальность, где время ее счастья еще не наступило. Но ждать оставалось недолго...

«...Странное предвкушение великих событий рождается в аэропорту. Знаешь, что произойдет через считанные часы, но при этом чего-то жутко боишься. Как-никак, все мы ходим под Богом. Он способен изменить ход игры в любой момент... В аэропорту руки пусты и свободны – готовы принять все, что придет. Из возможности выбора рождается чувство уверенности. Ты же можешь обменять билет, изменить направление и даже элементарно отказаться от поездки. Ты – волен...»

Мирумир обожает провожать взглядом самолеты. Отъезжающий трап, привычное десятиминутное затишье, легкое завывание мотора, аккуратный разгон и, наконец, долгожданный взлет. От приближения к надежде перехватывает дыхание...

«Обычно я приезжаю в аэропорт за три-четыре часа до вылета, чтобы вдоволь понаблюдать за потоком уезжающих. Смотрю на суевающийся люд: все спешат сдать багаж, преодолеть таможенный контроль, просочиться на посадку. Так хочется верить, что все они станут счастливыми там, куда уезжают. Все сразу, вместе, возьмут и станут счастливыми! В аэропортах наивность приживается лучше, чем цинизм. Начинаешь верить в то, что большинство отправившихся за счастьем достигнут его. А прибывающие возвращаются с победой, а не с поражением...»

...Училась вере у Веры, хмурой соседки этажом ниже. Жгучей брюнетки азербайджанского происхождения, второй жены местного участкового Кириллваныча. А если воспользоваться определением завистливых соседок, то у «черножопой бабенки старого пера». Два овдовевших сердца нашли друг друга в солнечном Баку. Кириллваныч ездил туда на какую-то всесоюзную конференцию. После занудной двухчасовой болтовни наконец объявили перерыв. Гостей из братских республик потчевали по-восточному щедрым фуршетом. Вера, тогда еще Валида, прислуживала у столов официанткой. С улыбкой предлагала изголодавшимся гостям попробовать запеченные куски осетра, сбрызнутые ароматным наршарабом^[23]. Кириллваныч, наткнувшись взглядом на объемный бюст черноокой Валиды, мигом влюбился. Сначала в бюст, потом – в саму вдову. Так начался южный роман двух одичавших сердец.

После первой же ночи страсти влюбленный участковый предложил Валиде руку, сердце, а также переезд в Москву. Она согласилась. Продала «сталинку» на Разина^[24], доверила деньги будущему мужу и устремилась с ним под ручку прямиком в любовь. Спустя три дня любовники стали супругами. Спустя неделю Валида сменила имя на Веру. Никаких межнациональных проблем. Обычный поступок из необъяснимых...

...По мере взросления Мирумир ощущала острую нехватку женского идеала. Богини из реальности, у которых можно было бы поучиться тактике, флирту, ходам, выходам. Каждая девушка нуждается в женщине-примере. Мирумир, перешагнувшая Рубикон подросткового возраста, долго не верила в то, что сможет отвечать за себя сама.

«За моими подростковыми бунтами скрывалась растерянность. Мне казалось, что я неправильно говорю, поэтому старалась молчать. Мне казалось, что у меня ужасная фигура-„доска“, поэтому одевалась в балахоны. У мамы даже не искала понимания: слишком многое мы упустили с ней... Бабушка занималась мною чисто на бытовом уровне. Да и не успевала она. С одной стороны дедушка, с другой – вечно занятая дочь с внучкой... Вера была моей единственной подругой. Помню первый день нашего знакомства. Сразу предупредила меня своим потрескавшимся от никотина басом: „Детка, не обращай ко мне „тетя“. Мы с тобой еще слишком молоденькие“. И я стала называть ее исключительно по имени...»

Зинаида Трофимовна, отправляясь к мужу за город, оставляла Мирумид на азербайджанку Вери – дочери девочку не доверяла. Да та и сама к Мирумид не тянулась: занята была карьерой, налаживанием личной жизни. «Раз в неделю, по пятницам, бабушка, уезжающая к деду, закидывала меня к Вери. Та безумно радовалась. У нее не было своих детей, а Кириллваныч целыми днями пропадал на службе. Всю накопившуюся любовь она обрушивала на меня... С ней я чувствовала себя прямо центром вселенной»...

...Валида с нетерпением ждала пятого дня недели. Заранее обдумывала меню для своей юной гостии. Пекла пирожки с картошкой, покупала лимонад «Буратино», доставала через знакомых продавщиц «Мишку на севере». Она не думала о деньгах. Ей важно было проявить материнскую любовь, которая долгие годы оставалась запертой в ней.

Первое время Зинаида Трофимовна, передавая внучку соседке, непременно заносила и обед с ужином. Однако Валиде удалось уговорить ее не беспокоиться по поводу еды. «Не суетись, соседка. Жирными азербайджанскими блюдами я малышку нагружать не стану. Что попросит, то и сготовлю...» Что бы ни говорила Валида, все равно за череду пятничных дней Мирумид отведала почти все блюда азербайджанской кухни. Кутабы с зеленью, довгу с кусочками мяса, плов с сухофруктами, бозбаш и т. д. Мирумид раз и навсегда

влюбилась в дюшбару, посыпанную сушеной мятой. Может, из-за того, что она напоминала пельмени?..

«...Как только я оказывалась у Веры, она усаживала меня на венский стул, пододвигала ближе низкий столик, накрывала его желтой шелковой скатертью и умудрялась накормить меня всем, что приготовила. Всего понемножку. Вера не заставляла есть. Просто давала мне ложку в руки, садилась за стол и с аппетитом кушала вместе со мной... Я смотрела на Веру, и мне так хотелось, чтобы именно эта удивительная женщина была моей мамой... После обеда шли на прогулку. Вера покупала мне пышную сладкую вату, разноцветные шарики, водила по аттракционам... Когда я стала старше, Вера научила меня тому, чему самой научиться невозможно. Вере, отваге. Часто вспоминаю ее слова: *«Не бойся своих желаний и спеши жить. А знаешь, что такое жить? Жить значит любить...»* Тогда воспринимала ее слова не слишком серьезно. А сейчас понимаю, что философия моей чувственной азербайджанки была самой жизненной, без капли пафоса...»

...Валида умерла за три с половиной месяца до отъезда Мирумид в Стамбул. Диабет окончательно придавил без того слабое сердце. На похоронах, устроенных по мусульманскому обычаю, сгорбленный горем Кириллвич передал Миру-мид конверт с надписью: «Для моей дочки с шестого этажа». «... Я вынула письмо. Оно пахло ее духами – „Шанель № 5“. На белом листе несколько строчек.

«Поражения – это тоже своего рода победы... Не теряй себя. Люблю тебя... дочка...»»

Часть II. ВОКРУГ НИХ

Есть на свете те, кто остается, и те, кто собирается в путь.

Итак было всегда.

Каждый волен выбирать, куда есть время, но после, сделав выбор, нельзя от него отступаться.

Туве Янсон

1

Харун

...Не ищет правды там, где ее нет. Не любит ветра, безжалостно разгоняющего облака. Не верит в могущество ночи, но доверяет рассветам – посланникам надежды. Слышит голоса людей, но не прислушивается к ним. Для него реальна только музыка собственного сердца...

Давно перестал стучаться в сердца людей. Отстранился от героев настоящего. Сформировал личное пространство, где нет табличек «giris» и «cikis»^[25]. Посторонним вход запрещен – достаточно теней прошлого. Он боится ударов в сердце: знает, что оно не выдержит, – возраст не тот. Иммунитет, стойкость, вера – все поистрепалось с годами. Нет, он не доживает свой век, как считают окружающие. Он живет другой жизнью, не похожей на жизни миллионов из миллиардов...

Ему достаточно солнца, Босфора, работы сторожа в компании голубей при Египетском базаре. Голуби – проводники его привязанностей. Ухаживает за ними. Кормит, поит, очищает перья от пыли мегаполиса. Верит исключительно им. Для общения с голубями не нужно знать птичьего языка. «Если голубь пригрелся в руках, значит, доверился. Нужно лишь прислушаться, и внутри, в глубине теплого комочка, обязательно услышишь искреннее воркование...»

Не прячет голову в песок. Не бежит от реальности. Оболочка старика вполне гармонично живет в этом мире. Договаривается с работодателем, перекупщиками, ходит в маркет, покупает табак, кофе и свежесловленный товар у рыбаков с Галатского моста. Действует по определенной схеме – совершенно рутинной, но зато адекватно воспринимаемой окружающими. Признается, что если будет жить среди людей по другой, то его упекут в дурдом. Сумасшедшие – это люди, которые не смогли доказать реальность своих миров. Обществу всегда ближе идея о том, что других миров, кроме земного и небесного, не существует...

Читает Маркеса, никогда не запоминает снов, с тревогой провожает голубей в небо. Считает правду самым ценным, что у него есть. «Я честен перед самим собой. Мне есть что скрывать и есть чем делиться. Но всё это я предпочитаю оставлять взаперти. Чтобы избавиться от пристального внимания людей, надо создать иллюзию открытости...» Он и с нами говорит так, будто заворачивает слова во вкусно пахнущую, но непрозрачную яркую обертку. Лишь угадываем истинный смысл, настоящую откровенность в его словах. В красноречивых паузах, отстраненных взглядах, ритме сигаретных затяжек. Рядом с ним понимаешь, как ценна искренность и как же сильно повредила ее современность...

Харун-бей, 68 лет. Когда-то в молодости он мечтал стать писателем. Учился на архитектора, подрабатывал курьером в кондитерской, а по ночам писал. Неплохо писал. Так, во всяком случае, говорил его преподаватель философии Тургай Чинер, которому однажды Харун отважился показать свои тексты. Ходжа^[26] посоветовал продолжать творить. Ярче выписывать образы, стремиться создать нечто целостное, к примеру новеллу. Воодушевленный Харун вернулся ночью домой с твердым намерением взяться за повесть о неотправленных письмах, но до письменного стола так и не дошел. На пороге застал заплаканных сестер. Умерла мать. Отказ второй почки, оставшейся после удаления первой, прогнившей. С той самой ночи Харун понял, что жизнь совсем не похожа на книги. Бросил учебу, устроился на три работы. Нужно было

вырастить двух сестер. Теперь он заменял не только отца, бросившего семью, но и мать.

«...Никогда не жаловался на жизнь. В то время я как-то расслоился, отделившись от себя тогдашнего. Не думал, что должен проживать молодость, влюбляться, совершенствоваться. Для меня существовала одно – ответственность. За двух сестер, за дом и быт...» Харун-бей женился поздно. Когда выдал замуж сестер и заработал себе на «однушку» на окраине, осознал, что проехал мимо собственного счастья. Чуть позже, конечно, была любовь. Если точнее, влечение. Приглянулась девушка из соседнего дома, младше его на пять лет. Познакомился с Сюхейлой, отправил на сваты тетю. Сладкий чай. Спустя пять недель женились. А еще спустя пять месяцев начались конфликты. Харун собрал вещи и ушел с единственной утешительной мыслью: «Хорошо, не завели детей...»

Оставил по доброте душевной супруге квартиру в азиатском Стамбуле, ушел жить к другу Мехмету. Друг, как выяснилось позже, оказался совсем не другом. Подставил Харуна. Полиция, обвинение в краже, суд. Восемь лет за решеткой. «Отсидел и вышел с одним желанием: отойти подальше от людей. Вернулся в европейский Стамбул, устроился работать охранником в лавку на Египетском базаре, познакомился с голубями. С тех пор я здесь. У меня нет пенсионной книжки, зато есть совесть. Не стану называть судьбу шлюхой. Давно послал ее куда подальше...»

...Мирумир первая разговорилась с ним. На скамейке у базара. Когда увидела, что седой мужчина с пожелтевшими на кончиках усами увлеченно читает Маркеса, под села ближе. Заглянула в книгу. Он читал ее любимый рассказ великого латиноамериканца – «Глаза голубой собаки». Мирумир заговорщицки подмигнула мне. Турок за чтением Маркеса в рабочее время – нонсенс. Я тоже заскользил по глади скамейки ближе к любимой. Она заговорила первой, и мы провели весь вечер вместе с Харун-беем. Он возвращался памятью в года минувшие, ссыпая в ямочки наших ладоней зерно для голубей. Втроем кормили пыльных ангелов Стамбула, осознавая, что жизнь контрастна, построена не только на потерях, но и на самом

оправданном желании жить дальше. Даже когда жизнь – это череда поражений...

2

Назире

...Если позволяла бы площадь, она ложилась бы спать на кухне. Засыпать в окружении душистых специй, волшебных масел, неугомонных сковородок, пестрых мисок, бутонообразных венчиков – лучшей компании не придумаешь. Она не из тех поваров, которые, закончив рабочий день, хотят забыть обо всем, что только связано с приготовлением еды. Родная кухня и побережье Босфора – два райских места для нее. Готовя, изливает душу. И здесь нет нужды в людях-собеседниках. Предметы кухонной утвари – самые искренние слушатели. «Никому не рассказываю об этом. Люди стали слишком приземленными – смотрят на проявления душевности как на причуды. Улыбаются в ответ, а про себя называют сумасшедшей... Прячу свою любовь. Как можно кому-то признаваться в том, что моим лучшим советчиком является старая чугунная сковорода? Досталась мне от бабушки и хранит под своим черным налетом много историй, тайн...»

Когда атакует грусть, обращается к шафрану. «В нем столько яркости, что ею легко закрасить серые оттенки настроения...» Когда переполняет радость, достает из кладовки шарообразную колбу с граппой. Рюмочка крепкого итальянского дижестива продлевает ощущение счастья. «Если пить граппу раз в неделю по пятницам, то можно излечиться от болезненной тоски. Я излечилась...» Когда хочет уединиться в себе, покупает пучок свежей мяты. Заваривает «царицу душевности» с добавлением чайной ложки липового меда. Смакует маленькими глотками, настраиваясь на волну внутренней гармонии. «Мята такая необычная, закрытая – при всей внешней открытости. Отгорожена от окружающей жестокости. Османы считали, что дорога в рай усыпана мятными листьями...»

Колдуя на кухне, слушает оперу. Арии из «Турандот» Пуччини или «Аиды» Верди. «Если занимаюсь мясом, то обязательно под *Nessun Dorma* в исполнении Паваротти – и он привносит философию в блюдо,

которым я занимаюсь...» На территории кухни прячется от реальности: уютное убежище, где нет разрушенных надежд. Абрикосовый пирог никогда не подгорит, если строго контролировать температуру. Запеканка никогда не высохнет, если подливать мясного бульона. Творожный крем никогда не скиснет, стоит поставить его в холодильник. «На кухне все в моих руках. Здесь нет необратимых потерь...»

...Назире, 59 лет. Седые волнистые волосы, собранные в гульку на затылке. Обаятельные морщинки на белоснежном лице, тревожные от природы глаза, губы в черешневой помаде, очаровывающая улыбка. Здоровая худоба. Обволакивающий голос с хриплой томностью. Моя тетя с великим кулинарным даром, родная сестра оптимистки Фериде. Талантливый автор многих любимых лакомств из моего детства. Булочек с изюмом, шоколадного торта с клубничным кремом и, конечно, *sucuklu pide*^[27].

Именно Назире-тейзе стряпала для меня то, что отказывалась готовить мама. Отрезала щедрый кусок карамельного пудинга, не пугая диатезом. Кстати, он так ни разу и не выказал себя после тетушкиных сладостей. Мама, властная Скорпионша, все равно возмущалась, а тетя, упрямая Львица, всю отстаивала свою позицию. «Абла^[28], не забывай, мысль материальна. Наплюй на рассказы врачей. Им лишь бы побольше химии запихать в ребенка... Что может быть здоровее домашней еды, приготовленной с любовью?»

С 22 лет работает поваром. Не кончала кулинарных колледжей, курсов по кондитерскому мастерству. Талант передавался из поколения в поколение. В нашей семье почти все женщины отлично готовили и готовят. Однако только тетя занялась кулинарией всерьез, посвятив этому искусству многие годы жизни. Сначала работала кухаркой в семье известного турецкого хирурга. Потом ее пригласили шеф-поваром в ресторан. Спустя пять лет заведение закрылось. Назире переключилась на кондитерские изделия: начала печь дома на заказ. Благо от клиентов отбоя не было. Когда большинство турецких кондитеров ограничивались исключительно национальными сладостями, тейзе расширяла кругозор, пополняя свое кулинарное «портфолио» европейскими рецептами. Одна из первых в Стамбуле стала готовить фокачу, сорбе...

...Заварив чай, курит в открытое окно. Наблюдает за нами. Мы с Мирумид заняты курицей в молочно-грибном соусе. Десертом нас дожидается малиновый пирог со сливками. Тетушка сегодня превзошла саму себя! «Малыш, ты так редко заходишь. Совсем забыл свою старушку... Когда позвонил и сказал, что убежишь, я сразу же ринулась на кухню... Знаешь ведь, мне только повод дай повозиться на кухне. Тем более для любимых людей...» Назире-тейзе до сих пор продолжает печь сразу для двух кондитерских Стамбула. Загружает себя работой, чтобы убежать от изнуряющего одиночества. Ей чаще приходится готовить для чужих людей, нежели для родных. Муж два года назад умер от инсульта. Единственная дочь вышла замуж, переехала жить с мужем в Анкару. Если бы не кухня и востребованность, Назире давно сломалась бы...

«Если когда-нибудь напишу кулинарную книгу, то назову ее „Рецепты надежды“. Не зря дело жизни в итоге стало для меня источником надежды. Я плачу, но все равно готовлю. Я смеюсь и опять же готовлю. Каждое утро благодарю Аллаха. Одарил меня талантом, вложив в него силу жизни... Вы тоже никогда не теряйте надежду, даже если она подгорела или утратила вкус. Всегда можно по-новому замесить тесто и снова испечь то, что хочется...»

3

Гюльбен

...Никогда не сбросит с плеч детство, словно мокрый плащ. Дорожит тем бесценным временем, когда тюбиком зубной пасты рисовала облака на голубом кафеле ванной, а черешни вешала сережками на оттопыренные уши. В ней живет чудесное ощущение того времени, которое, вопреки чисто фактическому расположению в картотеке прошлого, продолжает наполнять ее настоящее...

Она по-прежнему носит банановую панамку. Летом постоянно, зимой – в сухую погоду. Для нее панамка – своего рода оберег. «Мама заплетала мои рыжие кудри в толстую косу и нахлобучивала банановую панамку. Я шла по двору уверенной походкой под

восторженные перешептывания соседей, называвших меня „рыжей феей“... Благодаря маме не стеснялась своей индивидуальности. Ну и что с того, что я немая и рыжая-прерыжая? Зато у меня красивое имя. Кстати, Мирумир, знаешь, как оно переводится на русский? Я – роза. Классно, да?..»

Болтает с жар-птицами, обожает апельсины, верит в жизнь за облаками, заваривает отменный яблочный чай с гвоздикой. Не умеет отпускать, не плачет по ушедшим. «Не понимаю, что значит отпустить?! Плохого в себе не держу, значит, отпускать нечего. А вот хорошее, доброе, даже светлую грусть держу в себе и не собираюсь с этим расставаться. Понимаете, это все мое. Прожитое, пережитое. Да и не верю я в то, что возможно что-либо отпустить из себя. Любые воспоминания навечно остаются в нас. Архив разума, куда помещена человеческая мемори-карта, безразмерен...»

Восхищается Кортасаром, гением возможной реальности. Если была бы наделена даром сочинительства, то писала бы именно в его стиле. «Хотя – воспроизвести уникальность Хулио не смог и не сможет никто. Я – тем более...» Она тоже, как герои Кортасара, смотрит на мир сквозь запах мятных леденцов и так же любит бродить без цели по южным улицам, зная, что вот-вот окажется в объятиях мира, где «все скользит, превращается, тает, переходит само собой из одного в другое»...

Мечтает съездить в Банфилд, пригород Буэнос-Айреса. Именно там родились самые колоритные образы великого аргентинца. «Жаль, что о Кортасаре не узнала в юности. Если прочла бы его раньше, то построила бы жизнь по-другому, хотя в принципе я довольна судьбой... Познакомилась с творчеством Кортасара благодаря моему душевному другу из Баку. Он посоветовал прочесть „Игру в классики“. Помню, как в бархатные сентябрьские дни взбиралась на Чамлыджу, здоровалась с мамой, жар-птицей и Золотым Рогом, садилась на нашу с другом скамейку, открывала книгу и погружалась в мир безграничных фантазий. Душа покидала Стамбул. Уносились туда, где Орасио и Мага едят рубленые бифштексы, рассматривают облака над Парижем, осознавая, что небо куда ценнее земли...»

С ее шеи свисает желтый блокнот на оранжевом шнурке. На ласково-шершавых страницах пишет то, о чем хотела бы сказать вслух. Не относится к своей природной немоте как к недостатку. На жизнь смотрит с улыбкой на веснушчатом лице. «Правда, перевожу много бумаги, деревья жаль... Раньше писала мало, исключительно по необходимости. Теперь мысли удлинились, круг общения расширился... Исписанные блокноты не выбрасываю. Храню, перечитываю. Неплохие мысли попадают. Круто иметь стенограмму повседневных бесед...»

...Гюльбен, 22 года. Талантливая художница с фиалковыми глазами. Небольшого роста, вздернутый носик. Носит желтый вельветовый рюкзак, на застежках которого позвякивают разноцветные брелки – смеющиеся рыбки. Больше живет в собственном настоящем, нежели в общедоступном. Возвращается в реальность с конкретной надобностью. Посетить лекцию, сдать экзамен, побыть с друзьями или поучаствовать в выставке. В остальное время находится в мире, где нет тусклых красок, а слезы рождаются только от радости.

Там она не одна. С ней многочисленные герои ее картин. Двуххвостые кошки с сиреневыми языками, фиолетовые собаки без поводков и, конечно, мама. Источник ее веры, покинувший этот мир после продолжительной болезни. «Маме там хорошо. Не переживает, не болеет, не думает о заработке. Спокойно себе вышивает, вяжет, расписывает радугой крылышки купидонам, готовит для них пироги с начинкой из небесных звезд. И я с ней рядом... Хотите, открою маленький секрет? Вход в мой мир находится на Чамлыдже».

Познакомились с Гюльбен на ее первой выставке в Измире, куда нас пригласила моя родственница Шинай, редактор одной из турецких газет. «Обязательно приезжайте. Поверьте, это того стоит. Очень одаренная девушка...» Не поленились, съездили – и не пожалели. Картины Гюльбен – гирлянды из далеких воспоминаний. Смотришь на работы с одной мыслью: в моем детстве такое тоже было. Переносит на холст то, что, казалось бы, невозможно передать кистью...

«...Очень хочу нарисовать вас вместе. Давайте как-нибудь соберемся на Чамлыдже. Портрет на фоне туманного Золотого Рога.

По-моему, интересно получится. В вашей любви, как и в Стамбуле, сплетаются культуры. Хотя... Все контрасты ничтожны перед силой любви, так ведь?» Согласно киваем, разглядывая новую работу Гюльбен под названием «Уничтожение сомнений одним усилием воли». Знак свыше?..»

4

Халис

...Живет воспоминаниями о семи днях, шести ночах. Присутствует в настоящем с оглядкой в прошлое. Порой думает, может, произошедшее было сном наяву? Подносит запястье правой руки к носу. Все тот же аромат. Ее аромат. Цветочный. С ласковым холодком. Вдруг откуда-то из недр мужской самовлюбленности доносится гранитный голос. «Будь мужиком! Не будь слюнтяем! Ни одна баба не достойна того, чтобы ты по ней сох...» На мгновение соглашается с внутренним эго. Однако спустя минуту мужские убеждения заглушает крик сердца. Оно до сих пор ждет возвращения одной-единственной женщины, той самой недостающей половинки. Несколько лет назад, на пороге третьего месяца лета, половинка откололась, упав на дно колодца прошлого. От нее остались воспоминания в сердце и аромат на запястье...

В судьбе иногда выпадает и орел, и решка одновременно. У него был шанс удержать и причина расстаться. Он не отпустил, но не смог удержать. Незрелость чувств подвела. Не зря говорят, любовь укрепляется с годами... Мужает, держится, вроде бы двигается вперед. «Хотя, по-моему, я застыл на месте. Часы отказываются работать на запястье правой руки. Тоска по ней замораживает стрелки времени...» По настоянию родителей женился на «своей» – троюродной сестре из Урфы^[29]. Чуткая девушка, прекрасная хозяйка, достойная супруга. Уважает Эбру, но не любит.

«По турецким меркам, я хороший муж. Заработанное приношу в дом. Трепетно отношусь к жене, дочерям. Хожу за покупками, выходные провожу с семьей. Физически нахожусь рядом с ними. Но моя душа принадлежит той самой русской девушке без адреса...

Измена мысленная – большой грех. Поэтому не совершаю намаз. Какой толк, если каждую ночь в грезах обнимаю Анну?»

Пытается забыться в работе. Большую часть времени проводит в мужской парикмахерской в центре Таксима, владельцем которой является. Когда-то он начинал помощником мастера. Уже третий год как открыл свой салон. Сам стрижет только давних клиентов. Среди них и я тоже...

...Халис, 33 года. Поджарый брюнет со скуластым лицом. Говорит быстро, шепелявит. Нос с горбинкой, сросшиеся брови, меланхоличные глаза. Носит майки ярких цветов, потертые джинсы. Длинный шрам под средним пальцем руки. Подростком был жутко драчливым. Пару раз попадал в «обезьянник». Благодаря отцу избежал скамьи подсудимых... Не смог поступить в университет. Отслужив армию, вернулся в Стамбул, подался в парикмахеры. За считанные месяцы научился профессионально орудовать ножницами. Заработал авторитет среди аксакалов: дабы не утруждать пожилое поколение, ходил по домам, стриг умело и оперативно, вежливо отзываясь на капризы седовласых клиентов...

Родители возрадовались: наконец-то младший нашел свое призвание. Халис стал мастером своего дела. За два с половиной года из провинциальных цирюлен вырос до центральных арт-салонов Стамбула. С недавних пор имеет свой «kuafoğ»^[30]. Взял в аренду помещение, нанял мастеров, оборудовал кабинет специально для себя и так называемых клиентов класса VIP. Доволен: желающих постричься в «Старе» хоть отбавляй... Повезло в профессии, не повезло в любви...

Шесть лет назад на отдыхе в Кемере^[31], познакомился с русской туристкой Анной. Пухлогубая блондинка с золотистой кожей, будто светящейся изнутри. Нежный голос, волнистые волосы, доверчивый взгляд. Они нечаянно столкнулись лбами в голубой бездне Средиземного моря. Выплыв на поверхность, рассмеялись. Плыли в сторону берега вместе, улыбаясь друг другу во всплесках воды. Лучи солнца отражались от морской глади ультрамариновым блеском, а

загорелый купидон в лазури летнего неба гордился удачным выстрелом...

Анна оказалась замужем, мамой двух близняшек. Приехала отдыхать в Турцию вместе с детьми и их бабушкой. Приехала за теплым солнышком, а нашла настоящую любовь. Аня была родом из Самары. Там, в незнакомом для Халиса городе, ее ждал муж. Друг детства, состоятельный человек, каменная стена. Но при этом он никогда не был любимым мужчиной...

Вышла замуж за Михаила по настоянию родителей. «Доченька, не раздумывай. Человек проверенный, хорошо зарабатывает, не пьет... Что тебе еще нужно?» Аня пять дней думала, в итоге согласилась, а спустя пять с половиной лет встретила любовь. Нежного брюнета, свободного, страстного, который настойчиво предлагал выйти за него замуж. Халис готов был и заменить отца ее детям...

Она осознавала всю масштабность своего чувства. Но ей не хватило смелости. Аня побоялась, что через пару лет пожалеет о безумном поступке. Сколько русских девушек так влюблялись, влюбляются на турецких курортах... Как правило, большинство случаев заканчиваются плачевно... Восточные сказки манят, дурманят, зовут в мир, который для многих становится клеткой страданий... Не сказав ничего Халису, наутро после страстной ночи Аня улетела в Самару...

«90 процентов наших мужчин едут на турецкие курорты, чтобы позабавиться с русскими девушками. Но есть же исключения. Я любил Анну. И она любила меня. Наши отношения разрушили стереотипы, которые независимо от нас поселились в наших разумах... Не виню ее. Наоборот, с годами больше понимаю. Отступилась от чувства во имя семьи. Все-таки двое детей... Наша семидневная история любви закончилась так же неожиданно, как и началась».

...Достригает меня. Смахивает напудренной щеткой волоски с шеи, сушит феном промокший воротник рубашки. Хлопает по плечу. «Ну всё, кардешим^[32], можешь вставать... Извини, если заморочил тебя своими воспоминаниями». Поднимаюсь с кресла, благодарю Халиса,

оплачиваю его труд. Покидаю салон. Размышляю по дороге. Я никогда не откажусь от Мирумид. Никогда. Даже если ей не хватит смелости сказать «да»...

5

Галина

Таксим, центральный район Стамбула. 15:03. Один из престижных отелей. Она уверенной походкой направляется в зал уютного ресторанчика «Mario». Мне на мгновение кажется, что я оказался в Париже 60-х годов. Ко мне приближалась вылитая Анук Эме. Короткие темно-каштановые волосы взбиты по-французски небрежно, нежная кожа с бледным отливом, темно-шоколадные глаза с чувственным драматизмом. Удачная смена имиджа. Одета как всегда элегантно, достаточно сдержанно. Пальто из каракульчи нараспашку, черные лакированные перчатки, сливовое платье, темно-синяя сумка с тиснением крокодиловой кожи. Замшевые туфли с красной подошвой. Игра «Угадай марку» не актуальна. Роскошь узнаваема...

Опоздала на три минуты. Сбросила пальто на руки услужливому швейцару, подошла к столу. Чарующе улыбнулась, поздоровалась, протянув руку. Деликатно извинилась. «Обычно прихожу вовремя. Просто сегодня день суматошно начался. Мои двойняшки пошли в первый класс...» При всей внешней закрытости она оказывается общительным человеком. Уже больше семи лет в Стамбуле. Замужем за преуспевающим адвокатом Эрлом Ишлером, живет в роскошном коттеджном поселке в пригороде – Сабандже.

Стамбульская буржуазия не покупает недвижимость в центральных районах Константинополя. Жить в центре загазованного города для состоятельной прослойки не только признак дурного вкуса, но и элементарно опасно. По уровню преступности Стамбул переплюнул даже такую признанную «резиденцию» криминального мира, как Нью-Йорк. «Честно говоря, я не из пугливых. Ну скажите, чем испугаешь провинциалку, выросшую на окраине Калининграда? Вы, турки, вообще в этом плане жутко изнеженные. Эрл не разрешает мне передвигаться по Стамбулу без шофера и телохранителя в одном лице.

Особо не противлюсь. Мужчина должен волноваться за женщину. Да-да, именно волноваться, а не подозревать»...

...Галина, 31 год. Некогда обычная русская девушка из окраины России, а ныне светская львица одного из богатейших мегаполисов мира. Ее имя на фоне фамилии мужа почти еженедельно мелькает в «Хурриете» – самой престижной газете Турции. Пресса называет Галину Ишлер «второй принцессой Дианой». Ее благотворительный фонд спонсирует крупные проекты в сфере культуры. С недавних пор я занимаюсь организацией всех общественных мероприятий семьи Ишлер...

«Народ, как видите, любит нашу семью. Неудивительно, ведь Эрол тратит огромные деньги на благотворительность. Я сначала была против этого. Потом он объяснил, что благотворительность – хорошая реклама. Вот в следующем году муж выдвигается в депутаты. Думаете, не наберет голоса? Еще как наберет... Да и мне нужно чем-то заниматься. К тому же популярность быстро засасывает. Вот завтра снимаюсь для турецкого „Elle“. Номинировали на „Женщину года“... Послезавтра лечу в Измир, там подруга открывает лечебницу для детей, больных лейкемией. Оттуда прямо в Анкару, где состоится показ новой коллекции Фаика Сёнмеза...» Закуривает, нервно затягиваясь. «Можно с тобой на „ты“? О'кей... В последнее время мне так часто хочется выговориться... Устала от игры. Игры, у которой одно-единственное правило – деньги... Если мыслить корыстнее, популярность завтра мне понадобится. Вдруг Эрол меня бросит или умрет. У меня за спиной должна быть... маленькая история. Любую историю можно обыграть в свою пользу. Я привыкла к роскоши. Я приучила детей к роскоши. И боюсь, что завтра долгие врата могут закончиться. У всех богатых женщин, выросших в бедности, один страшный сон – пустая кредитная карточка»...

Галина заказывает органический чай из аниса, кориандра, петрушки. Говорит, что обожает ежевичные пирожные, но выбирает не их, а салат из сухофруктов. Берет вторую сигарету. «Единственное, что себе позволяю, – сигареты. В остальном – строгая система питания. Я должна быть в форме. Всегда, везде. Какое бы настроение у меня ни было. Должна оставаться победительницей». У нее свой режим

красоты. Фитнес, три литра минеральной воды ежедневно, пилинг, мезотерапия, сауна, здоровое питание. «В Турцию в поисках счастья приезжают сотни красивых русских девочек. То есть конкуренция большая. Поэтому мне нельзя терять форму. Хотя порой хочется послать все к черту и чисто по-русски напиться...»

Периодически посматривает на часы: в пять у нее занятие по верховой езде. У семьи Ишлер своя конюшня. «Я верю только детям и лошадям. Полчаса, проведенные в седле, – лучшее лекарство от депрессии. Пару лет назад у меня на родине была модна песенка с такими словами: „Наверно, в следующей жизни, когда я стану кошкой...“ Так вот, я бы хотела стать лошадей. У лошадей жизнь проще... Знаешь, почему женщины стареют быстрее мужчин? Мы всю жизнь боремся за счастье. За внутреннее счастье. Чисто женское, которое очень дорого достается. Я изначально не верю в малобюджетное счастье...»

Ее борьба за счастье началась десять лет назад, когда она собрала одну сумку вещей и уехала покорять Турцию. Работала официанткой в Анталии, где научилась разговорному турецкому. Спустя два года перебралась в более дорогой курортный город – Бодрум. Устроилась в магазин продавщицей. Там и познакомилась с разведенным Эролом. Улыбка, флирт, утро вместе. Он влюбился в нее, она влюбилась в его статус. «Знаешь, чего мне хочется? Банальной любви. Вот влюбиться по уши, целоваться в парках, слушать признания. И влюбиться хочется в... настоящего русского мужика. Да-да, именно русского. Надоели слащавые турки, пардон за прямоту... Эта моя единственная мечта, которой не суждено сбыться. Я реалистка...»

«Значит, женское счастье – в любви?» – спрашиваю у Галины. «... Для любой умной женщины любовь важна не меньше, чем деньги. Хотя... может быть...» Зазвонил ее мобильный...

Прощается так же сдержанно, как и здоровалась. Будто между нами не было откровенного разговора. Из обычной русской женщины превращается в известную персону Турции. Этого требует статус. Этого требует история, которую, как она сказала, всегда можно обыграть в свою пользу...

Светлана

Ортакей, один из живописных районов европейской части Стамбула. Отреставрированные старые особняки, окруженные могучими платанами. Прелестная пристань, где отдыхают прогулочные катера. Мечеть Меджидие, куда когда-то на весельных лодках приплывали падишахи для совершения намаза. На часах 16:32. Жду ее в самом центре площади Искеле, расположившейся прямо у Босфора. Рыбные ресторанчики Ортакея пока пустуют – еще не вечер. Опаздывает на полчаса – договорились встретиться в четыре. Звоню ей. «Я бегу, бегу...»

Через пять минут замечаю приближающуюся ко мне полную женщину с упитанным пекинесом на поводке. Да-да, это она! Невероятно милые черты лица: бездонные голубые глаза с кукольными ресницами, пухлые губы бантиком в вишневой помаде, тонкие изломанные брови. Короткие русые волосы, детский взгляд с неподдельной искренностью. Говорит на русском с акцентом – слишком долго живет в Турции. «Русские, проживающие в Стамбуле, почти не общаются между собой. Никаких встреч, конференций, концертов. Каждый в своей конуре. Растерялись в 23-миллионном городе контрастов...»

Она говорит красноречиво – видно, соскучилась по общению на родном языке. Прогуливаемся по площади, временами останавливаемся. Дожидаемся Джамбо – пекинес что-то увлеченно вынюхивает в траве. «Вы извините за опоздание – водила Джамбо к ветеринару. Потом ехали сюда, застряли в пробке. Стамбул, как и Москва, – одна сплошная пробка...» Признается, что скучает «по городу, который до сих пор не верит слезам». Возможность вернуться на родину есть. Сама не хочет. «Зачем беречь старые раны? Тем более в Москве меня никто не ждет. Родни нет, я в детском доме выросла. С подругами потеряла связь. И не хочу ее восстанавливать. Уже не та, какой была. Да и сердце шалит – возраст дает о себе знать... Сама себе удивляюсь порой: с годами научилась быть счастливой в одиночестве. Представляете, мы, женщины, и на такое способны».

Располагаемся в маленькой чайхане на террасе с чудным видом на пролив. «Обожаю Босфор. Когда мне грустно, прихожу к нему. Когда я счастлива, первым долгом делюсь с ним своим счастьем. После смерти Орхана у меня остались две радости в жизни – Джамбо и Босфор...» Вспоминает о покойном муже со слезами на глазах. Отпивает из чайного бардака^[33]. «Я не могла иметь детей. А Орхан мечтал о сыне. Из-за меня отказался от мечты... Жаль только, что поздно нашли друг друга... Судьбу не перепишешь...»

...Светлана, 58 лет. Мой педагог по русскому языку, с которой сдружился с первого дня частных занятий. Часто встречаемся вне уроков, общаемся, а заодно и шлифуем мое произношение. Она переехала в Стамбул в начале 90-х. Во времена смуты, инфляций, разочарований. «Я просто взяла и уехала. Мне тогда казалось, что в Москве не смогу построить то будущее, о котором с детства мечтала. Да и многих в то время тянуло на перемены. Безжалостно разрывали с настоящим. Меняли места, ракурсы, пытались иначе, по-своему, снять свое настоящее, чтобы проявить его в будущем. У многих не получилось, а некоторым повезло. Мне тогда повезло первый раз в жизни. Я нашла счастье на Востоке...» Прошу ее дать формулировку женскому счастью. «Все просто. Это любовь».

Светлана берет Джамбо на колени, гладит его светло-коричневую шерсть. Пес тянется к сахару на столе. «Тебе нельзя. Потом глазки будут слезиться». Достает из оранжевой матерчатой сумки пакет с собачьими печеньями в форме косточки: «На, лопай... Он их не очень любит. Чувствует подставу, обжора. Ведь в этих печеньях виноградный сок вместо сахара...»

Просит официанта повторить заказ, отпускает Джамбо на землю. «Понимаете, для женщин любовь особенно важна. Без нее увядаем. И врут те женщины, которые говорят, что карьера для них превыше всего. Да, женщина должна непременно реализовать себя. Неважно где, на работе или в семье. Я вот никогда не была карьеристкой, хотя училась на отлично, закончила педагогический и несколько лет проработала в школе-интернате. Но для меня счастье было в другом. В настоящей семье. Чтобы любимый муж, дети, воскресные завтраки за большим столом. Свежая выпечка, домашнее варенье и собака с умными глазами... Может, это вам покажется чрезмерно

сентиментальным. Но я мечтала именно об этом. Всегда мечтаем о том, чего лишены в детстве...»

Она замолкает, словно улетает туда, где яркие цвета иллюзий прошлого еще не поблекли. Тем временем тучи над Босфором темнеют, вот-вот хлынет дождь. «Иногда мечты сбываются, но немного в иной форме. У меня именно так произошло. Моей семьей стали муж, собака и Стамбул. Детей я не смогла родить. Хотела удочерить сразу двоих – Орхан не согласился. Не пошла против воли мужа. Ни о чем не жалею. Я любила, была любима. Как минимум ради этого стоило прожить жизнь... Он умер, но наша любовь жива. Ею я дышала вчера, дышу сегодня и обязательно буду дышать завтра. У настоящей любви нет прошедшего времени».

...Проливной дождь срывается с неба. Быстро расплачиваемся, бежим в сторону трассы. Успели промокнуть. Джамбо спрятал мордочку в манто Светланы. Добегаем до обочины дороги, наконец-то оказались у своих машин. Прощаемся. В спешке пожимает мне руку, целует в щеку. Что-то еще говорит, перекрикивая шум дождя, я сразу не улавливаю. «...Любовь и есть самое настоящее счастье. И для мужчин, и для женщин...»

7

Слава

...Притягивает чудеса магнитом сердца. Верит в них с детства. «Чудеса надо уметь разглядеть в повседневности...» Не верит в существование непреодолимых препятствий. Не верит в способность жизни опустить человека на дно отчаяния. «Если сильно захотеть, можно удержаться на плаву... Правильно говорят: когда палец указывает на небо, дурак смотрит на палец». Слушаешь и веришь. Веришь, обзывая себя идиотом за то, что сомневался в шансе на спасение...

Ее счастье в маленьких радостях. Обожает печь блинчики на водной глади Босфора, запускать ладошку в мешок с чечевицей, собирать сахарные песчинки со стола, придумывать незнакомцам

яркие судьбы, сбегать в обеденный перерыв в киношку. А еще любит медленно подливать молоко в чай и наблюдать, как белое облако рассеивается в темно-коричневой жидкости. Ну чем не русская Амели! Впрочем, схожестей в них не так много. В отличие от Пулен, обходит стороной фотоавтоматы, не отправляет садовых гномов в путешествие и пока не отыскала друга-художника со «стеклянными костями». С чудесной француженкой их объединяет одно – твердая вера в счастье.

«...Когда дождь смывает солнце, а с неба хмурятся тучи, не впадаю в депрессию. Назло капризу природы раскрываю свой зонтик малинового цвета. Расцвечиваю серость. Закидываю в рот клубничный леденец, кутаюсь в желтый шарф и бегу в сторону метро, где быстро согреваюсь. За чтением новой главы „Шоколада на крутом кипятке“ незаметно добираюсь до своей каморки, которую снимаю на окраине Стамбула. Там нет персидского ковра под ногами и роскошной ванной с джакузи. Зато найдутся пушистый плед, теплые тапочки-зверюшки и кружка чая с шоколадным печеньем. Для счастья нужна малость...»

...Слава, 23 года. Миниатюрная девушка с ореховыми глазами. Чуть оттопыренные уши, горящий взгляд с желанием спасти мир. Милая официантка из ресторанчика «Don't panic» на побережье Босфора. Носит платья в цветочных принтах и тяжелые ботинки. Темные волосы, стрижка «боб» с короткой челкой. Густо подводит глаза. Забывает включать по утрам мобильный. В наушниках ее плеера часто поет Джони Митчелл...

Живет в Стамбуле второй год. Уехала из родного Питера, повинаясь порыву. Бросила учебу на журналиста в СПбГУ, оставила родителям записку, купила билет и улетела туда, где в воздух вплетены лучи солнца. «Никакого протеста, возмущения, побега. Я просто проснулась утром и сказала себе, что пора приумножить счастье. Давно мечтала о Стамбуле. Вот и решилась. Отпустила обстоятельства, начала все заново. Стала старше на жизнь...»

Не стыдится работы официантки. «Наоборот, интересно. Столько чудаков встречаю. Ко многим из них привыкла. Вот заходит к нам второй год подряд строго по пятницам старушка с кукольно-розовыми

волосами и ленивым йоркширом в соломенной сумке. Заказывает одно и то же: кусочек вишневого пирога с маком, персиковое мороженое, холодную газировку с двумя дольками лайма. В ожидании заказа старушка берет салфетку, черкает на ней что-то, складывает, после чего кладет обратно в салфетницу. Когда она уходит, читаю ее очередное „письмо“. Содержание не меняется. Как думаете, что в них написано? *«Солнце вернулось вовремя. Значит, и ты вернешься скоро»*. Интересно, кого бедняжка ждет?..»

Познакомились со Славой в «Don't rapic». Проходя мимо столиков, услышала, как Миру-мир беседует на русском по мобильному. Подошла под предлогом сменить пепельницу, посоветовала попробовать профитроли с апельсиновым желе, разговорилась с нами. Сдружились. Теперь гуляем, отдыхаем вместе. Слава учит нас гадать на зубочистках, варить баклажановое варенье, лепить магнитки из пластилина, слушать «в правильном ракурсе» Себастьяна Теллье и верить в победу любви.

«Моя карамельная интуиция уверяет, что вас никто не разлучит. Ваши чувства – как корочка глазури крем-брюле, которую невозможно сломать ложкой... Светусвет, запомни, русские женщины необыкновенно отважные. Мы не привыкли получать любовь даром, мы привыкли за нее бороться. Причем до победного конца. Так что поддержи Мирку в бою...»

Смеюсь, уплетая ананасовое мороженое. Весеннее солнце милостиво согревает город, переливаясь в пышно-зеленых кронах деревьев. «О'кей, с нами разобрались... Ты лучше скажи, когда наступит твое время любви?» Слизывает мороженое с уголков рта. «Ну, я всегда люблю. За меня не волнуйтесь, идет работа в данном направлении. Скоро будут результаты... Жаль, что тестеры полагаются к косметике, а не к новым поклонникам». Слава заказывает еще одну порцию лакомства. На этот раз фисташкового. На Востоке утверждают, что тяга к фисташкам – первый признак надвигающейся любви...

Лада

...Боится услышать песню ветра. В нем звуки прошлых проступков, материнской тревоги, расколотого единства. Стоит задуть ветру, как она затыкает уши берушами. Не хочет слышать того, от чего ушла не по собственной воле. Скучает по сыну, большеглазому малышу с обезоруживающе чистым взглядом, который, хочется верить, никогда не помутнеет от жизни... Ветер отзывается в ее сознании задорным детским смехом. Вместе с белоснежной нежностью будоражит в сердце тоску. В такие мгновения ей хочется уничтожить себя. Обматерить, избить, искалечить. «Какая ты мать, если оставила ребенка на пожилую женщину, а сама смылась черт знает куда?!»

Разум начинает объясняться перед совестью. «...Уехала в Стамбул не от хорошей жизни. Должна заработать денег, чтобы поставить сына на ноги». Находится не в том положении, чтобы отказываться от работы. Пусть грязной, но, главное, хорошо оплачиваемой...

Она не выбирала себе судьбу. Никогда ни на кого не надеялась, кроме себя. Особенно на представителей сильного пола. «Конечно, не все мужики козлы, но большинство точно. Принцев расхватили еще в сказках, остальные либо спились, либо переженились... Мне с юности не везло на кавалеров. Попадались конченные идиоты или жуткие уроды. Да и я особо не обольщалась на свой счет. Внешностью Боженка не наградил. Носатая выдра с выдающимися бедрами и кривыми ногами. Одним словом, ничего особенного!.. Всего один раз улыбнулась удача – подцепила красавца Леху на дне рождения подруги, от него и забеременела. Сначала хотела на аборт пойти. А потом подумала: если рожу ребенка, хоть что-нибудь правильное сделаю в жизни... Вот так Ванюша появился на свет. Сейчас понимаю, что этот карапуз моя самая большая удача».

По уик-эндам навещается в детские магазины. Пополняет количество подарков для сына, которые «скоро, совсем скоро доведу ему». Кубики-мякиши с рожицами Шрека, радиоуправляемый пиратский парусник, машинки из серии Street Racer, мини-конструкторы Lego Creator, наборы цветных карандашей, раскрасок и пазлов. «Так успокаиваюсь. Мне кажется, будто этими покупками

искупаю свои материнские грехи. Знаю, что обманываю себя. Но ложь порою спасает...»

Двадцатого числа каждого месяца спешит в ближайшее отделение банка. Пересылает через Western Union часть зарплаты в Калининград. Матери-пенсионерке и пятилетнему сынишке. «Верите, я научилась молиться. А что еще делать, когда оставляешь дитя больной женщине на другом конце света? Впрочем, я хоть спокойна, что за сыном присматривает не чужой человек. Все-таки бабушка... Звоню к ним часто. Ванюша поднимает трубку и первым делом спрашивает: "Мам, ты когда приедешь? Мне в сентябре в школу. Все на первый звонок пойдут с мамами..." А я реву на этом конце провода и причитаю: "Скоро, сынок, скоро..." Возненавидела слово „скоро“»...

...Лада, 36 лет. Живет этажом ниже, в однокомнатной квартире с сиреневыми стенами. Ухаживает за парализованной старушкой, украинкой из Донецка. Дочь Оксаны Захаровны, вышедшая замуж за турка и ныне руководящая сетью стамбульских ресторанов, привезла Ладу с собой из Калининграда. Специально для того, чтобы та ухаживала за слегшей матерью.

«...Сучка, с жиру бесится. Совсем не интересуется родительницей. Снимает для нас однушку, раз в месяц посылает с шофером деньги, продукты, лекарства, и всё. Ни разу не позвонила, не зашла. Уже третий год мукохаюсь с Оксаной Захаровной. Бедняжка мучается, по дочери скучает, но просит не звонить ей, мол, Леночка деньги зарабатывает, вся в делах, не беспокой попусту... Когда Лена нанимала меня в сиделки, строго-настрого запретила звонить ей. „Зарплату будешь получать без опозданий... Единственное условие: не смей тревожить меня. Если что случится, обращайся через шофера“. Вот так и живем. Оксана Захаровна скучает по единственной дочери, а я по единственному сыну...»

Временами Лада забегает к нам. Поболтать, покурить, обсудить российские новости. «Я здесь почти ни с кем не общаюсь. Вы моя отдушина...» У Лады тонкие губы с бледно-розовым отливом, короткая стрижка, плохо обесцвеченные волосы. Близко посаженные зелено-голубые глаза. Маленький рост, возрастная полнота, легкая

сутулость. Ненавидит Стамбул. Приехала в город контрастов, гонимая нуждой. Предложили работу, пришлось согласиться.

«Здесь, на Востоке, понимаю, что значит быть чужой. Здесь ощущаю себя до ужаса одинокой. Все-таки родина есть родина. Знакомые, соседи, родственники. Да элементарно, народ говорит на понятном тебе языке... Конечно, Стамбул бесконечно красив. Этого не отнимешь. Однако Калининград все равно лучшее место на земле. Во всяком случае для меня»...

...Вчера зашла в приподнятом настроении, но со светлой грустью в глазах. «Время прощаться...» Сегодня утром Лада поговорила с хозяйкой, сообщила о своем решении вернуться обратно на родину. «Лена возмущалась, упрекала, неблагодарным быдлом обозвала. Представляете, ей хватило наглости сказать, что и так собиралась меня увольнять, так как нашла более достойную замену. Я промолчала. Ради Оксаны Захаровны. Эта женщина святая. С пониманием отнеслась, благословила в дорогу. „Езжай с Богом... Тебе с сыном надо быть... Не волнуйся, работу и там найдешь. У тебя золотые руки и чистая совесть“. Хотите честно? Буду скучать по Стамбулу. По вам, по Оксане Захаровне». Обняла, расцеловала нас. «Родные, а вы приезжайте в Калининград. Это, конечно, не Стамбул. Но тоже есть на что посмотреть...»

Шахин

...Просыпается тогда, когда все засыпают. Прячется от дневного света за тяжелой завесой бархатных гардин. Отоваривается исключительно в круглосуточных маркетах, развлекается только в ночных клубах, гуляет по Стамбулу лишь в темное время суток. Презирует свет. «Обнажает сожаления настоящего...» Убегает от солнца. «Возвращает туда, откуда уношусь из всех сил...» Носит затемненные солнечные очки. «Не хочу видеть ярких цветов. Раздражают своей резкостью...» Обязан темноте жизнью – спрятала от боли. «Скажите, прячу голову в песок? Maybe. Для чего выныривать из темноты, если свет ослепляет сердце?..»

Он – житель ночного Стамбула. Вампир без черного плаща и потребности кого-то убивать. «Спросите, для чего живу? Не знаю... Человек ко всему привыкает. Я привык жить прошлым, не задумываясь о будущем. Наверное, должны быть и такие люди, как я...» В его крови нет ничего, кроме сожалений. Сожалений красного цвета. «Слишком многое проиграл. Проиграл свое счастье, любовь, карьеру. Спросите, кому? Кто тот везунчик, которому досталось так много чужого добра? Прошлое. Единственный пожиратель человеческих потерь... Отобранное возврату не подлежит».

Выжимает себе апельсиновый сок. Растворяет в нем порошковый витамин С. Наливает нам виски в стаканы из стекла с золотыми прожилками. Никогда не видел его понурым. Даже о самом грустном рассказывает с улыбкой на лице. Такое ощущение, будто улыбка – единственное, что у него не смогло отнять прошлое... Отпивает фрэша. На бокале застывает отпечаток светло-розовой помады. Постоянно подкрашивает губы – скрывает болезненную бледность. Его жизнь одна сплошная борьба в режиме non-stop. Сейчас борьба ужесточилась – воюет с болезнью и с настоящим одновременно. Ради чего? Все жертвы ради прошлого. Потому что только в прошлом он жил...

...Шахин, 37 лет. Познакомились с ним в «Life», одном из клубов Бейоглу. Подсел к нашему столику. Культурно поздоровался, смахнув с лица челку пепельного парика. Попросил прикурить. Сказал, что угощает нас выпивкой. Разговорились. У Шахина невероятно обаятельное лицо. Пользуется декоративной косметикой, прикрывает лысину париками с густыми локонами. Не одевается в женскую одежду. Предпочитает костюмы однотонных светлых оттенков – облегающие брючки, приталенные пиджачки. Все со вкусом, никакой вульгарности.

Он – гей. Не скрывает этого и давно не гордится. Принял себя таким, каким родился. Мирумид говорит, что у него невероятно наполненные глаза. Серо-зеленые, с пышными ресницами, чуть припухшими веками. «В них столько жизни!» Заливисто хохочет, обнажая белоснежные зубы. Поворачивается к барной стойке, закинув ногу на ногу. Просит повторить. Бармены «Life» знают: их постоянный клиент пьет апельсиновый сок с водкой. Подбадривает организм витаминами, одновременно разрушая его спиртным. Противоречия даже в предпочтениях. «Красотка, в них не может быть жизни, так как моя жизнь подходит к концу... СПИД у меня». Сообщает об этом не с эпатажным вызовом. Его интонация, пропитанная каким-то безразличием, больше похожа на защитную реакцию...

Мирумид не выказывает смущения. Заказывает еще бокал мартини. «Ну, с ВИЧ можно прожить много лет. Главное, беречь себя... Так что не надо подгонять конец, когда до него еще жить и жить». Щиплет за щечку любимую. «Вы мне оба очень нравитесь... Мирумид, а ваш оптимизм забавляет. Хотя, не удивляюсь: русские вообще очень стойкие. Окончательно убедился в этом, будучи в Москве». Мирумид, отметив улыбкой начавшуюся песню Шаде, спрашивает: «Давно были в России?» Прислоняет бокал к щеке, подпирая им голову. В глазах появляется грусть. «В 2004-м... Хорошее было время...»

Шахин до недавнего времени активно работал в турецком шоу-бизнесе. Был востребован. О нем писали газеты, часто появлялся в ток-шоу, писал песни для Сезен Аксу, Петек Динчоз. Однако большую часть времени посвящал Таркану. Трудился в команде его продюсеров. Занимался организацией гастрольных туров, заключал договора с

саунд-студиями, следил за работой пиар-группы. Именно в составе команды Таркана в 2004 году приезжал в Москву. Концерт в Кремлевском дворце называет одним из самых удачно организованных выступлений. За все время работы в творческой среде побеждал сотни раз, ни разу не проигрывал. Звезда удачи Шахина померкла в день, когда получил анализ крови...

Предусмотрительно покинул шоу-бизнес. Рано или поздно от него все равно бы культурно избавились. «...Таркан просил меня остаться. Он тогда начинал запись своих первых англоязычных песен. Предложил поехать с ним в Нью-Йорк... Я отказался. Понимал, что никакой пользы от меня не будет... Когда узнал о болезни, во мне что-то отмерло. Все показалось таким ничтожным. Сплетни, творчество, пересуды, истерики любовников... Я умер морально, хотя сердце продолжало биться... Конечно, со временем встал на ноги. Но уже другим. Скучал, скучаю по своему прошлому, освещенному светом софитов, но одновременно ненавижу его»...

...Прощаемся с ним, когда стрелки флуоресцирующих часов подошли к отметке 5. Царапает на салфетке домашний адрес. Тоже живет в Ортакёе. «Заходите ко мне завтра вечером... Выпьем, поболтаем. Если честно, мне очень одиноко... Хотя можете и вовсе забыть обо мне... Решать вам». Обещаем навестить Шахина. Расцеловываемся. Снимает парик, запихивает в сумку. Стирает влажной салфеткой остатки макияжа. Останавливает такси. Напоследок делится еще одним откровением. «Знаете, о чем сейчас больше всего жалею? Не завел вовремя ребенка... Дураком был. Думал, все впереди, а пришел к концу...» Открывает дверцу желтого такси. Из салона доносится голос Таркана. По «Istanbul FM» звучит песня из первого англоязычного альбома всемирно известного турка...

Часть III. В НИХ

...Я считаю, что должна рассказать, даже если может убить. Так должно быть, человек должен рассказывать другому человеку, как он жил, если он любит этого человека. Я про тебя говорю, а не про Осипа. Ты мог рассказывать, а мог и не рассказывать мне о своих подружках, а я должна была рассказать все. Это единственный способ сделать так, чтобы человек ушел прежде, чем успеет полюбить другого человека, единственный способ сделать так, чтобы он вышел за дверь и оставил нас двоих в покое.

Хулио Кортасар. «Игра в классики»

...мы с Рюйей посмотрим друг на друга – я не видел тебя сутра, мы не разговаривали со вчерашнего вечера, я спрошу: «Как ты?» – «Ничего, нормально!» – как всегда ответишь ты, и я сосредоточенно буду думать, не кроется ли что-нибудь этакое в твоих словах...

Орхан Памук. «Черная книга»

1

... С возрастом острее ощущается дефицит смелости. С каждым днем труднее смеяться над собственными ошибками – теперь в них больше непростительности. С каждым месяцем болезненнее привыкать, примеряться – теперь хочется, чтобы подстраивались под тебя. С каждым годом грустнее провожать караван настоящего в былое – теперь даже в неизбежном расставании видишь конец света. С возрастом не происходит ничего несусветного. Взросление состоит из капризов, упрямства, эгоизма детства. Ингредиенты те же, усложняется лишь форма проявления...

Мирумир, как и все взрослые, тоскует по бесшабашной юности. Короткая, по сути, пора, когда с легкостью добиваешься невозможного и не менее легко отказываешься если не от всего, то от многого точно.

«В юности не вникали в философию „что будет дальше?“ В тогдашнем нашем счастье иллюзии превалировали над фактами. Могли посреди ночи, не предупредив родителей, сорваться из дому, чтобы поцеловать в губы того, кто на тот момент казался самой большой любовью жизни. Ничего не боялись. Мы сомневались в бдительности милиции, зато верили в то, что нас оберегают ночные огни Кутузовского проспекта. Это была не покорность порывам, Светусвет. Умели слышать себя... Безусловно, без ошибок, разочарований, предательств не обходилось. Но в юности на правду жизни смотришь сквозь пальцы. Были убеждены в том, что достаточно принять ванну, перекрасить ногти в цвет hot summer, выкурить сигарету на глазах рассвета, и всё изменится. Не щенячий оптимизм, а, скорее, понимание того, что у каждого человека есть право не быть непогрешимым...»

Наливает себе апельсиновый чай в большую голубую кружку. Делится своими мыслями об утраченном времени, зябко подперев колени подбородком. *«Все-таки хорошее было время. Мы, добровольные узники той Москвы, не воспринимали откровенность друг друга как забавную причуду. Нам было не важно, где и в какой обстановке изливать душу. В поднебесном пентхаусе на Шаболовке или в хрущевке в Люблино. Вдохновляла на завтра вера в то, что двоим намного легче простить упущенное... Юность – это свободный полет против ветра. В юности актуальнее не взлететь, а долететь. Мы долетали...»*

Мирумир, надкусив печенье, разматывает косу. Натягивает фиолетовую резинку браслетом на правое запястье, поправляет волосы. В глазах любимой теплое сожаление. Я пододвигаю к ней пиалу с ежевичным вареньем. Макает мизинец в душистый сироп, облизывает, довольно щурится.

«Я не хочу переводить стрелки часов назад. Догнать поток уходящего времени невозможно. Бесполезно искать себя там, где

время опережает воспоминания. Но все равно иногда хочется снова стать той. Шустрой девочкой, которая тогда еще не платила тройную цену за желание не быть одной. Я была отчаянно смелой, не боялась перемен, умела оправдывать поражения настоящего победами будущего. Сейчас я не хуже, не лучше. Другая. Теперь в слове „никогда“ слышу больше категоричности. Теперь загадываю желание на двоих, согреваю сердце в твоих ладонях, добровольно слепну в пространстве нашей любви. Я будто расслоилась на два времени. С тобой и до тебя. С тобой я шуршащий змей на веревке в руках обретенного счастья. И, чтобы сохранить эту неразрывную легкость, мне не хватает той смелости, оставшейся на задворках юности...»

Мечтает на считанные минуты вернуться в то время, когда в толпе мерещились знакомые лица, а размазанная тушь была протестом против всеобщей циничности. «Восполнить там недостатки настоящего и снова вернуться сюда. К тебе. Мне кажется, в юности я забыла что-то важное. Этот туманный клубок утрат снится мне, просит забрать с собой. И я часто плачу. Слезами невосполнимой потери. Хотя знаю, в чем их истинная причина. Просто скучаю по юности. У меня, как и у многих, эта тоска на время просыпается и со временем проходит. И в этот раз пройдет...»

2

...На первых порах двадцатилетия со страхом ждала лета. В тот промежуток времени ее душа жила осенью – плаксивой, багряной, дурманящей. Других времен года не хотелось. Душа Мирумир омывалась потоками страданий, которые на тот момент казались сами собой разумеющимися. Когда переживаешь первую безнадежную любовь, хочется осени, хотя разум настаивает, что исцеление возможно только в лете.

«...Пряталась от солнца. Я словно была покрыта ожогами, а лимонные лучи с неба причиняли острую боль, раздражая воспаленную кожу. *Тогдашняя грусть не была отчаянием. Скорее, издержки возраста. Мы, поколение тех девочек, стремились любить, но большинство наших стремлений сталкивались с безответностью. Из-за этого вдали от мужских глаз страдали, напивались, проливали*

слезы, хотя знали, что все лучшее – впереди. Наши самоистязания были негласной привилегией поколения, проявлением женского единства. *Girlpower*, слышал о таком?..

Вместе переживали драмы каждой из нас. В прокуренных комнатухах под песни «Браво», с мешками под глазами от переизбытка слез, выпивки, феминизма и с изысканной философией собственного сочинения на устах. На следующий день после подобных посиделок мы разбегались в разных направлениях Москвы с гордостью какого-то выполненного долга... Так что тогда лето как-то не было в почете. У страданий должен быть фон дождя за окном. Ну, хотя бы по голливудским меркам...»

Москву того времени называет настоящей. «Наша правда была в порывах сердца, в дыме выкуренных сигарет, но никак не в гламурных узеньких книжицах, как сейчас. Тогда нас не волновали судьбы дамочек, живущих за платиновыми заборами. Верили в свою проваренную философию жизни. Да, может быть, всё это не выглядело красиво и маняще. Зато естественность сохранялась даже в вычурности. Плакали настоящими солеными слезами. Рыдали с уверенностью в том, что у завтра будет жизнеутверждающее начало. Битва за счастье проходила без потери собственного „я“. Мы крепчали, но не изменяли себе...»

Сейчас Мирумир нетерпеливо тянется к лету. Чарующее время года, когда грусть лишается перманентности. У каждой поры свои законы. Осенью надеешься, зимой веришь, весной дожидаясь, летом – получаешь. «Хочешь честно, Светусвет? От грядущего лета многого жду. Я верю, что мы наконец-таки отвоюем чувства у обстоятельств... Мне еще нужно до конца открыться тебе. Должен знать мое прошлое, позапрошрое. Конечно же, любовь стоит выше этого. Однако в любом случае прошлое нужно обезвредить настоящим».

Перебираю пальцами ее влажные после душа волосы. «Ты так говоришь, будто до встречи со мной подрабатывала киллером, а в редкие часы досуга занималась киднеппингом. И у тебя, и у меня есть прошлое, в котором было много когда-то близких, ныне чужих людей. Нормальное явление. Давай наконец поставим жирную точку в этом

разговоре! Принимаю тебя такой, какая ты есть. Мне не важно, что было „до“. Важно то, что „после“ проживаем, проживем вместе...»

Обезоруженно вскидывает руки, мол, сдаюсь, не стреляйте. «О'кей, родной, договорились. Поставим точку, но сначала я расскажу тебе о человеке, в руках которого пока находится мое настоящее. Именно от него поступают те звонки на мобильный... Сейчас готова к этому разговору. Не мешай, выслушай, постарайся понять...» Устраиваюсь поудобнее. «Рассказывай». Улыбаясь, кивает. «Для начала заварим кофе?..»

3

...Мирумир замужем. Не знал, как правильно отреагировать на это. По-восточному эмоционально? С громким возмущением? Сдержанно? Просто выслушал. Без слов. Сигарета в поддержку терпению, кофе для пресечения волнения, ее рука в моей руке назло сомнениям. Раскладывает пасьянсом передо мной свое прошлое, переплетенное с нашим настоящим. Не смотрит в глаза. Боится встретить непонимание? Говорит торопливо, словно спешит глубже вдохнуть свободу. «Я хочу стать свободной с тобой...»

На лице Мирумир испуганная улыбка, в интонации – тревожная ирония. Во мне смешались чувства. Одно знаю точно: не отпущу любимую. Она говорит, что он ее любит, она – нет. Не нуждается в авторитете, положении мужа. «Сергею нужна другая женщина. Не такая, как я. Не хуже и не лучше. Именно другая. Способная слышать, понимать его... Я не понимала. Жаль, что поздно себе в этом призналась. Мы, женщины, делаем решительный шаг вперед после того, как отмерим два шага назад...»

Называет его исключительно по имени. Без ненависти, презрения. В голосе одна пустота. «Я выходила замуж с расчетом – на стабильное будущее. И единственное, что меня связывало с ненастным прошлым, была фата. Ее конец соприкасался с той жизнью, которую с удовольствием проиграла бы в карты. Я шла к алтарю со жгучим желанием написать эсэмэс Юдашкину о том, что

его идея с длиннющей фатой не удалась... Почему невозможно утилизировать прошлое?..»

Замужество Мирумид – отчаянный шаг. Неосознанность, подкрепленная настойчивостью родни. Впервые прислушалась к разуму, проигнорировав сердце, и до сих пор об этом жалеет. «Тогда была разочарована в любви, в мужчинах... В порыве протеста вышла замуж за друга детства... Думала, всё придет с годами... Не пришло».

Он любил, она – уважала. Мирумид надеялась, что любви мужа хватит на двоих. Ошибалась. *«Отчаяние подтолкнуло меня к мужчине, кошелек которого шире сердца. Отдаваясь Сергею, мысленно считала не его деньги, а минуты, часы, дни out of love. Каждым мгновением того времени доказывала себе, что сумела погасить веру в любовь во внутреннем протесте. Дурой была, обманывалась. Любовь невозможно разменять на деньги. Эксченджи валюту чувств не принимают. К счастью...»*

Для нее он был, остается чужим. Чужой тот человек, с кем не желаешь разделять себя. *«Его поцелуи были безвкусыми. В них была горечь, а не сладость страсти. Он прикасался ко мне, и душа покидала тело. На время уносила туда, где живут любовью. Впрочем, тогда для меня важным являлось другое – честность перед чувствами. Я не имитировала любовь за туфли от Manolo Blahnik. Я всего лишь расплачивалась тоской за видимость счастья. Расплачивалась не карточкой Golden Visa, а самыми настоящими наличными...»*

Там, в другой жизни, жила в роскоши, гламуре, изысканности. Многие девушки называли бы такую жизнь райской. Но для Мирумид это было высокобюджетным, но бездушным представлением, в котором было все что угодно, кроме искренности. Именно поэтому не родила Сергея ребенка – решила на аборт. *«Он кричал, куда я трачу так много денег. Я отвечала: „На шмотки“. Верил. Мужчинам удобнее объяснять причины женских капризов вещевым недостатком. Он думал, что я набиваю его деньгами карманы безобидных модельеров-геев, хотя я отдавала их детям, больным лейкемией. Этим не искупала грехи, не рисовалась. Скорее, оправдывала жертвы.*

Мне хотелось думать, что живу вне любви не из-за внутреннего протеста, а из-за желания помочь страдающим детям...»

Обрываю Мирумир на полуслове. Заглядываю в родные глаза, где плещутся страх, растерянность и любовь. «Не рассказывай больше о том, кого любила до меня... Мне важнее, что сейчас, здесь, ты со мной. И я могу к тебе прикоснуться... Теперь твоё прошлое и моё тоже. Пора вступить в будущее. Наше будущее. Готова?» Улыбается и плачет. «С тобой – да»...

Слезы у Мирумир не соленые.

4

...Страхивает кончиком пальца пепел сигареты. Бело-серая пыль рассыпается снежинками по рукаву её вельветовой ветровки. Она провожает взглядом проплывающий неподалеку вапур^[34], над которым нависает шумная стая голодных чаек. Босфор сегодня пурпурного оттенка. Значит, приближается лето.

«...Бабуля сильно переживала из-за того, что я курю. Увидев у меня пачку сигарет, начинала причитать, мол, довольно травить себя, тебе ещё детей рожать. А я не могла с собой ничего поделать. Был период, когда каждая сигарета казалась невероятно вкусной. Потом наступило время, когда сигареты для меня стали совершенно безвкусными. Тогда я на подсознательном уровне следовала ежедневному плану – одна пачка в день. Сейчас все иначе. С возрастом в каждой выкуренной сигарете видишь некую философию уединения. Необъяснимую, подчас оправданную только чувствами...»

Мирумир повествует о своём никотиновом опыте, я дополняю её рассказ байками из своего отрочества, мы, по сути, разговариваем ни о чем, и нас это устраивает. Именно сейчас, когда откровения прошлого всколыхнули воду в озере настоящего. В отношениях зачастую достаточно сменить тему. Перед тем как стирать одежду, её надо непременно вытряхнуть. От пыли сомнений...

Вдоль набережной смуглый мальчуган с взъерошенными волосами разносит чай на металлическом подносе. Подзываю его. Беру два

бардака с двумя кусочками сахара на каждом из блюдец. Плачу пять лир. Он радуется, благодарит за щедрые чаевые. Роется в кармане, достает льняной мешочек. Вынимает из него коричневый сахар в нитях шафрана. Сразу видно, домашнего приготовления. «Угощайтесь, эфенди^[35]. Моя мама сама его варит...»

Мирумид берет из щедрой ладошки два неровных кусочка. «Tesekkurler»^[36]. Юный чайханщик смущенно улыбается: «Allah sizden razı olsun!»^[37], отходит от нас. Мирумид грызет сахар, жмурит глаза от слепящего солнца. «Светусвет, расскажи мне о своем детстве...» Отпиваю чая. Вапур, причаливая к берегу, громко загудел. «А почему именно о детстве?» Кладет голову на мое плечо. «Потому что истинный вкус счастья можно ощутить только в детстве. Потом счастье тоже можно попробовать. Но к нему уже примешиваются разные привкусы...»

Опустошая свой бардак, мысленно возвращаюсь туда, где время исчисляется не минутами или часами, а мгновениями. «Мы с отцом часто ездили в Баку. У нас там родня. И каждый раз, в первый день нашего приезда, папа отводил меня в чайхану. Она находилась в одном из скверов Старого Города, под открытым небом. Там в основном собирались аксакалы, играли в нарды, обсуждали новости политики. В центре чайханы стоял огромный медный самовар, топившийся дровами... Нас с отцом встречал чайханщик Мамедсафа. Такой большой дядька с пышными усами. Помню, как он подходил к нашему столику, держа на каждой ладони пирамидку из шести полных горячего чая стаканчиков. Я, лопоухий мальчишка, восторженный, снимал дрожащей рукой два верхних армуды^[38]. Один протягивал отцу, другой ставил перед собой. До сих пор в моей памяти живет особый аромат того чая. Аромат из безвозвратного детства...»

Пока она слушала меня, ее чай остыл, один из кусочков сахара скатился в Босфор. Босфор – сладостна. Так что угодила! «Все-таки Восток – это другая реальность. Мое московское детство было более приземленным, но, скажу честно, не менее прекрасным. Правда, отца в этом детстве, как и позже, не хватало. И я чувствую в себе этот большой пробел... Думаю, будь у меня отец, мне не пришлось бы идти босиком по выжженной траве и тонкому льду... Хотя, кто знает...» Обнимаю ее. «Какой смысл мучить себя? Как было, как было бы, как

будет... Все неприятное уже случилось, впереди только лучшее...» Теснее прижимается ко мне. «Да, скоро лето. А летом много надежд... Как говорила моя подруга, лето – это время года, когда у женщин до крови растерты ноги. Как только обувь разносится и затянутся раны, наступает осень...» Смеемся. У нас закончились сигареты...

5

...Мы сидим на нашей маленькой кухне. За маленьким столом у стены, накрытым клетчатой скатертью. В желто-белую клетку. Минимализм в сервировке. Две тарелки, два бокала с холодным белым вином, две вилки, две салфетки. Соль и перечница. Больше ничего. Бывают такие вечера, когда хочется свободы во всем. В атмосфере, в ощущениях, в окружении. Когда не хочется зависеть от предметов, планов, предпочтений. Хочется плюнуть на все и наслаждаться свободой на двоих...

Отварили спагетти в воде с добавлением столовой ложки куркумы. Быстро сварганили к ним соус из помидоров, жирных сливок, шампиньонов, обжаренного лука. Тожеественно водрузили желтые спагетти на желтые тарелки, сдобрили их бледно-красной подливой и съели с такой изысканностью, будто перед нами лангусты в соусе тартар. Где-то в недрах гостиной поет Нино Катамадзе. На повторе «Uto». Под эту песню хочется летать над землей, прикасаясь подушечками пальцев к острым кончикам зеленой травы. Ласково щекочет, заряжает энергией...

Мирумир засасывает спагеттину, которая, свисая с губ, забавно извивается. Я спрашиваю любимую о ее безумных желаниях. Задумчиво хмурится. «Ммм... мне почему-то сейчас хочется оказаться в зимнем Севастополе. В потрясающем городе, куда в детстве ездила с дедом на каникулы. Там влезть на Памятник затопленным кораблям, вдоволь покричать на волны. Спорить с ними, ругаться... Хочу кричать и не быть услышанной людьми... Странно, да?»

Осушаю бокал вина. «Почему же? Совсем нет... А мне вот прямо сейчас, в полпервого ночи, хочется получить срочную эсэмэску от какого-нибудь важного человека. Ну, например, шефа. Получить,

прочесть и забить на нее. Специально, назло... Порою нуждаемся в эсэмэсках, на которые не собираемся отвечать. Ими отвоевываем у окружающих уважение к личному пространству...»

Мирумид смеется, накручивая остатки спагетти на вилку. «Мы с тобой как два извращенца с кучей тайных желаний». Загадочно ухмыляюсь. «Подожди, я еще не сказал о своем втором желании...» – «Выкладывай...» Отодвигаю тарелку в сторону. «Поцеловать прямо сейчас девушку, сидящую напротив меня». – «Ого! Я готова помочь тебе в этом»... Бокал Мирумид опрокинут.

...Мои пальцы утопают в горячих волнах ее волос. Они пропитаны теплом дневного солнца. Лишь в корнях уловима босфорская прохлада. Мирумид погружена в чуткий сон затухающего дня, а я боюсь дышать в полную силу. Ограничивая движения, лежу рядом, смотрю в окно снов любимой. Я верю, что там, в жемчужном царстве условных границ, нет громких звуков, темных комнат, свинцовых дорог и пустых чемоданов. Я верю, что там, в душевной бескрайности безоблачного неба, пахнет цветами кизилового дерева, а тополиный пух учтиво облетает людей под звон детского велосипеда. Там колесо жизни неспешно катится в отзвуках старой шарманки...

Осторожная улыбка стекает невидимыми слезами по ее щекам. На кончиках ресниц дрожит тревога за завтрашний день. Я прикасаюсь к ним губами, не опасаясь того, что могу разбудить спящее чудо. Поцелуй шепотом. Она, что-то пробормотав, по-прежнему спит. А я, отгоняя ночь от себя, жду того самого мига, когда Мирумид проснется и сонно протянет: «Gimaydm, sevgilim»^[39]... Выхожу покурить на балкон. Салатовая зажигалка, переливающаяся в своем нутре разноцветными конфетти. Полная луна на черно-синем небе, подле нее светится всего одна звезда. Верхушки минаретов, с которых через несколько часов по Стамбулу разольется азан. Во мне поселилась щемящая грусть. В ней нет отчаяния. Зато есть маленький страх потерять найденное. Страхи – самое большое испытание в любви. Преодолевая их, приближаешь чувства к вечности...

Босфор еще не спит. На него часто накатывает бессонница. Он как никто другой разгадывает мои состояния. И как никто другой знает,

что сказать или спеть. Друг приветствует меня. Я машу рукой в ответ. «Gulumse haydi gulumse... Bulutlar gitsin... Yoksa ben nasıl yenilenirim... Haydi gulumse»^[40]. Босфор напевает знаменитую песню Сезен Аксу. Две фосфоресцирующие чайки подпевают своему гурзу, качаясь на его темно-синей глади. Бросаю недокуренную сигарету: уносится вниз искрящейся кометой. Пытаюсь улыбнуться. Получается. Босфор ликует, чайки загалдели...

Пролив подбадривает меня еще одной песней. На этот раз из репертуара Джандан Эрчетин. «Zamanla aska alisiyorsun... Daha az gulup daha aska susuyorsun... Degistin sen hala gormuyorsun... Mucizeler neredede kahramanim yorgun musun?»^[41] Я отвечаю: «Нет, конечно, не устал. Это просто страхи...» Друг мигом отзывается словами уже из другой песни. «Korkma kalbim geger acisi...»^[42] Киваю с лучезарной улыбкой на лице. Грусть прошла. «Спасибо, Босфор!» Он смущается: «Rica ederim»^[43]... Скоро рассвет.

6

...Отдалилась от Москвы, когда осознала, что та лепит из нее циничную суку. Выживая, побеждая в большом городе, она заражалась вирусом равнодушия, сама того не замечая. Сложно сохранить теплоту в себе там, где быть холодным легче и... удобнее. Цинизм – это когда оправдываешь всплески совести словами: «От меня мало чего зависит – и сразу же с ними соглашаешься...

Мирумир силится говорить об этом со спокойным оптимизмом. Однако внутренние переживания отражаются в глазах, как бы их ни прятала. Напевая себе под нос «Damigamda» Лелы Цурцумия^[44] и время от времени вылавливая мой взгляд как робкую снежинку, она возвращается туда, где чаще всего замирает душевность. Она есть в тебе, но в замороженном состоянии...

«Сейчас я понимаю, что наша циничность была своего рода защитной реакцией. Больше проявлялась по отношению к себе, к своим трогательным чувствам, чем к окружающему миру. Как говорит один мой знакомый, „мы смотрели на мир, как на смесь лохотрона с парком отдыха“. Так и было. В Москве не живешь, а

выживаешь. Не в плохом понимании этого слова. В контексте Москвы выживать – значит побеждать. Каждый день, каждую минуту. В переполненных автобусах, в вечных пробках, в бесконечных очередях. Если плюнешь на все, отойдешь в сторону, останешься без куска сыра...»

Снимает турку с плиты. Разливает ароматную коричневую гущу по белым чашкам. «Москва вышибает из своих жителей сентиментальность. Там приходится держать ее глубоко в себе и выпускать на волю только дома, перед сном, под теплым пледом, за чтением чувственной книги или за просмотром очередной мелодрамы... Понимаешь, там по-другому не получается. Бездомные собаки, брошенные люди, частокол протянутых рук. Если реагировать на все это, то тебя надолго не хватит. В Москве нужно жить с открытыми глазами, но с закрытым сердцем. Хотя, знаешь, Свету-свет, при таком раскладе бытия мы умудрялись сохранять человечность. Вопреки всему. Почти героизм...»

Допиваю кофе, переворачиваю чашку. Грех не погадать. «Как ты решилась уехать? Это ведь не так легко...» Мирумидр закуривает. «Просто в один день, выбираясь на эскалаторе из „Белорусской“, я поняла, что теряю в суете выживания себя. Стало страшно. Чисто побабьи. Сопливая беззащитность... Я дала себе слово уехать туда, где живут иначе. Не лучше, не хуже. Именно иначе... Сейчас я здесь. И мне не страшно. Совсем. Сказать почему? Я нахожусь за тобой. За твоей спиной... Поверь, женщинам не так много надо...» Накрывает ладонью мою руку...

...У стамбульской погоды резко испортилось настроение. Оно выплеснулось наружу бестактным ливнем, обрушившимся на город в самый разгар воскресного дня. Косые серебристые канаты хлестали горячий асфальт, вымещая на нем свою злость. Ближайшие кафешки моментально заполнились: дождь разогнал отдыхающих жителей и наивных туристов. Непогода нас не испугала.

Мы не покидаем смотровой площадки Галатской башни. С шестидесятиметровой высоты, в промежутке между небом и землей, Золотой Рог кажется таинственным островом. Дождевые помехи и свинцовое освещение придают обозрению эффект черно-белого кино.

Мы не замечаем того, что промокли до нитки. Мы не чувствуем того, что медленно замерзаем под небесной лейкой. Здесь, на вершине «Башни Иисуса», жесткие ремни любви стягивают наши сердца. Здесь проживаем жизнь в обратном направлении...

Мирумир слизывает с губ капли дождя. «Светусвет, знаешь, какое самое большое достоинство Стамбула?» Вытираю мокрое лицо рукавом куртки. «Скажи...» Она говорит громко, раздвигая шумовую завесу ливня. «В Стамбуле кажется, что жизнь состоит из одних начал без концов... Обманчивое впечатление?» Пожимаю плечами. «Почему же?! Может быть... Так хочется, чтобы наше настоящее было навсегда...» Мирумир мягко перебивает, продолжая: «...и чтобы наш завтрашний день повторял сегодняшний». Смотрю на Голубую мечеть, на дельфинов, плещущихся в Босфоре. «Именно...» Убирает волосы с лица. «Авообще такое возможно? Ну, чтобы навсегда?» Обнимаю Мирумир, чувствую дрожь ее тела. «Если ты крепче будешь держать меня за руку, то возможно»...

7

...Наш «Пежо 206» зажал в пробке на въезде в Шишли^[45]. Сигнальная какофония, смешавшаяся с матом раздраженных водителей. Конец рабочего дня, все спешат домой. Кто-то ждет, кого-то ждут, а некоторые надеются, что их ждут. Вечный круговорот судеб, порою несправедливый. В Стамбуле продолжает лить дождь. Он будто недоволен приближающимся летом. Мол, пока есть возможность, как следует отыграюсь на весне. «Дворники» остервенело работают, шум дождя слышен сквозь наглухо закрытые окна.

Мирумир замороженно наблюдает за проделками непогоды. «Дождь объединяет людей, замечаешь? Перед ним, а точнее под ним, мы все равны...» Приглушаю радио, приспускаю стекло. Достая полупустую пачку сигарет из бардачка. «Закуришь?» Кивает. Прикуриваю для нее. Отодвинув сиденья, вытягиваем ноги. Все равно еще как минимум час проторчим в автомобильном заторе. По левую сторону от нас, за рулем белого «Мурано» пританцовывает блондинка с черными бровями. На соседнем сиденье застыл царственный английский мопс. Вытаращенные глазки, золотистый медальон на жирной шее,

подрагивающие от громкой музыки ушки. Хозяйка толстопуза фальшиво напевает песню Таркана «*Vay anam vay*», подергивая шоколадными плечами. «*Sorma... Derdin nedir diye sorma... Gel gor, halimi gor de antes*^[46]. Ей наплевать на дождь, пробки и на то, что «давно нелюбовь, просто чем-то похожие люди». Она счастлива в своей внешней безмятежности...

По правую сторону от нас, в старом желтом такси с подбитым боком, уплетает донер^[47] лысый водитель. Кусочки помидора вываливаются из пышной булки на его клетчатую рубашку. По подбородку размазался кетчуп. На помятом лице таксиста безумная усталость, в глазах – безразличие ко всему миру. Мы с Мирумид, как китайские болванчики, вертим головами, наблюдая за таким наглядным контрастом бытия. Вот именно здесь, в заводи соприкасающихся течений реальности, вырисовывается истинная картина жизни. Если одному везет, то другому – нет. И все мы стремимся оказаться, удержаться в первой категории...

Мирумид протягивает руку навстречу каплям дождя. Они разбиваются о ладонь, стекая вниз по запястью. «...Я где-то вычитала, не помню, где именно. Там говорилось, что, в сущности, все мы мечтаем добраться до звезд. Многие в переносном, некоторые – в прямом смысле. Так вот, там говорилось, что если вдруг вы добрались до неба, но упустили свою звезду, постарайтесь загрести хотя бы полную пригоршню облаков...» Спрашиваю у нее, нашла ли она свою звезду? «Конечно... Угадай, где...» Пробка неожиданно сдвинулась с места. Я завел мотор, она не успела договорить. Мы проехали вперед, а сытый таксист все еще очищал салфеткой рубашку от томатных пятен...

* * *

...Запускаю руку в карман куртки, на дне которого полно табачных крошек, затягиваюсь последней сигаретой и любуюсь луной, серебрящей шелковую гладь Босфора. Дождь убрался восвояси. Рядом, закутавшись в лиловый плед, сидит Мирумид. Вглядывается в ночной горизонт, грызет подсолненные фисташки, вне существующего времени. Между нами небольшое расстояние, совсем не ощущаемое.

Сейчас, именно здесь, на берегу самого душевного на свете пролива, понимаем, что смогли выработать в себе иммунитет на

расстояния. Теперь нам не страшны минуты, часы, дни и другие временные измерения. За последние дни между нами укрепились те самые невидимые нити, которые принято называть чувствами. Я надеюсь, что они выдержат проверку на прочность...

Мирумир скоро ехать в Москву. Каждый раз, подпадая под тревожную власть этой мысли, я хочу сжать ее в объятиях, спрятать от приближающегося урагана. Сдерживаюсь. «Пойми меня... Отпусти, не выпуская из сердца». Даю слово. Мирумир сегодня необычайно прекрасна. Розовая водолазка с широким горлом, тугой узел волос на затылке. Лунное сияние оттеняет ее лицо сверкающим перламутром. Мирумир похожа на русалку, всплывающую на поверхность, чтобы поприветствовать якамоз^[48]. Она, оглядывая засыпающий Золотой Рог, замечает на себе мой пристальный взгляд.

«...Море никогда не проявляет человеколюбия. Только когда мы в тревоге, оно с нами заодно. Знаешь, Светусвет, раньше я была согласна, а после знакомства с Босфором – нет. У него такое широкое сердце, что он и радуется, и грустит с нами. Чувствует состояние людей, приходящих к нему. Знает, когда нужно заговорить, а когда просто помолчать... Я буду скучать по нему».

Перебираю взглядом мелкие волны пролива, так ясно различимые под луной. «Ты так сказала, будто на год уезжаешь...» – «Веришь, а для меня даже час вдали от тебя, от Босфора будет мукой... Сама себе удивляюсь. Как я раньше жила без вас?.. У меня такое чувство, будто я всегда была здесь и никогда не знала другой жизни... По-твоему, это побег от прошлого?» Кидаю камешек в воду. «Нет, любимая. Скорее, ощущение своего места в жизни, наконец-то найденного...» Мирумир смотрит на меня со спокойной улыбкой на лице. «Иди ко мне...» Сажусь к ней ближе. Главное в жизни любого человека – возможность делиться любовью. Может, прозвучит банально. Но так и есть. Проверьте...

8

...Разбудило меня «Istanbul FM», взорвав утреннюю тишину извержением из недр ненавистного будильника. Гёкхан Тепе распевал

с воодушевлением «Gel askim»^[49]. Я выпростал руку из-под одеяла, взял часы с тумбочки. Через двадцать минут стрелки сойдутся на восьмерке. Черт, в самом деле пора! К девяти нужно быть в редакции. Сегодня возвращается шеф – и конец свободе. Скатился с кровати, подтянул сползшие трусы, поплелся в душ.

Уже в прихожей уловил аромат вишни. Заглянул на кухню. Мирумид, в усыпанном мукой фартуке, раскатывала тесто и вырезала стаканом из него кружочки. В розовой миске светила рублиновым блеском размороженная вишня в бриллиантовых крупцах сахара. На плите закипала вода в кастрюле. Сдув со лба выбившуюся прядь, она улыбунулась мне. «Эй, соня, давай в душ, а потом завтракать... Я сварила кофе и кое-что вкусненькое из украинской кухни приготавила».

Подхожу к ней, изучаю кулинарный бардак на столе. «Пирожные с вишней? Ммм, обожаю их...» Кладет в середину одного из кружков пару вишен, защипывает края в красивый узор. «Какие пирожные, дорогой?! Это вареники. Шедевр украинской кухни... Надо не вопросы задавать, а пробовать. Ладно-ладно, иди в ванную, я пока приберу здесь». Мирумид смотрит на кухню невероятно сексуально. В ее движениях, манипуляциях проявляется какая-то чарующая неопытность...

Никогда не ел вареников. Хотя у меня бабушка по папиной линии русская с украинскими корнями. От Анны Павловны мне досталась любовь к Гоголю – классику я обязан знанием русского. Бабушка рано умерла – мне было восемь лет. Может, она и готовила вареники, но я, честно говоря, не помню...

Наливает кофе. И себе, и мне. В наши любимые кружки. Моя – салатого цвета, ее – оранжевая. «Вареники по-разному готовят. Я – по бабушкиному рецепту. А вот моя тетя лепила вареники размером с небольшие пирожки и готовила их на пару. Получались такие пышки. Правда, тесто было другое. Забыла рецепт...» Уплетаю вареники, поливая их медовым соусом. «Уверен, твои вареники самые вкусные...» Мирумид, умиляясь, наблюдает за мной. «Жаль, сметаны в Турции нет. С ней намного вкуснее. Но и с медом тоже ничего...» –

«Мне добавки! Ellerine saglik!» – «Afiyyet olsun, canim!..^[50] Слушай, а я уже турецкий выучила»...

* * *

...Листаю свежий номер «ФНМ». Она читает «AciCikolata» Лауры Эскивель, спрашивая у меня перевод незнакомых слов. «Я еще в Москве прочла эту книгу. У нас ее назвали „Шоколад на крутом кипятке“. Хоть роман и напоминает мексиканский сериал, но... Эскивель напоминает, что каждая женщина в душе немножечко ведьма. И ведает она, как с помощью обыкновенной стряпни влюбить в себя мужчину...»

Сидим в уличной кафешке. Стеклянный столик в венском стиле, букетик полевых цветов в желтой вазе, диваны с фиолетовыми подушками, прозрачное небо над головой в кружевах разбегающихся облаков, две чашки кофе с «шапочкой» из сливок. Мирумидр подбирает у меня журнал, шутливо возмущаясь: «Ты вообще меня слушаешь? Хватит на голых девок смотреть...»

«Да ладно тебе... Лучше посмотри, какие там слова пишут о русских девушках... Дай прочитаю». Возвращаю себе журнал, открываю 56-ю страницу. «Вот послушай... Birileri Rusya'nin havasini ve suyunu analiz etsin. Belki bu sayede kadinlarinin neden bu kadar giizel olduklarini anlaya-biliriz^[51]... Ну так я согласен...» Откладывает книжку в сторону, задумчиво крутит очки.

«Ну, то что красавицы, согласна... Правда, порой, наблюдая за поведением русских девушек в Турции, я злюсь. Нельзя же быть настолько доступными. Я не осуждаю... Просто из-за некоторых чертенок у турок складывается свое мнение о нас. Называют Наташами...» Сворачиваю «ФНМ» в трубочку, засовываю в рюкзак. «А ты не обращай внимания. У каждого народа есть стереотипный образ. Вот про нас, турок, говорят, что мы по своей сути недалекие, обижены умом и думаем только членами... Люди зачастую следуют странным идеям».

Задумчиво оглядывается по сторонам. Останавливает взгляд на воркующих подростках за соседним столиком «Знаешь, Светусвет...

Сейчас, вот прямо сейчас, мне это всё так по барабану... И вот сейчас, прямо сейчас, меня не пугают мокрое небо, удручающая погода, неоплаченные счета прошлого, простудные ночи... Я люблю и любима. И сейчас, вот прямо сейчас, нет ничего важнее этого... Закажу-ка я самую большую порцию мороженого... Плевать на последствия... Ты будешь?» – «Конечно...» Кивком подзываю официанта. В этой маленькой кафешке в центре Стамбула мы находим в себе свои же отражения. Слои за слоями перебираем их. И понимаем, что мы не люди, а многослойные пироги... Главное, не съесть самих себя.

9

...Сегодня обедом занимаюсь я. Мирумид просится в помощницы. С удовольствием соглашаюсь. Грех отказываться от такой музыки... Решил побаловать нас кутабами из тыквы – знаменитым азербайджанским блюдом. «В этот раз поучусь у тебя, а в следующий приготовлю сама... Вот увидишь, я еще тебе конкуренткой стану». Она смеется, завязывает на мне фартук, целует в затылок. Поцелуй любимого человека – лучший побуждающий фактор...

Пока Мирумид очищает тыкву от кожуры и семечек, разрезая ее на крупные куски, я занят тестом. Замешиваю его из муки, яйца, воды и соли. Накрываю бирюзовым полотенцем, оставляю на полчаса. За это время успеваем приготовить начинку для кутабов. Тушим очищенную тыкву с одним стаканом воды. Одновременно я обжариваю мелко нарезанный репчатый лук, посыпанный щепоткой корицы. Добавляю туда зерна граната. Затем все это смешиваю с пюре из тушеной тыквы. Начинка – душисто-оранжевая каша в гранатовых самоцветах – готова. «Она такая оптимистичная на вид! Глаз радует. Правильно: счастье – оно рыжее...»

Разделяю подошедшее тесто на небольшие шарики размером в прыжок. На присыпанном мукой столе раскатываю их в лепешки диаметром около 15 см. Выкладываю тыквенную массу тонким слоем на одну сторону круга, после чего прикрываю ее другой половиной. Защипываю концы, бросаю на горячую сковороду. Кутабы хорошенько пропекаются при открытой крышке. По мере готовности я обильно

смазываю их сливочным маслом с обеих сторон. Готовые кутабы складываю друг на друга. Мягчают в своем тепле. Гранатовые зернышки просвечивают сквозь поджаренное тесто, дополняя общую радостную картину алым проблеском...

Каждый съедает по десятку кутабов. Посыпаем сумаком, сворачиваем трубочкой, с наслаждением отправляем в рот. Капли масла стекают по подбородкам, губы покрываются жирным блеском. Сладковатый вкус тыквы благодаря жареному луку обретает новый оттенок, гранатовые зерна добавляют кислинки. «Никогда не ела кутабов, но знала, что азербайджанская кухня очень вкусная. Как, впрочем, любая восточная...». «А кутабы, приготовленные на садже^[52], – вообще улет... Как-нибудь съездим в Баку, попробуешь...» Сворачиваю для Мирумир очередной кутаб. «Боюсь поправиться...» – «Ерунда. Как там говорят у вас в России? Хорошего человека должно быть много!»

...В прерывистом дыхании этого секса звучали ноты упущения. Будто что-то важное ускользало из наших объятий. Или разрывалось что-то неразрывное. Мы продолжали наслаждаться друг другом, списывая тревожное волнение на грозу за окном. Не хотелось думать о том, что было, будет. Мгновения, размером в жизнь... Она сильнее прижимала меня к себе, словно хотела укрыться от реальности, которая была там, за моими плечами, в прохладной комнате с приоткрытым окном. «Я дышу тобою...» Пальцы путаются в ее волосах, губы скользят вдоль живота, на смуглой коже серебристые следы поцелуев. Просит не спешить. Тяжело остановится тогда, когда секунды утрачивают обратимость.

Мирумир нежно прикусывает мою нижнюю губу и откидывается на подушку. Разглядывает мое лицо. «А я слышу твоё сердце...» Наши соприкоснувшиеся взгляды разделяет прозрачное полотно воспоминаний. Первый поцелуй, первая ночь, перегоревшая лампа ночника, смятые простыни, одно утро на двоих. Черно-белые, чуть размытые кадры... Мы не отнимаем себя друг у друга. Хотим сохранить единство даже в разлуке. Готовы перевести назад, сломать, уничтожить стрелки часов, но осознаем, что обмануть можно кого

угодно, кроме времени. Неужели причина тревожного волнения в этом бессилии?..

Она засыпает на кремовом одеяле. Я подхожу к окну. Тучи отступили, разрядившись дождем.

Капли, стучавшие по подоконнику, оставили на нем лужицы. Прислонившись к стене, закуривая, наблюдаю за ночным Стамбулом. Под дуновением ветерка колышется занавеска. Забываю стряхнуть пепел. Падает на ковер. Ничего страшного. Главное, чтобы вера не падала пеплом...

Прошу у завтра хорошей погоды и понимаю, что проголодался. На часах три ночи. Иду на кухню, заглядываю в холодильник. В контейнере остался салат из печеных баклажанов и кусочков брынзы. С появлением Мирумир на кухне, да и во всем доме, стало значительно уютнее. Атмосфера преобразилась. Теперь в этой квартирке хочется жить, а не проводить время. Первое и самое большое признание поражения экс-холостяка...

10

...Прогуливаемся по предзакатному Истиклялю. Звон красных трамвайчиков, безмолвно светящиеся ряды бутиков, усталые полицейские в сине-голубом, крикливые продавцы мороженого с длинными черпаками в руках. Заходим в кондитерскую. Покупаем коробочку баклавы, пачку яблочного чая. Еще нужно заскочить в ближайший маркет – захотелось апельсинов...

Шея Мирумир обмотана легким оранжевым шарфиком, с концами которого заигрывает морской ветер. Нам хорошо и немного грустно. Без этого никак. Грусть служит фоном мгновениям счастья, потому что его мимолетность неодолима.

«...Только здесь я смогла вернуться в себя. В последнее время в Москве не чувствовала души. Она будто отслоилась от тела. Спряталась где-то глубоко-глубоко, оторвавшись от рецепторов чувств. Конечно, я продолжала видеть всё вокруг. Но не замечала там ничего прекрасного. Во мне жила боль и больше ничего. Знаешь, какая

боль? Когда ты улыбаешься, отвечаешь на звонки, общаешься с людьми, занимаешься чем-то, ходишь на дни рождения друзей, но все это делаешь ме-ха-ни-чес-ки.

Москва делает из людей роботов. Вырабатывается схема, теряется индивидуальность. И знаешь, что самое страшное? Люди не признают этого. Они думают, что, сохранив человеческий облик, невозможно стать роботом... Я не говорю, что все москвичи теряют себя. У большинства из них стойкий иммунитет на вирусы мегаполиса. И вот такими сильными людьми я восхищаюсь...»

Расплачиваемся за апельсины, спускаемся к набережной. «Слушаю тебя, и впечатление создается, будто в Москве все роботы поголовно, хоть ты и говоришь, что не все... Звучит как-то осуждающе... Понимаешь, Стамбул тоже далеко не сказка. Здесь есть своя жестокость, как и во всех больших городах...» Достает из сумки сигареты. Просит зажигалку.

«Светусвет, да я не идеализирую Стамбул. Вижу его минусы. Но если сравнивать с Москвой... Понимаешь, там чувства притупляются, мутнеют. Но вот стоит уехать за пятьдесят километров от МКАДа – это у нас так называется окружная дорога – и обстановка меняется... Такое ощущение, будто эпицентр угнетения расположен в центре Москвы, где я, собственно, выросла... Я любила и люблю этот город. Однако сейчас мне удобнее любить Москву на расстоянии».

Рву пальцами, очищаю апельсин от кожуры. Протягиваю ей дольку. «Если сейчас тебе так хочется, то пусть будет так... Главное, будь со мной, хорошо?»

* * *

...Приближающееся лето наконец побороло скромность. Нашло в себе смелость со всего размаху стукнуть по сырой двери дождливой весны и прогнать ее из Стамбула. Сегодня щедро светит солнце. Город залили обжигающие лучи с апельсиновой отдушкой. +28. Стамбул задышал испарениями, туман вокруг Золотого Рога сгустился в низкие полупрозрачные облака. Бездомные кошки отсиживают в тени деревьев.

Не включаем кондиционер. Впитываем в себя тепло почти наступившего лета. Слава Аллаху, солнце вышло. А то уж все кости отсырели... Раздвигаем гардины, распахиваем окна. Горячий, чуть влажный ветерок врывается в наше гнездышко. В жару хочется чего-нибудь прохладного, легкого. Спустились в маркет, накупили йогуртов, овощей, минералки, семечек. Собираемся весь вечер провести дома. Перекинемся в нарды, посмотрим новую серию «Yaprak dokumu»^[53] и третий сезон «Lost»^[54]. Но для начала приготовим что-нибудь поесть. Мирумидр взялась делать айран, я решил приготовить джаджик^[55]. Вкусно, остренько и, главное, охлаждает...

Добавляю в йогурт воды, взбиваю вилкой. Слежу, чтобы густота была равномерной. Очищаю огурец от кожуры, натираю на терке в йогурт. Туда же раздавливаю две зубчика чеснока. Еще раз хорошенько сбиваю, разливаю по пиалам, посыпаю сверху сушеной мятой и мелко нарезанным свежим укропом. Готовый джаджик отправляю на часок в холодильник. «Обожаю турецкий йогурт во всех блюдах. Жаль, в России ничего подобного не продают... Я, кстати, однажды в Москве готовила такое блюдо по рецепту из Интернета. Вместо йогурта использовала сметану, в которую подмешала кефир... Вкусно получилось».

Мирумидр наливает мне айрана. Пробую. Соль в меру, с водой не переборщила, хорошо взбила. «Зачет, родная! Тебе однозначно пора перебираться в Турцию...» Смущенно улыбается. «Я так часто пью здесь айран, что по-другому получиться не могло. Наловчилась. Совсем скоро и джаджик по-вашему научусь готовить...»

...Каждый выбирает свой цвет в жизни. Кто-то – солнечно-желтый, кто-то – пасмурно-серый, а некоторые – удручающе-черный. Каждый из нас сам отвечает за свой выбор, и каждый из нас сам живет в своем цвете-свете. Она выбрала – белый. Цвет начала начал, свободы возможностей, чистых сердец, выцветших прищепок...

Мирумидр взмахивает кремовой простыней над нашей кроватью. Сатиновое полотно, раздувшись бугорками в воздухе, плавно оседает. Край разглаживает руками. «Моя подружка Оля говорит, что жизнь продолжается, пока есть белый цвет. Мол, пока он развевается на балконных веревках, крутится в барабане стиральной машины, отсвечивает в темноте и контрастирует с загорелой кожей, все будет хорошо. В этих словах большая правда. Важно не только видеть все оттенки белого в себе, но и замечать их в окружающем мире. Это несложно. Белый ведь и сильный, и стойкий. Не линяет, не выгорает...»

Верила в белый цвет даже тогда, когда вокруг было черным-черно. «Не обязательно разводить тучи руками. Можно и взглядом. А как, потвоему, я жила в пасмурной Москве? Смотрела на темные тучи с таким упорством, что они разбегались, освобождая бледно-голубое небо. Конечно, для большинства окружающих оно так и оставалось серым. Но это уже их выбор...»

Благодаря белому Мирумидр никогда не ставила многоточий в своих обидах. «Я была и останусь искренней. В обиде бесполезны слова. В любых случаях. Обидевший сам должен осознать нанесенную им обиду. Обиженный сам должен простить обидчика. Главное то, что в сердце, – на устах-то, как правило, одни эмоции. Зачем ими делиться, если со временем они все равно утрачивают смысл?..»

Продолжает учиться. Все не приходит сразу – каждому навыку своя пора. «Вот сейчас учусь переворачивать страницы жизни. Именно переворачивать, а не рвать на мелкие кусочки. Начинать жизнь с белого листа. Это не так просто, но возможно. Я верю в силу прилива.

Он смывает остроту боли. А вот ее корень выкорчевать невозможно. У человека, отказывающегося от прошлого, не может быть будущего... Светусвет, я благодарна всем дверям, которые захлопнулись за мной». Как хорошо, что у любого листа есть две стороны. Какие могут быть победы без поражений?..

* * *

...Она довольна собой. Во всяком случае, сейчас. Наконец добила жизнь цели, которые определила для себя сама. Без вмешательства окружающих. Добралась до собственного места в жизни самостоятельно, не раз попадая в овраги ошибок, капканы разочарований.

«Когда-то, на пороге двадцатилетия, я мучилась вопросом смысла жизни. Почти каждую ночь проводила в борьбе с собой, удерживаясь от желания разослать друзьям эсэмэски: „Как мне правильно прожить эту жизнь?“ Знала, что ответа не получу. Слишком общий вопрос, на который сложно найти конкретный ответ. Особенно после полуночи: в то время, когда остаешься наедине с грузом мыслей... К сожалению, а может, и к лучшему, я тогда не понимала, что у жизни универсального смысла нет, каждый назначает его сам... К истинам приходишь по мере набивания шишек. Поверь, твоя Мирумир их набила себе предостаточно...»

Смотрит на жизнь трезво, не разучившись мечтать. Порою о несбыточном. «Как там говорил Дали? Единственное различие между безумцем и мной – то, что я не безумец. Так и я. Смирилась со своими слабостями, но не допускаю их перерастания в пороки. Я верю в чудеса, готова ждать их, но одновременно помню, что у сезона летящих юбок есть особенность заканчиваться. Не подумай, что я за приземленность. Судьба заставила меня твердо стоять на ногах, правда, не поинтересовавшись, хочу ли я этого. Рано или поздно мы все понимаем, что жизнь совсем не похожа на сборник афоризмов о ней. Нам остается два выбора: идти вперед или застрять на месте. Я выбрала движение вперед, а чемоданы с чувствами до сих пор оставались неразобранными...»

Мирумир признается, что над ней не раз нависала угроза свихнуться во время ностальгического прилива. «В контакте с прошлым легче легкого остаться одиноким. Есть же такая истина, что каждый видит, каким ты кажешься, и мало кто чувствует, каков ты есть. Никто никогда не разберет твои воспоминания лучше тебя. Поэтому, погружаясь в них, ничего не стоит надолго, если не навсегда увязнуть в себе. Я пару раз чуть не увязла. Повезло, вытянула себя за волосы, как барон Мюнхгаузен. С тех пор в прошлое погружаюсь только в спасательном жилете. Светусвет, ты меня тоже придерживай на всякий пожарный, о'кей?»...

12

... В ее хрониках прошлого почти нет того, о чем можно сожалеть. «Все получила, за все расплатилась, чеки в наличии... Правильно сказала одна писательница, я все равно ни о чем не жалею – хотя бы потому, что это бессмысленно», – отмечает она, кладет ногу на ногу, закуривает. За дерзким вызовом таится одна неутихающая боль.

«Я ни о чем не жалею, кроме... Надо было оставить ребенка, не идти на аборт... Смелости не хватило. Думала, прервав беременность, прерву черную полосу в жизни. Получилось наоборот. Я прервала начало новой жизни... Расплата была долгой. Столько лет переживаний, конец которым положил ты... Хотя... До сих пор тревожусь, может, расплата еще и не наступала?»

Для того чтобы искупить ошибку прошлого, надо вернуться назад, в тот самый миг заблуждения, и уже оттуда сквозь призму ощущаемой вины взглядеться в настоящее. Это и есть та самая переоценка ценностей, которая излечивает от синдрома Прошлого. «Труднее всего терять несбывшееся... Я прощу себя в день, когда стану матерью. А пока прошу у судьбы, чтобы она настежь распахнула передо мной приоткрытую дверь в другую жизнь, новую...»

Тушит сигарету в раковине. Выбрасывает окурки в мусорное ведро. «Светусвет, честно говоря, я не хотела говорить об этой своей ошибке. Это не страх потерять розовые очки. Мне просто становится не по себе от того, что я сижу сейчас в теплой, уютной квартире и

распространяюсь на тему, мол, я не хотела, так получилось. Неправильно это! Ошибки нужно признавать быстро и решительно, еще лучше – мгновенно. А многословное признание отдает желанием оправдать себя...»

Неслышными шагами подходит ко мне, садится рядом. Грустным голосом признается: «Мой малыш мне часто снится. Такой чистенький, в голубом комбинезоне, пахнет счастьем. А я пытаюсь взять его на руки и не могу. Будто сил лишилась. А он капризничает, выгибается, просится на руки...» Я объявляю Мирумир о своей готовности вернуться с ней туда, в прошлое, и вместе, рука об руку, искупить вину единством. «Нет, Светусвет. Это мое. Женское, внутреннее. Я сама... Ты только обещай дождаться, пока я пройду мимо одиноких крыш...» – «Обещаю»... Жизнь прекрасна всегда. Просто иногда в ней больше жизни.

...Она часто плачет во сне. Невероятно прозрачными слезами. Они подолгу дрожат на ресницах и срываются вниз так резко, будто хотят остаться незамеченными. В ее слезах можно разглядеть детский страх нечаянных потерь, тревожное ожидание чего-то необратимого. Мирумир плачет почти беззвучно. Редкие всхлипы, обрывки фразы с не раз произнесенным «прости»...

Я просыпаюсь, ближе поддвигаюсь к Мирумир, зажимаю глаза, пытаюсь забраться в ее сны. Получается. Вижу урывками. Качество картинки слабое. Она находится в детстве. У входной двери, которая захлопывается перед ней. Плачет, стучит маленькими кулачками по дерматиновой обивке, дергает ручку. За дверью слышен стук каблучков, лязг подъехавшего лифта. «Мама, мама, открой!.. Не уходи... Мама!..»

Малышка в синем платьице плачет невероятно прозрачными слезами. Слезы с годами не меняются. Они, как и наши глаза, не подвластны возрасту. Вот девочка отворачивается, срывается с места, подбегает к дивану в гостиной, под которым валяется мишка с полуоторванной лапой. Обнимает крепко-крепко забытую игрушку, повзрослому серьезно говоря: «Увидишь, мама вернется... Все

возвращаются, надо только ждать...» Изображение сбивается, серые помехи. Черный экран. Я снова оказываюсь в реальности...

Она уже не плачет. Неподвижно сидит на кровати, сложив ноги по-турецки. Кладу руку на ее лоб. Холодный. Волосы слегка влажные. Замерзла. Закутываю Мирумид в одеяло. Притягиваю к себе. Она по-прежнему молчит. Лишь слезы опять задрожали на ресницах. Заговаривает неожиданно. «Знаешь, меня никто никогда не жалел... А мне хотелось... чтобы пожалели... Взяли на руки, прижали к себе крепко-крепко и сказали на ухо: „Малыш, я же рядом“. Мама никогда не обнимала меня. Ни разу...»

Согреваю ее в объятиях и шепчу на ухо. «Малыш, я же рядом... Не бойся». Шмыгает носом, немного дрожит. «Так, давай пить липовый чай... Ты лежи здесь, я быстро на кухню сбегаю, заварю...» Мирумид вдруг хватается за мою руку: «Нет! Я с тобой...» «О'кей, малыш». Заворачиваю ее в одеяло поплотнее, поднимаю на руки. На кухне холодно...

13

«...И если даже дождь попросит меня, я не заплачу. Оставляю себе свои слезы. Больше не буду оплакивать бывшие поражения. Больше не буду перелистывать уже однажды прочитанные страницы. Слишком много чести для них. Теперь с прошлым я циничная эгоистка. Отныне посвящаю себя настоящему...»

Силы приходят во время войны. Я выстою. Набрала пин-код терпения – и выдержу испытания. Лишь одна просьба: не выпускай мою руку из своей руки. Во имя нас я готова пройти по тем дорогам, которые обходила раньше. Во имя нас готова отказаться от того, чего боялась потерять раньше. Главное, я с тобой. Все остальное – перехочется. Помнишь, как в нашем любимом «Jeux D'enfants»^[56]? «Для меня осталась еще парочка испытаний. Учти, мне не слабо. Проглотить муравья, обругать нищего на дороге, безумно любить тебя...» Обещаю, что буду безумно любить всегда. Не слабо такое обещать. Потому что уже люблю. Тебя...

Я пришла в твою жизнь с искалеченным сердцем. И знаешь, вчера, когда мы кормили чаек в гостях у Босфора, я заметила, что мне больше не больно. С тобой воскресла. Перестала думать о будущем в прошлом времени, обматывать сигаретным дымом свое одиночество. Ты – мое спасение...

А ведь можно считать, что счастье – это когда в ушах серьги Bagatelle от Dior Joaillerie, на ногах бархатно-фиолетовые туфельки от Stuart Weitzman, а в руках лоскутный клатч от D amr;G. Глупое заблуждение нынешней Москвы, пришивающей лейблы к человеческим чувствам. Я тоже стала ее жертвой. Но я не жалею. Все кривые, порою неоправданные целями, дороги вели к тебе...

Сегодня купила билет в Москву. Не знаю, почему скрyla, скрываю это от тебя. Необъяснимый страх нарушить гармонию нашего мирка... Должна уехать, чтобы снова вернуться. Должна уехать одна, закрыть там книгу прошлого и стать до конца свободной здесь, в городе души. Надеюсь, прочитав письмо, ты все поймешь... Совсем скоро наступит утро, которое встречу без тебя. Не плачу. Держусь. Вернусь...

...всегда твоя М.»

**** * ****

«...Целюсь в нее, надеюсь, не промахнусь. Хочу уничтожить то безвольное создание, которое некогда называлось мною. Если не будет меня тогдашней, перестану оглядываться назад. Прошлое – это зыбучие пески времени, всегда готовые выудить тебя из настоящего...

Хочу забыть то время, когда каждая горькая минута жизни казалась часом. Я уже другая.

Я уже сильная (или мне так кажется?). Окрепла. Прибавились силы, но не ушли страхи. Самый большой из них – возвращение прошлого – побуждает бежать от себя... Во мне нет твердости. Я словно пластилин в руках внутренних тревог. Не хватает воли прогнать переживания подальше, запереть дверь, поверить в свое

будущее с тобой. Спешу в Москву. Поставлю жирную точку в той жизни, переверну исписанную страницу...

Эти письма не крик души, не пульсация SOS в венах. Это письма с желанием доказать себе, что иду в бой без иллюзий. Четко осознаю: моей решимости противостоят страхи. Но среди моих страхов есть большое желание победить, вернуться к тебе. Это не пафос, Светусвет. Скорее, разговор с собою перед ответственным шагом. «Вы действительно хотите удалить папку „Прошлое“ и все ее содержимое?» – «Да»...

Закрываю глаза и вижу сон. Вижу себя, тоскующую по тебе. На берегу моря. На мокром темно-коричневом песке вывожу сухой веткой твое имя. Легчает. Ложусь на заветные буквы, чтобы укрыть их от накатывающих волн. Становится холодно. Просыпаюсь... Я так боюсь потерять тебя, родной... Послезавтра в семь утра улетаю. Специально выбрала утренний рейс. Нет сил прощаться. Не смогу выпустить свою руку из твоей... Наверное, поступаю неправильно. Как видишь, я совсем не отважная... Но другого выхода нет. Люблю. Очень сильно...

...всегда твоя М.»

14

«... Я знаю цену нашей любви. Я знаю, как дорого мы за нее заплатили. Изнурительными ночами одиночества, казавшимися еще прошлой весной бесконечными. Когда сигарета – единственный собеседник, а горький кофе – мнимый утолитель жажды любви. В такие мгновения не нужно одноразового секса. Он не заменит искреннего тепла половинки. К сожалению, я поняла это не сразу...

Часто просыпалась в чужих постелях. Обманывалась пустыми иллюзиями. Не буду врать, недоговаривать тебе. Устала от фальши. С тобой я такая, какая есть. Маски сожжены... Безумно счастлива, что, преодолев дни, ночи безнадёги, добралась до тебя. Ты – моя долгожданная победа наперекор десяткам поражений. Теперь пишу жизнь набело. Переписывать – удел отчаявшихся...

Ты спросишь, к чему эти письма? Всегда остаются чувства, которые когда-то не решились выразить. Они не должны оставаться в нас, какими бы болезненными ни были... Мои слова на бумаге заменят меня, когда я не смогу быть рядом. Когда я буду в последнем бою с прошлым...

Можешь злиться на меня, ругать, упрекать в скрытности. Только не отрывай от сердца. Твоя любовь – мое единственное оружие в бою с прошлым. Я уеду в Москву одухотворенной нашей верой в нас. Она – мой талисман удачи. И мой билет обратно...

Вчера рано утром, пока ты спал, сходила на побережье. Дул сильный ветер. Записала на диктофон мобильного песню волн Босфора. Буду слушать ее там. Буду вспоминать те дни, когда мы курили на берегу пролива одну сигарету на двоих, забыв обо всем на свете. Наслаждаясь пусть короткими, но вечными для нас мгновениями... Я люблю тебя...

...всегда твоя М.»

«...Босфор, здравствуй! Мой душевный Друг... Тяжело с тобой прощаться... Полюбив тебя, разлюбить невозможно. Любовь ведь рождается в сердце – и она всегда с нами. Значит, и ты со мной будешь. Всегда, везде. Любовь носят в себе, а не с собою...

Перед отъездом в прошлое хочу сказать, как ты мне дорог. Каждая твоя капля – мое дыхание. Каждая твоя волна – мое настроение. Каждое твое прикосновение – мое чувство. И совсем не важно, какой я прихожу к тебе и каким ты появляешься передо мной. Я есть ты. Моя душа – Босфор... Впервые увидев тебя, я осознала, что эпицентр моего счастья находится здесь, в тебе. Это как вечный поиск чего-то важного. Не знаешь, чего именно, но понимаешь, что самого необходимого. И вот, когда оно найдено, обретаешь свое место в жизни. Укрытие от ураганов сомнений...

Босфор, ты возродил во мне веру в любовь, которую я нашла в твоём городе. Ты научил меня всматриваться в себя, а не в свое отражение. Замечать то, что замечать страшишься. И главное –

отпускать то, что удержать невозможно. И я говорю тебе спасибо. За всё. За поддержку, любовь, бескорыстие, доверие...

Благодаря тебе возвращаюсь в прошлое с настоящими победами. Имне совсем не стыдно перед теми, кого там увижу. Мне хватит сил разобраться в том, в чем боялась не разобраться никогда... Босфор и Светусвет, буду считать секунды без вас. Каждая секунда московского времени станет для меня часом...

Босфор, дорогой, у меня есть маленькая просьба. Пока буду в Москве, присматривай за Светусветом. Не дай ему потерять веру... Честно скажу, уезжаю без его ведома. Так нужно, Босфор. Поэтому прошу, поддерживай Светусвета. Ты же знаешь, он не привык обнаруживать переживания...

Люблю. Буду скучать и с нетерпением ждать дня, когда снова приду на твой берег... Я обязательно вернусь. Скоро. Даю слово...

М.»

15

«...Я трусишка. Хорохорюсь, называясь отважной, верю в победоносную борьбу за счастье, а сама боюсь. До дрожи в коленках. Страх сидит глубоко во мне. Когда остаюсь одна, он поднимается выше, обволакивает разум. Мой страх – моя правда. Все равно есть и будет, как бы ни пыталась я спугнуть его ложной храбростью... Иду навстречу жизни, на каждом шагу оглядываясь назад. Кто преследует меня? Кто на этот раз нанесет удар в спину? Я готовлюсь к боли...

Не притягиваю к себе негативной энергии. Просто говорю о том, что есть на самом деле. Устала от самообмана. Признаюсь: я трусишка. Боюсь всего. Боюсь остаться беззащитной. Я показываю страху язык, мол, не одолеешь меня, а у самой поджилки трясутся... Говорят, все наши страхи – это шарик, который нужно накрыть ладонью. Я не могу. Руки не слушаются...

На набережной наблюдаю за детьми Босфора. Вечерами они приходят с родителями на встречу с Другом. Кормят чаек, бегают

наперегонки, шумно выбирают мороженое, рукоплещут водному шоу. Смотрю на них с тоскою. Почему, взрослея, мы утрачиваем беззаботность? Хочу снять туфли, закатать джинсы и ринуться в гушу босфорских детей. Стать одной из них, тем самым перемотать пленку жизни на начало. Распустившемуся цветку больше не суждено стать бутоном...

Приеду в Москву, избавлюсь сначала от верхней одежды. Освобожу шкафы от шуб, пальто, курток, плащей. Выкину на помойку. Мне кажется, именно на этих вещах собралась пыль прошлого, которое затягивает меня туда без обратно. Буду бороться в противостоянии с прошлым во имя новой жизни...

Вопреки страху я делаю шаги вперед на тонком канате. Не смотрю вниз, в пропасть безверия. Только вперед. Сейчас надеюсь исключительно на себя. Всё в моих руках... Дождись меня, Светусвет. До будущего осталось несколько шагов.

...всегда твоя М.»

«...Жду осень. С таким нетерпением, что готова принести ей в жертву все остальные времена года. И я совсем не буду жалеть о содеянном. Мне нужна осень. Очень-очень. Она выпустит на свет тех, кто загнан в темный угол выживания. Она не заставит повторять жестокие, но правдивые слова: „Если мы все одиноки, то в одиночестве мы все вместе“. Она не будет напевать на ломаном английском: „Don't say I'm falling in love“^[57]. Осень называют сезоном грусти. Я не согласна: настоящая грусть приходит вместе с летом, когда не с кем разделить щедрость солнца...

Светусвет, я верю, что осень окончательно закрепит то, что может разорваться между нами. Sonbahar^[58] двумя кленовыми листьями впархивает в мои сны, нашептывает в коричневой дымке, что время победить невозможно. Время лучше прожить-пережить. Но не думай, осень не читает нравоучений. Она мудра. Напоминает о том, о чем важно помнить. «Не поддавайся

отчаянию. Наблюдай за листопадом, но со стороны. Прислушивайся к дождю, но не к эмоциям». Как же осень права...

Будучи ребенком, я любила слушать свое сердце. Тайком брала бабушкин фонендоскоп, прикладывала его к груди, укрывалась с головой одеялом, завороченно слушала глухие удары. Несмотря на приятное удивление, мне становилось очень страшно. Боялась, что вот-вот, через считанные секунды, сердце замрет и я перестану жить. Меня охватывала паника. Не хотела умирать, хотя причин для этого в общем-то не было. Но одна мысль о том, что я больше не увижу кукол, родителей, подружек, вызывала неопиcуемый страх...

И вот я сорвала с себя фонендоскоп, скинула одеяло, оглядела комнату. Убедилась в том, что жива, нахожусь дома. В такие мгновения детской растерянности я по-взрослому понимала, что люди сами себя обрекают на отчаяние. Зачем нырять глубже, чем можешь дышать? Зачем изучать здоровое сердце, если и так ощущаешь его четкие удары?

Светусвет, обещаю не впадать в безверие, с какими бы сложностями ни столкнулась. Теперь у меня есть ты. Теперь я в ответе за двоих...

...всегда твоя М.»

16

«...По мере приближения отъезда во мне появляется больше уверенности. Я все меньше боюсь, все четче вижу наше будущее. Уже планы начала строить. Мысленно меняю занавески в гостиной. По-моему, туда подойдут гардины светлых цветочных оттенков, но не однотонные и не темные. Как думаешь?..

Когда вернусь, заведем собаку? Шарпея серо-голубого окраса. Такие симпатяги с грустными мордочками, велюровыми складками... Надеюсь, скоро научусь готовить восточные блюда. Побалую тебя твоими любимыми пидешками^[59]... Я постараюсь оправдать надежды, которые ты безмолвно возлагаешь на меня...

Завтра утром начну собираться. Возьму одну сумку вещей, все равно ведь вернусь. Беру самое необходимое. Например, одну из твоих рубашек. Ты только не сердись, я выбрала ту голубую от Zileri. Буду надевать ее там, кутаться в твой запах. И мне не будет страшно. Смогу преодолеть желание все бросить, убежать, спрятаться в скорлупе женских слабостей...

Со вчерашнего дня моросит холодный дождь. Закапал в самый разгар солнечного дня. Помнишь, ты даже посмотрел на небо и удивился: «Прямо магия какая-то...»? В тот момент я хотела сказать, что этот дождь плачет по нам. По нашему временному расставанию. Я не преувеличиваю, любимый! Дождь – проводник моих судьбоносных поступков, с детства. И завтра, уверена, он обязательно проводит меня. Проводит, чтобы снова встретить. Надеюсь, ты вместе с ним будешь встречать меня...

Я не буду ни звонить, ни писать. Останусь наедине с собою. Я должна сама вынуть из недочитанных книг пожелтевшие закладки. Спрячу их в пыльной коробке на чердаке и вернусь к истории, которую проживаю в прекрасном настоящем. Нынешняя моя книга не нуждается в закладках. Если отрываюсь от повествования, то точно помню страницу... Закрываю глаза. Вспоминаю нашу счастливую весну. Она первая и, я уверена, не последняя. Говорят, любовь, рожденная весной, благословлена самой природой. Значит, мы выстоим...

...всегда твоя М.»

*** * ***

«...Проснулась тогда, когда ты заснул. Свидетель моего побега – Босфор. Хмурится, забрасывает пристань шипящими волнами, не смотрит в глаза. Друг не одобряет того, что я не предупредила тебя об отъезде. Пусть это будет моим последним трусливым поступком... Прости...

Так странно – сегодня, находясь в твоих объятиях, я впервые ощущала себя чужой. Ложь покрыла меня толстым слоем отчужденности. Ты прикасался ко мне, а я ничего не чувствовала...

Сама удивляюсь, как смогла солгать тебе... С детства не дружу с ложью. Из-за этого в школе меня не любили. Я никого не выдавала, но если меня спрашивали, то отвечала честно. Правда, с годами жизнь научила и этому... Чаще всего мы лжем, подчиняясь собственному эгоизму. Светусвет, поверь, тебе я лгала только ради возможности быть с тобой. Свой эгоизм я оставила там, куда улечу через четыре часа...

Так странно. Пишу последнее перед отъездом письмо и рассуждаю в нем о лжи, детстве и прочей ерунде. Я ведь совсем не об этом хотела написать. Хотя... Зачем в этом письме я должна с тобой прощаться? Всё равно скоро увидимся. Ты встретишь меня в аэропорту и, поцеловав в шею, признаешься, что безумно боишься самолетов. А я, обняв тебя, скажу в ответ: «Я тоже». А потом вечером мы соберем наших друзей за большим столом и каждому из них я вручу по щекастой матрешке...

Это не мечта. Это желание, очень близкое к осуществлению. Поэтому не буду-ка я прощаться, а лучше пойду выжму мандариновый сок, который ты так любишь. Я положу под стакан с фрешем самую последнюю записку... Пойми, Светусвет, я должна своими руками разгрести прошлое. Хоть на это у меня должно хватить смелости...

От волнения сводит желудок. Съем одно зеленое яблоко – больше мне сейчас не одолеть. Когда ты проснешься, я буду в Москве, где, кстати, третий день льет дождь. Я улетаю из настоящего в прошлое, чтобы вернуться прямым рейсом в будущее...

... всегда твоя М.»

*** * ***

«Оно в тебе – мое будущее. Оно в тебе – мое сердце. Наше солнце оставляю здесь. Не забираю с собой, иначе запачкается в дороге... Сейчас, именно сейчас, мне хочется сказать тебе: „Можешь любить меня меньше, но, главное, люби дольше“.

*Сейчас, к сожалению, важны сроки... Временные промежутки.
От тебя до тебя... Когда вернусь, сбросим счетчики. Вместе
надавим на рычаг. Аннулируем прошлое.*

Четыре нуля на табло и полный бак на будущее.

Любовные батареи разряжаются от сырости.

Вот поэтому нужно беречься от слез.

Утро близится. Пора.

Подъехало такси ярко-желтого цвета.

Желтый цвет и вправду к разлуке...

В последний раз вдыхаю твой запах.

Целую.

*Сохрани акварель наших дней. Береги ее, чтобы цвета не
поблекли.*

Под лучами времени... Ты – мой свет... Люблю».

17

...Сижу на набережной, отрешенно молчу. Нет ни ее, ни меня. Я не хочу никого слышать, видеть. Себя особенно. Нуждаюсь в воздухе, сигаретах, воспоминаниях и больше ни в чем. Письма, обозначившие смысл моего настоящего, остались разбросанными по полу спальни. Я не хочу этих строк, этого почерка, этих эмоций в бумажном эквиваленте. Ценны только объяснения вслух, признания в прикосновениях. И мне наплевать на то, какие бывают обстоятельства, обязанности, побуждения! Любовь усиливает эгоизм. Не хочется делить, делиться...

Выкуриваю не помню какую по счету сигарету. Как будто в никотине есть благоразумие. Кто-то посоветует взять себя в руки. Нет-нет. Именно эмоциональность сейчас спасает. Нужен выплеск накипевшего. Босфор послушно слушает. Волны пролива вздымаются на выдохе усиливающегося ветра. Я с удовольствием, завернувшись в них, отдался бы течению. Куда оно меня вынесет – неважно. Сейчас не хочется находиться в этом подлом, обнаглевшем от своей безнаказанности мире, где мы зависим от обстоятельств. Да-да, черт возьми! И не говорите мне, что это не так. Не мы властвуем над обстоятельствами, а обстоятельства над нами...

Она исчезла так же неожиданно, как появилась. А ведь я знал о неизбежности ее возвращения *туда*. Неужели она подумала, что я стану удерживать ее от этого шага? Мы уверены в том, что самостоятельность способствует пополнению жизненного опыта. А никто не думает, что переизбыток самостоятельности делает из нас волков-одиночек?.. Потерял мир без Мирумир...

Женщины считают мужчин толстокожими. Женщины не верят в чуткость мужских сердец. Женщины не задумываются о том, что мы вынуждены прятать свою нежность из-за общепризнанного статуса «сильного пола»... Я не понимаю женщин. Я не понимаю Мирумир. Но я не сдаюсь. Выбрасываю сигарету, вздыхаю украдкой, направляюсь туда, где еще живет ее запах. Он смешался с ароматом мандаринового фреша. Недопитого...

* * *

...Когда мне плохо, я иду. Решительными шагами преодолеваю расстояния, преодолевая желание забиться в угол тоски. Вокруг разбитые турникеты надежд, в пыльном кармане брюк подмокшие спички и кусочки рахат-лукума, пересыпанные из серебристой жестянки. Курю. Облегченно выдыхаю дым, разгоняю надвигающиеся сомнения. Кажется, я стал старше на целую жизнь. Я больше не перевожу стрелки часов назад, не заедаю боль генномодифицированными надеждами, не идеализирую любимого человека. Всё как есть. Просто жду...

Вступаю на вечерний Истикляль. Он всегда остается рекой жизни, несущей себя сквозь трагедии и победы большого города. Здесь витают призраки Константинополя, духи османских султанов в роскошных пестрых одеждах, здесь ходят грустные и веселые люди. Все с кем-то, а я один. *Хотел бы я остаться настолько же невидимым для окружающих, насколько они видны мне.* Грусть делает из нас, казалось бы, взрослых людей, эмоциональных подростков. Но как это заметить?

Каждая наступающая минута тяжелее уходящей. Подталкивает прыгнуть с поезда времени. Нет, ни в коем случае! Крепче хватаюсь за поручень, всматриваюсь вдаль. Ветер развеивает волосы, взгляд

размывается. Вопреки помехам отчетливо вижу надежду. Спешу к ней навстречу – as fast as I can...

Я не подвожу итоги. Жизнь одним часом. Всю прогулку напеваю себе под нос песню Рафета Эль Романа. Слова ее – почти молитва. «Sen bile-mezsın ne gektiriyor... Yoklugun bana sevgilim... Bitmez sorular uzar geceler... O diisunceler uzun-tuler... Biz neler neler yasadik beraber... Kalm bir roman kitap gibi...»^[60]

Захожу в кафешку. Заказываю чай. Администратор включает радио. Прислушиваюсь. Звучит та самая песня Рафета! Как же я хочу, чтобы она тоже услышала эту композицию. Прямо сейчас, наперекор расстоянию. Ведь правда, что любовь связывает не только сердца, но и мысли...

18

...Эй, город моей души, что с тобой? Впрочем, глупо спрашивать, всё и так понятно. Уже который день грустишь. Небо обволакивает тебя своими слезами-дождями, наплевав на распорядок времен года. Ты не говоришь ему: «Спасибо, как хорошо, что ты рядом». Хм, мы так похожи! В грусти становимся непомерно гордыми. Создаем видимость того, что ни в ком не нуждаемся, хотя нам так важна чужая рука на плече...

Эй, город моей души, ты не один! Перед грустью все души мира одинаковы. Какими бы стойкими мы ни были, нам хочется, чтобы кто-то где-то разделял нашу боль. Самоуспокоение? Maybe. Знаю, тебе не хочется говорить о своей хандре. Но знай: я рядом. Так же по-осеннему грущу перед календарной страничкой с заглавием «Июнь»...

Я уже не помню, когда спал. Не самоистязание. Но дни, ночи, рассветы, закаты – мой casual растянулся в одно бело-серое полотно без осознанных действий. Гуляю по Стамбулу, держась Босфора. Покупаю в магазинах апельсины. По две штуки. Очищаю их, складывая кожуру в карманы куртки, съедаю медленно, четвертинка за четвертинкой. Никаких ощущений. Жизнь вне философий. Я выпиваю рассвет до дна, влюбляюсь в чужие бесконечности, но так боюсь забыть терпкий вкус голоса Мирумир. Не смотрю на часы. Ненавижу

их. Они измеряют то, что беспощадно. Набрасываю кистью ночных дождей ее образ. Получается. Но он быстро смывается. Остаются лишь знакомые черты в лужице на асфальте...

Когда мне грустно, я избегаю лифтов. В них болезненное время замирает, делается вязким, а перерывы между крушениями становятся до обидного мимолетными. Кажется, что вот-вот произойдет очередной обвал, тогда как еще не пережит предыдущий. Мирумир назвала лифт моего (нашего?) дома «философским». Из-за надписи, которую незнакомый страдалец вывел на стене баллончиком красной краски. «Я выбрал жизнь, стоя на подоконнике...» Она всегда читала эти слова вслух, после чего поднимала голову вверх и смотрела на отсчет цифр-этажей. Ей никогда не нужны были зонты. «Ну что за глупость?!» Мирумир любила ощущать капли дождя, стекающие вдоль позвоночника...

Последняя четвертинка апельсина. И до следующего магазина примерно три десятка шагов. Апельсины – это неспроста. Цвет, запах воспоминаний. Помню ее непрестанно улыбающейся, когда в порыве баловства я катал апельсин по ее спине. Потом мы съедали оранжевое чудо, кусочки кожуры терялись в складках смятых простыней, кисло-сладкий сок стекал по нашим подбородкам, оставляя липкие с горчинкой следы... Такое было? Или я всё выдумал?..

* * *

...Размениваю сегодня на завтра. Пальцы на запястье – пульс Босфора. Вино и чувство вины. Перед собою. Я прячусь от жизни. От настоящего и будущего. Нахожусь в своем пространстве, где слова – пустые звуковые вибрации, а чувства запутались в узелки. Мне достаточно весеннего солнца, домашнего вина, моих сигарет и воспоминаний. Они всплывают со дна океана прошлого, покрывая мои мысли соленым покровом пустой боли. Пустая боль, присущая больным синдромом Прошлого, не болезненна. Она лишь сжимает желудок, учащает ритм сердца... Во мне нет ничего, кроме воспоминаний. Пустота в реальности. Я открыл для себя Босфор по-новому. Все, что было связано с тем временем, стерто из памяти. Стереть все остальное пока не удастся. Пустота в настоящем

заполняется исключительно прошлым. Первый шаг к преодолению прошлого – это заполненное будущим настоящее...

* * *

...Перегоревшие лампочки в прихожей, мокрое полотенце после душа, забытый бритвенный станок, остывший чай с ароматом желания жить, джинсы на голое тело, обветренные морским ветром губы. Я ухожу из дома, не успев в нем появиться. Время без солнца, замерший секундомер веры, ночь крошится звездной пылью на ресницы, и я перебираю четки воспоминаний. Воспоминания со временем вырастают в значимости. Но и отчаяние, к сожалению, растет. Безвозвратность пугает, хотя и с ней многие примирялись, примиряются... Я хочу вернуть тебя...

Теперь вместо «Кента» покупаю «Мальборо». Самая большая внешняя перемена. Обращен в себя. Странно, но я ни с кем не хочу делиться переживаниями. Неотвеченные звонки на мобильном, непрочитанные имейлы, эсэмэсы. Не ищу друзей. Нет желания с кем-либо разговаривать. Молчать. Молчать. Молчать. Эгоизм в боли.

Мама звонит из Анкары. Родной голос в докладе автоответчика. Прослушиваю его ежедневно. Все-таки радуюсь, когда мужской голос «Панасоника» уведомляет о наличии «new mes-sage». Сейчас в привычном треске междугороднего звонка заговорит она. Все пять сообщений от мамы, и в каждом из них хотя бы два «Merak ediyorum, oglum»^[61]. Что мне ответить? "Ben iyiy-im, annesim»^[62]. Для успокоения близких нужно врать. Мне так хочется обмануть себя самого: «Don't worry, Светусвет, она уехала всего на день, завтра вернется. И что это ты развел панику?» Язык не поворачивается, и сердце отторгает неправду...

Задумчивые шаги вдоль опустевших дорог, мимо одурманенных трансовеститов, шумных дискобаров, пыльных газонов, дворняг с печальными глазами. Иногда я даже смеюсь, когда пытаюсь взглянуть на себя со стороны. Ну чем не эмо-бой? Здоровый мужик с небритой мордой, взлохмаченными волосами, кислой рожей. Хотя, стоп! Вроде у

эмо-боев как раз выбритые лица, да и страдают они глобальнее. Но все равно, в любовных страданиях мы всегда походим на подростков...

Удивительно, я еще не научился шутить, смеяться. Непоколебимая ли это надежда или защитная реакция психики? Отец мне всегда цитировал кого-то из великих, если я сомневался в правильности выбора. *«Следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно»...*

Неожиданно потянуло домой. На обратной дороге почему-то вспомнил свой первый секс. С овдовевшей полькой-соседкой плотного телосложения, необыкновенно белокожей, с выдающимися грудями. С ней я чувствовал себя таким опытным самцом, что даже не замечал собственной неуклюжести. Хм, оказывается, наша тяга к самообману появляется еще до так называемого взрослого возраста... Устал идти. Эй, такси!

19

...Засохшие фиолетовые тюльпаны в вазе без воды, телевизор в режиме «mute», гибнут надежды, растаял лед в стакане минералки, глупые трусы в серо-желтую полоску, ни цента внутренней свободы, спутанный ею пасьянс на стеклянном столике, страх перед лестницами. Я абсолютно убежден в том, что из множества слов не сложить прикосновения. Сопли – это не по-мужски. Что поделаешь? Восточный народ – народ эмоциональный...

Затасканный калека айпод под подушкой. Челентано с акцентом надрыгается на тему: «Я тебя люблю». Ну не воспринимаю я итальянца, поющего на русском, как, впрочем, и Сердара Ор-таджа, вопрошающего на великом и могучем у жизни: «...ну почему так сложна ты». Под мою брань айпод утрачивает последние капли зарядки. Умолкает. К лучшему. Звуки не воспринимаю...

Говорят, в любви мужчина должен дарить женщине не только цветы, но и ощущение того, что у них всё только-только начинается. Как-то Мирумир мне сказала: «С тобою хочу обнулить счетчики...» Верил, верю ее словам. Но внутри разъедает страх: вдруг она не вернется? Не вернется и закрепит решение хладнокровной записью в

дневнике: «Я еще полна остатками бессмысленной любви. Надеюсь, они со временем смоются»...

Купил путеводитель по Москве. Сорок лир с полупустой кредитки – и для чего? Почему-то турки Москву воспринимают с трудом. *Другая планета, где всё иначе. Там никто не пользуется желтыми такси! Взмахнешь рукой, и остановится одна из проезжающих машин, водителя которой почему-то называют «бомбиллой». Там беспризорные собаки катаются на метро, там соревнуются в брендах, там читают много книг, там безумно красивые девушки. И еще, как говорила Миру-мир, там «до сих пор не верят слезам». Я не понимаю Москву, но хочу в ней разобраться...*

Поехать бы в Кемер, поваляться на солнце, обгореть на одно плечо, вдоволь натрахаться с какой-нибудь одинокой туристкой и забыть о том, что обильные возлияния чреватны расстройством желудка. Почему я не могу поступить так, как поступают многие? Когда грустно, тянет на мейнстрим. Туда, где не нужно думать. Смотришь, смеешься или плачешь, и никакого анализа...

Пора вставать. Приму холодный душ, схожу в «Старбакс» за обжигającym кофе, опять ничего не поем, покурю на пустой желудок, обругаю старушку со второго, вечно оставляющую пакет с мусором у выхода из подъезда. Жизнь есть жизнь... Ну не могу я так, как все! Люблю... Прилив нежности накатывает где-то в районе набережной...

...Чищу зубы без щетки, доедаю яблоки без кожуры, сдуваю пыль с прошлогодних эсэмэсов, замачиваю черные носки в зеленом тазу, переустанавливаю свежий Windows, присматриваюсь к заумным айфонам, хотя и они мне совершенно не нужны. Занимаюсь чем угодно, кроме полезного.

Этот период я назвал «переинсталляцией». Время, когда не знаешь, чего ждать, пресыщен сексом, не ищешь философии, да и нет сил облачать чувства в слова. По телу бегают мурашки простуды, на ногах отросли когти, майка пропитана сигаретным дыханием, щетина оставляет катышки на ситцевой наволочке, пространство жизни ограничено одной комнатой и ортакеев-ской пристанью.

Телефоны с трудом выдерживают бомбардировки с позиций мамы, шефа, бывших, но не забытых, и бывших, но уже давно стертых из доступных мне памятей (собственной, мобильного, органайзера). Звонки от кого угодно, кроме нее. Это не закон подлости, не власть обстоятельств. Скорее – безумие безумных. В любви невозможно сохранять рассудительность. Думаю, термин «крышу сносит» придумали для описания влюбленности...

Сегодня дождь сменил ветер. Он завывает как истеричная баба в своем печальном возрасте. Холодный ветер на территории лета – безумие. В такую ненастную погоду она грела замерзшие руки в моих карманах, принимала любое слово на веру, улыбалась непогоде, запускала в лето бумеранги с хорошим настроением, жарила хлеб в яичном соусе, обучая меня выговаривать труднопроизносимое «греньки».

Я иду в магазин за свежим экмеком¹, собираюсь приготовить греньки, хотя плохо помню, как это делается. Сейчас важны не сами греньки, сколько реализация частички воспоминаний в настоящем. Нормально. В принципе, мы так и живем, с желанием вернуть то, что когда-то делало нас счастливыми. Цель оглядок – не только попытка заполнить пустоты настоящего. Нам всегда мало счастья. Поэтому без довеса из минувших лет не обходится...

До ближайшего маркета минут пять ходьбы. Похолодало. Я непроизвольно сую руки в карманы, поднимаю лицо к свирепым тучам и запускаю ей бумеранг со своей любовью. Он доберется до нее, уверен. Солнцу ветер не преграда. Солнце – это не я. Солнце – моя любовь... Мелочь позвякивает в карманах. К счастью или к вычету из зарплаты за прогулы? Мой отпуск затянулся...

20

...Отсыревший глянец на балконе, беспризорная ностальгия, борьба с зачатками равнодушия в себе, щербатые сны без нее, игра ветра с улетевшими зонтами, ночь длиною в день и долгие-долгие разговоры с самим собою над кружкой имбирного чая. Становиться мудрее – больно. За укрепление морального иммунитета расплачиваемся купюрами из нервных клеток. Альтернативы нет.

Жизнь обкладывает нас налогом... В открытое окно вливается туман и смотрит на меня так, будто я проглотил ребус и теперь его разгадка во мне. Безумно хочется печеных яблок, но некому приготовить. Я не умею. Я их только люблю...

Выхожу на улицу в дырявых перчатках. Соседка по лестничной площадке, красноволосая толстушка Неджла, увидев меня, выносит тарелочку халвы и отмечает: «Давно не видно твоей русской гостии, сынок». Типичное восточное любопытство, которое даже не хочется пресекать. Во-первых, Неджла возраста моей мамы – старших принято уважать. Во-вторых, Неджла хорошая соседка – не раз выручала. А в-третьих, когда любишь, становишься мягче. Даже болезненная любовь облагораживает...

«Душа моя, ты, конечно, не обижайся, но русская девушка – не пара мусульманину. Мусульманин должен жениться на мусульманке. Да, мы народ вежливый, гостеприимный, но все равно... Давай сосватаю тебе шестую дочь моей троюродной сестры из Трабзона?^[63]» – «Тейзе, мне нужна Мирумир. И больше никто...»

Соседка туга на ухо – последствия пятнадцатилетней работы штамповщицей. «Сынок, будет тебе мир, ты только дай согласие на женитьбу! С твоей мамой я сама договарюсь...» Целую Неджлу в щечку, спускаюсь по лестнице. «*Мир у меня есть, я просто потерял его. Вот пройдет дождь, и всё вернется...*» Соседка провожает меня недоуменным взглядом, прося, верно, Аллаха вернуть мир в мою дурную голову...

Я – хранитель чайных пакетиков. Они в летальном состоянии покоятся на дне батареи кружек – невымытых, расставленных в беспорядке по моей квартире. Нет сил мыть посуду...

Оказывается, я эффектно смотрюсь со стороны. Сегодня после душа взглянул в зеркало, удивился: «Всё не так плохо...» Глаза не потухли в ожидании. В них по-прежнему труднообъяснимый порыв – отправиться с инспекцией на противоположную сторону планеты. Это радует. Кажется, часы моих молчаливых мучений подходят к концу. Вчера, наткнувшись на целующуюся парочку под сенью могучего

платана, я понял, что снова жду неожиданностей, чего-нибудь такого, чтобы сильно удивиться и долго ходить счастливым после...

Перемотать бы лето. Мысленно подгоняю осень. Пора, оправдывающая меланхолию любого вида. Пора, когда не задумываешься на пересечениях, с легкостью вписываешься в повороты и размагничиваешь недосказанность. Осенью движешься исключительно вперед, по кленовым дорожкам, услужливо брошенным ветром под ноги.

Мирумир любит осень за звук сотрясаемых в яблоках зерен, за веру без меры, за капюшонки с надписями типа «No hell below us, above is only sky»^[64], «I hope that someone gets my message in a bottle»^[65]. Она верила в нашу первую осень на двоих. Надеюсь, до сих пор верит. Как и я. Если мы вступим в багряное царство рука об руку, значит, сумели отвоевать друг друга у обстоятельств. Порываюсь позвонить ей, напомнить о том, что нас ждет осень, нельзя опоздать к ее приходу...

Во мне живет надежда, Мирумир. Ты можешь переиграть кого и что угодно, кроме осени. Не зря говорят, ее листья – это письма лета, которые так и не дошли адресату. Осень безжалостна, но делает уступки влюбленным...

Холодная кока-кола в красном бумажном стаканчике, телефонный автомат голубого цвета. Набираю номер твоего мобильного. Помню наизусть. Бездушный голос робота отвечает вместо тебя. В сердцах вешаю трубку, отхожу подальше от разочарования... У ожидания два лица. Одно из них – отчаяние... Свет твоему миру...

...Хромающая самооценка, успокоение в газировке с мандариновой отдушкой, бросаю сигареты, приятная горечь бельгийского шоколада и попытки склеить себя разбитого. Получасовое стояние под контрастным душем приводит к мечтам о весеннем почему-то Париже.

Хочется валяться на Марсовом поле с гроздью винограда в руке, гулять по набережной Сены, копошиться в книжных развалах, пить кофе с теплыми круассанами в открытых кафе. Стамбул стал казаться уж больно брутальным, городом перемен, крайностей. Я, конечно, не променяю его на Париж. Просто сейчас во мне живет неутолимая жажда. Когда задыхаешься от чрезмерности свободы, путаешь дверь собственной квартиры, утопаешь в состоянии «да и пошло оно всё!» Нужно бежать.

Я бы запустил руку в заначку, купил бы билет до самого тихого города планеты и пересидел бы там растерянность! Устал ставить многоточия. Пришла пора восклицательных знаков. Не могу уехать. Страх упустить что-то важное. Я словно смотрю скучную серию некогда интересного сериала, от которого все равно не могу оторваться, боясь пропустить долгожданную развязку...

Прислушиваюсь к звукам за входной дверью. Жду Мирумир. Я понимаю, что еще не наступило время для ее возвращения. Но надежда – чувство, не имеющее рычага управления. Либо она есть, либо нет. Как долго живет надежда? Насколько ее хватит?..

Прохожу мимо булочной. Запах свежей выпечки и билборд на соседнем здании с призывом: «*Не откладывайте в долгий ящик прошлого свое настоящее...*» Если бы у меня был номер московского мобильного Мирумир, я скинул бы ей эти слова эсэмэской. Не преследую цели бестактно ворваться в ее личное пространство. Просто хочется быть с ней рядом, пусть она и нажала кнопку «pause» в отношениях между нами. Я не успел сказать Мирумир, чтобы она не задерживалась там, в прошлом. Ведь сезон сломанных каблучков скоро подойдет к концу...

В ее городе дождей, где небо висит так низко, что, кажется, вот-вот разобьется о замерзший серый асфальт, не плачут из-за сломанных каблуков. «Глупо плакать из-за каблуков, тогда как у большинства людей разбиты сердца...» Я помню твои слова, Мирумир. Так что давай возвращайся сюда. В место, где радостные эмоции – неотъемлемая часть жизни...

Мне опять становится грустно. Было бы неплохо объяснить грусть снова разбушевавшимся ветром... Какой-то глупый глянец заявил, что в этом году боль – тренд сезона. Но я знаю, что нет...

* * *

...«Из моего окна вечерами видны такие потрясающие закаты. Я их называю грейпфрутовыми...» Вдруг неожиданно заговаривает девушка, когда я сажусь на скамейку – как понимаю не сразу – рядом с ней. Я-то передвигался легко – изученная ортакеевская территория. Но за завесами дождя, обложившими каждый метр воздушного пространства, с трудом что-либо разглядишь. Да и одета она в одежду темного цвета, сливающуюся с ночной непогодой. Фиолетовая капюшонка, теплые синие штаны, черные кроссовки. Погода не располагает к пестрым изыскам.

«Вы это мне?» – я обернулся. Она сидела на самом краю скамейки, с поводком в руках. Быстро окинула меня печальным взглядом и подозвала свою крупную собаку с длинными свисающими ушами. Ничего не ответила. Я не стал настаивать. Захотелось курить, но, черт, забыл зажигалку. Рядом с Босфором непроизвольно тянешься к сигаретам – проверено на себе. «У вас зажигалки не будет? Забыл свою дома...» Закопошилась в кармане, достала чакмак^[66], протянула мне. Сдержанно улыбнулась.

У нее удивительно красивые пальцы и совсем кукольные ресницы. Во взгляде столько тепла, что его с лихвой хватило бы, чтобы обогреть всех на свете замерзающих. «У меня тоже из окон гостиной открывается шикарный вид. И не только во время заката. Мы с вами, судя по всему, соседи?...» Кивает, устремив взгляд на Босфор. Ночью, в дождливую погоду, он обретает сливовый оттенок.

«А мне почему-то нравится наблюдать именно за закатами. Они нам, людям, ближе. Встретить рассвет нечасто удается... Правда, закаты пропитаны грустью. Потому что *каждый раз, провожая его, думаешь: каким бы ни был, удачным или неудачным, день – это мой день, и он уходит навсегда...*» Закуриваю, жестом предложив ей. Отказывается.

«Ну почему же? По-моему, в закате не печали много, а надежды. Смотришь на засыпающее солнце и думаешь, что *завтра наступит новый день, и он непременно будет лучше уходящего...*» Пожимает плечами, запрокидывает голову, подставив ладонь дождю. «Почти прекратился. Последние капельки... Грустно еще становится, когда кончается дождь... Мне кажется, он понимает, что по большому счету люди его не слишком жалуют. Лишь немногие действительно рады дождю. Остальным солнца подавай...»

У нее проникновенный голос с чуть детской интонацией. Отключите дубляж и послушайте голос Амели, когда будете смотреть одноименный фильм на DVD. Он похож на голос моей незнакомки. «Я вот тоже не очень люблю солнце. А моя подруга из Москвы всегда удивлялась, мол, как можно не любить солнце? И я отвечал: „Потому что его в нашей жизни слишком много...“ Взглядывает с интересом. „Так мило... Мой любимый тоже солнцу предпочитает дождь. Он родом из Баку. Там ведь тоже солнечно... Давай на ты? Я – Зейнеп...“

Не успеваю представиться, как девушка в капюшонке оборачивается вслед убегающей за кошкой собаке. «Айдынлыг, ко мне!» Зейнеп срывается с места, я – за ней. Надо догнать свободолюбивую псину. Еще потеряется среди ночи... Мы бежим по лужам, на небе потихоньку проступают звезды, моя грусть развеялась, и я наполняюсь уверенностью в том, что сегодняшнее знакомство станет судьбоносным...

Айдынлыг останавливается в десяти-пятнадцати шагах от нас. «Уф, догнали! Красотка, разбаловал он тебя! Ничего, вот вернется хозяин, возьмем за твое воспитание». Зейнеп застегивает поводок на шее у собаки, и мы медленным шагом покидаем берег...

...Зажженные огни вдоль полос надежд, мы в разных постелях, крошки лимонного печенья в складках диванного чехла, мечты о поцелуях на светофоре, миндаль в сахаре, тебя бы со мной в одни стены и решение пока ничего не решать.

Перечисляю обстоятельства на счет времени, рисую ванильным мороженым луну на черной тарелке, провожаю взглядом уносящиеся в ночную мглу такси. Пространство расширяется от наступившей жары, которая неустанно утешит отсыревшие дороги города. Жара – ветеран труда...

Я больше не наматываю кольцами шарф на шею, не боюсь притрагиваться к ручкам пластиковых рам моей квартиры, не избегаю звонков из безвозвратно ушедшего прошлого, не задумываюсь о смене имиджа в угоду журнальным образам. Осмелел.

Настоящее, наконец, сдвинулось с места – маленькими шажочками. У меня испортилось зрение, но обойдусь без очков. Не приведи Аллах забыть, какой он, мир моими глазами...

Пока не могу сказать «всё чудесно». Всё так, как есть. Вопреки прогрессу я все еще обнимаю тебя во снах. Снова слушаю твой сумбурный рассказ о том, как ты встретила двадцатилетие за бритьем ног и чтением нудного Толстого. Смеюсь над твоим признанием, что ты иногда троллейбусы любишь больше, чем людей. «Они хотя бы выстраиваются за мной в очередь, когда у меня в голове мыльные пузыри вместо мозгов!» Люблю твои ожидания. «Светусвет, наступит день, когда мы, окрыленные беззаботностью, будем гулять по весне, ловить ртом бабочек, которые станут порхать в наших животах...»

Обожаю твою самокритичность, граничащую с убийственной иронией. «У меня всё в жизни происходит даже не через жопу, как у многих, а как-то еще хитрее и заковыристее...» Мирумир никогда не делает выводов без личных оснований. Не спрашивает разрешения у обстоятельств, правда, с трудом подкрепляет смелостью порывы. Французы точно подметили: быть готовым что-нибудь сделать не значит уметь сделать то, на что ты готов.

«Мне кажется, я свободна только в сексе. Почему-то над мужчиной или под мужчиной мне легче распустить нити сердца и снова собрать их. Да-да, не смейся, женщины прислушиваются к своему сердцу даже в постели с нелюбимым человеком...»

Спрашиваю себя: что я хотел подарить Мирумир, но не успел? Отвечаю: свободу. Именно ее. В нашей весне не было, не могло быть свободы. Любовь ведь начинается с освобождения от прошлого. А freedom наступает где-то в середине отношений... Мы с ней до середины пока не дошли...

* * *

...Для любви не помеха расстояния. Сокращения сердца одной половинки всегда отзываются в сердечном ритме другой. У любви две главные преграды – обстоятельства и страхи. Нам часто не хватает смелости переступить через камни прошлого и сомнения настоящего. Но пасует, как правило, кто-то один. В этом вся сложность: одна половинка отказалась от того, от чего не может отказаться вторая. Мучительная односторонняя связь. Безмолвные сигналы боли из одного конца в другой... Как там у Ремарка? «Один из двоих всегда бросает другого, весь вопрос в том, кто кого опередит»...

Воспоминания овладели сознанием – ты мне мерещишься. Разгоняю дым первой сигареты нового дня и отчётливо вижу тебя перед собой. Яркое освещение, слайды сменяют друг друга. Мирумир танцует босиком на вещах, разбросанных в безумстве ночи по спальне. Она крутится на своем клюквенном сарафане, который завивается в складки под ее движениями, и кричит мне, только проснувшись: «С днем рождения, душа моя!»

Дым снова сгущается, вот-вот появится следующий слайд. Она, вытирая слезящиеся от счастья глаза, натягивает на колени белую мятую футболку, листает «AD»^[67] и спрашивает с почти детской надеждой: «А получится у меня спроектировать лестницу в облака?» Родная моя, мечтающая так искренне и забавно...

Стиль Мирумид – это солнце цвета каркаде, джинсы-дудочки в облик, неисчерпаемый лимит эмоций, уверенность, выраженная в трескучей фразе: «Мы все будем хорошими женами», извечный гранд-мокок из «Старбакса», сумочки Vivienne Westwood в унисон настроению, многодетность на примере Джоли и Питта, раскадровка фильма «Closer» – рамкой трюмо, туман в голове, который будет конденсироваться не в слезы, а в словесную воду...

Белизна дыма становится насыщеннее, на подходе очередной слайд. Мирумид в завершение бессонной ночи, в бордовом кресле под торшером, в футболке с Биллом Мюреем. Спички в глазах, нос в оранжевой книге. На часах 4:57. «Чем занимаешься?» – спрашиваю я с дневной обычностью. «Читаю и люблю тебя», – отвечает она, не отрываясь от романа. «Кортасар?» Кивок и великие строки вслух: «... то, что осталось, было создано в одиночестве и отвоевано у тьмы – ветка в руке, на щеке от слез беспричинных след, жизнь человека и лампа, льющая свет...» Принимает Кортасара в строгой дозировке. «В меру... Когда его много, боюсь запутаться в улицах и укусить небо... Это почти сумасшествие»...

Закрываю глаза, голову сую под подушку. Остановитесь, хватит!..

23

...При внешней открытости замок – замкнут, сердце выстукивает save me, звезды падают мимо меня, маково-марципановый торт «Шехерезада», сумку Louis Vuitton с оторванной ручкой хочется приласкать, блаженная улыбка Портман в беззвучной картинке «My blueberry nights», но ночи совсем не ежевичные, опять все не так, опять одно и то же.

Товарищ из Кадыкёя^[68] зовет на пиво с креветками. Я пошел. Ни к пиву, ни к креветкам не притронулся... Добрался с трудом. Долго не мог отыскать улицу, на которой раз сто бывал. Совсем крыша поехала. Да и как я могу ориентироваться в любимом городе, если потерял ориентиры даже в собственной жизни?!

Креветки удрученно краснеют в сиреневой кастрюле, я расхаживаю по холостяцкому гнезду Аслана и понимаю, что завидую покою этих

стен. У него светло и прибрано, аж мыслится легче. Моя квартира – the center of world's mess. Горы одежды, вываленные из шкафов, захоронения «бычков» в ультрамариновых пепельницах, грязные носки в пыльных углах, повсюду исцарапанные диски с гигабайтами прошлого. Не удивительно. Life on pause. Размытое отражение в магазинных витринах...

«Как ты можешь грустить летом?» – вполне ожидаемо спрашивает Аслан, тем самым провоцируя меня на продолжительные размышления. Просто у меня сейчас другое лето. Без танцев в воде по пояс, пенных вечеринок с дерзким флиртом, сладких арбузных брызг, ледяного спасателя Evian, глянцево сияющего солнца и бирюзового моря. Мое нынешнее лето пополам с осенью...

«Не слишком ли много чести для одной девушки? Забудь о ней, найди другую...» Называю Аслана ослом, ухожу в ночь. Кто сказал, что мужчины разучились страдать по женщинам? Эй, обобщители, вам указать направление или пойдете сами?! Весь мой мир уместается в одном человеке...

Только с ней я мог бы трясти с деревьев снежный дождь, пить клубничный латте в пене ванны, следить за новыми воплощениями «рыжей бестии» Тильды Суинтон, развешивать по комнате полароидные снимки, проигрывать в бильярд желания... Точно о ней говорила задолго до нее гениальная Вулф: «Она меняла свое „я“ со скоростью своей же езды – новое на каждом повороте»...

В любви оправданы любые переживания, но я не собираюсь оправдывать свои. Для меня – слишком много. Стамбул проплывает за окнами такси, везущего меня обратно в воспоминания. В салоне тишина, редкий кашель водителя. Мучает ностальгия. Единственное лекарство – ты...

* * *

...Три корзины выстиранного белья, прищепки-попрыгунчики, остывший чай с белым «Таблероном», солнце над головой в гримасе улыбки, душу воскрешает «Mon amour mon ami» Вирджинии Ледойен, новый день в оттенках ванильного, грусть – это глагол, действие. Я не

разбираю тревоги, стараюсь не думать о том, что значит жить ради других. Во мне плещется неловкая нежность, еле различимая за шуршанием багряных листьев. За окном переливается лето, а у меня внутри листопад.

С детства лето для меня было переходным периодом. От хорошего к плохому или от плохого к хорошему. Если повезет, от хорошего к лучшему. Нет, я никогда не корчил угрюмую рожу сезону плавок и радуг. Напротив, летом превращаюсь в человека, беззаботнее которого вы не видели.

В аналог «души компании», который, не вникая в суть любого события, осмеивает его, веселит до коликов, тиков. Это даже не игра – скорее, желание соответствовать активности солнца...

Вся сила любви скрыта в осени. Осень – сезон отчета перед своими чувствами. Только осенью сходятся или расходятся. Встречают друг друга обычно весной. Весной всё так красиво и простительно поверхностно... Наше с Мирумир дело передано на рассмотрение осени. Так что придется подождать. Сейчас не время. Лето ведь. Отпуска, передышки, одышка, бритые подмышки, желтые балетки, очки-авиаторы, обгоревшие носы, раскручивающиеся парео, болтающиеся на ногах сланцы и золотистый песок-кипяток из ладошки в ладошку...

Вытаскиваю из шкафа новое пальто. Еще без моего запаха, пыли в карманах, растертых рукавов, но уже безумно любимое. Минимализм от Paul Smith. Выбор, благословленный Мирумир. «Светусвет, да ты еще будешь ревновать его ко взглядам прохожих!» Она верит в душу вещей, награждая их именами. И пальто назвала. «Смитти». Ему подходит...

В Интернете пишут, что в Москве никак не наступит лето. Все дожди да дожди. Представляешь, я ревную тебя к дождю. Он может прикоснуться к тебе. В отличие от меня... Мне нужны трезвость и абсолютное спокойствие. Или это самообман?..

– Я живу не одним днем, скорее, в одном дне...

– Это как, Зейнеп?

– Ну, когда завтрашний день не продолжение сегодняшнего, а нечто совершенно новое... Если сегодня балуюсь миндальным печеньем и не снимаю солнечных очков, то завтра могу купить зимний шарф пчелиной раскраски и пообедать чечевичным супом с красным перцем...

– Ты боишься повторений?

– А ты, Светусвет?

– Лично у меня без повторов не получается. Вот эту ветровку ношу шестой год. Когда-то в ней встретил частичку своего счастья... Теперь каждый раз надеваю ее, и мое сердце заново наполняется теми ощущениями... Воспоминаниями продлеваю вкус счастья...

– А я для этого слишком нетерпелива. Нахожусь в вечном поиске новизны. Это не значит, что в чувствах меня надолго не хватает, напротив... Я часто заглядываю в шкатулку с бабушкиными бусами, бижутерией. Всегда нахожу в знакомых с детства вещах что-то новое...

– Да-да, любовь нуждается в обновлении.

Не зря же придумали такие понятия, как «второе дыхание», «с новой силой»... Мы никогда не любим так, как полюбили. Сильнее или слабее...

– Красиво ты говоришь, Светусвет. Тебе бы в писатели...

– Мудрец не тот, кто мудро нахватался... Слышала такое?

– Я не люблю самокритичных людей...

– Каких же ты любишь? Самовлюбленных?

– Нет, почему же?! Просто от самокритики до самоуничтожения один шаг... Важно знать свои минусы и вспоминать о них только в контексте разговора о своих плюсах... Самовлюбленность – это другое. Пустота...

– У нас с тобой прямо дуэль интеллектуалов, а не обычный разговор...

– В мире нет ничего обычного, Светусвет. Зато есть люди, видящие в совершенном заурядность... Вот смотри, для кого-то и Босфор обычный пролив, каких в мире множество, в котором даже не искупаться летом. А вот для нас с тобой Босфор друг, больше чем человек. Мы с ним делимся, советуемся...

– Ну да... Восприятие – субъективная штука...
– Именно...
– Любишь апельсины?
– Люблю.
– Мирумир говорит, что именно в апельсинах пульс жизни...
– Он еще и в наших сердцах... Мирумир – самая большая любовь?
– Какой-то писатель – забыл, кто именно – сказал, что в жизни бывает только одна большая любовь, все предшествующие ей любви – лишь проба пера, а все последующие – наверстывание упущенного...
Согласен с ним...

– Я тоже. Я верю в масштаб чувства. Разделяют же влюбленность и любовь... Раньше у меня случались романы, которые мне казались большой любовью... Но это были заблуждения... Все ошибаются, недаром ведь на карандашах есть ластики... Все-таки любовь должна проходить проверку временем. Иначе трудно понять, действительно ли она такая большая...

– Согласен...

– Хотя, Светусвет, бывает и так, что мы можем долго любить одного человека и до конца не понимать, что в нем сосредоточена та самая большая любовь... *Каждый человек по-своему не понимает своего счастья...*

– Ты понимаешь свое счастье?

– Не до конца. Иначе столько бы не ныла, не сетовала на судьбу...

– И что мешает?

– В каком смысле?

– Ну, понимать, ценить свое счастье...

– Разлука... Она, подобно комару, выпивает мое терпение, веру, уверенность. Расстояния трудно победить одними мыслями. Одной верой сыт не будешь...

– Как же вы справляетесь?

– Как-как – никак! Сходя с ума, обливаясь слезами перед веб-камерой, празднуя окончание каждого дня разлуки... Надежда... Моя бабушка повторяет одну фразу: «Хорошо, когда есть что вспомнить, а еще лучше, когда нечего забыть». Надеюсь, скоро мы с ним будем вспоминать эти сложные дни с улыбкой на лице...

– Иншаллах^[69]...

– Я так поняла, между вами с Мирумир тоже разлука?..

- Да. Она уехала...
- Надолго?
- Не знаю... Хочу верить, что вернется.
- Вернется-вернется, вот увидишь...
- Откуда у тебя такая уверенность?
- Из твоих рассказов. Не кисни!
- Я не кисну... Просто сложно.
- Запомни, жизнь, как маленькое одеяльце: потянешь вверх – мерзнут ноги, потянешь вниз – голова. Жить умеет тот, кто сворачивается калачиком... На вечный ажур даже не надейся. События в жизни как маятник: назад, вперед, потом снова назад, затем снова вперед...
- У нас сегодня прямо вечер афоризмов.
- А то!
- Пойдем пить кофе с пирожными?
- Угощаешь?
- Угу... За услуги психоаналитика буду расплачиваться походами в кондитерскую.
- Негодник ты, Светусвет!
- Похоже на то, Зейнеп...

25

...Поздний чай у изголовья июля, перчатки без пальцев, пустая банка из-под засахаренного абрикосового варенья, желание расправить крылья веры, рассвет крадет последнюю звезду, любимый запах задутых свечей, попытка вычислить с помощью фэншуя сектор любви, конфликт на бытовой почве с бестолковым феном и надежда, потерявшая свое предназначение. Усилием воли сбрасываю с неба грозные тучи...

Я слишком люблю, чтобы быть свободным. Хочу развязать руки, разогнать обстоятельства, прижать тебя к себе обыкновенно и больше никуда не отпускать. Не спиваюсь, но не выпускаю из рук фляжку с коньяком. Он противный, конечно, зато действенный. Горячительное после чая: пусть будет жарко внутри, прости, страдалец желудок!..

Вчерашний дождь наревел лужи в форме сердца. Я останавливался над каждой из них и ощущал себя выброшенной коробкой, в которую

никогда ничего и не клали. Пародия на философские мысли и осознание того, что молитвы это не более чем обращение к самому себе. Нам почему-то важно подкреплять свои просьбы авторитетом Всевышнего. Тешим амбиции, мол, имеем доступ к небесной канцелярии...

Съездить бы на Маврикий. Витрина турагентства напротив моего дома зазывает купить «горящую путевку всего за 999 YTL^[70]». Заманчиво. С удовольствием поехал бы, будь я уверен, что там, на ласковых волнах Индийского океана, обрету спокойствие. Но я слишком хорошо себя знаю. Для меня связывать нервы – это как прекращать майский ливень, превращать воду в вино, как гладить сорочки – чудеса. Как отключаться от реальности. Эй, Всевышний, пошли мне выключатель эмоций!

Неимоверно талантливы те, кто способен переждать бурю. Я до сих пор не научился стоять на месте тогда, когда того требует ситуация. Бесконечные метания из крайности в крайность, бесцельные перелистывания некогда прочитанных книг. Разучиться бы чувствовать. Вырубить все рецепторы, заправить разобранные постели, заново заморозить потекший пломбир и жить одной бесконечной секундой... Стоп! Нет-нет, не надо мне такого! Лучше я буду любить. Пусть и больно...

* * *

...Весь день на балконе, южный ветер треплет ресницы Босфора, усохшая баклава в холодильнике, вырванный шнур телефона, съездившееся сердце, одинокое одиночество, еще горячий омлет на кухонном столе, присутствие аппетита, но полное отсутствие сил есть-жить. Кто-то скажет, что надо идти дальше, но я не могу. «Нельзя останавливаться, даже если силы иссякли. В боли так легко засидеться...»

Общение ограничено по моей инициативе. Понимаю, что сейчас быть корректным не смогу, поэтому запираю входную дверь на главный замок. От боли легко обидеть ни в чем не повинного человека... Я ругаю себя, ее, всех. Про себя. Пардон, сегодня весельчак

не в духе. Представление отменяется. Потушите софиты, вымойте после себя заварной чайник и проваливайтесь восвояси. Ныряю под одеяло, ищу укрытие в царстве Морфея. Говорят, тридцатишестичасовой сон возвращает к жизни... Как проспать так долго?

Когда проснусь, пусть все будет как прежде. Продолжу играть в оптимизм – да-да, дорогие мои, пессимизм нынче не в моде. Продолжу зачищать чувства – да-да, родные мои, неряхи в душевном смятении нынче не в почете. Продолжу сушить гранатовую кожуру – да-да, заботливые мои, пить черный чай с обычным сахаром – знак нездорового образа жизни, нынче все предпочитают травяные отвары с сухофруктами. Скажите, где моя метла, и я подмету это мир! Хорошо довольствоваться иллюзией порядка...

Я говорю о благоприятном воздействии многочасового сна, хотя знаю, что мне хватит и ночи. Пик отчаяния приходится на темное время суток, когда одиночество сгущается вокруг тебя. Следовательно, достаточно пережить ночи. Утром во мраке даже самого длинного тоннеля можно различить свет слепой звезды. Утром осознаешь, что ты куда больше подходишь для того, чтобы целоваться под мандариновым солнцем, чем страдать по ночам. Так что я – спать. Оставайтесь здесь, остывший омлет, вой ветра в щелях рам, надрывная мысль: «Без нее я уже не целиком», приближающийся понедельник и вечно сползающие джинсы.

Была бы такая услуга – сны на заказ... Говорят, все приходит вовремя, если научиться ждать. Я – научился. Я – жду...

Завтра встречаюсь с Зейнеп.

26

...Чай она пьет только с финиками, обожает большущие сумки, набивает карманы разноцветными леденцами, лаком для ногтей не пользуется. Любит еще балетки Марка Джейкобса, восхищается Миуччей Прада и солидарна с ней во мнении, что «красота без интеллекта, во-первых, пресна, а во-вторых, недолговечна».

Когда ей грустно, перебирает забытые тряпки. Большую часть – раздает. «Прошлое слишком тяжелое, даже для шкафов... Я избавляюсь не от него, а от его символов». Не любит, дожидаясь важного звонка, следить за движением стрелок на часах. Не любит слышать: «Всё будет хорошо» – самое банальное утешение на свете...

Она – за женщин и не очень доверяет мужчинам. Конечно же, за редким исключением. «Некто верно сказал, что многие мужчины, влюбившись в ямочку на щеке, по ошибке женятся на всей девушке. Эта мысль преследовала меня, когда я начала с ним встречаться. Но сейчас... После испытаний, снегом выпавших на наши головы, глупо задумываться об эффекте ямочки».

Они не женаты, но уже завели собаку и растят ребенка. Невероятно смышленную Гюльсум взяли на попечение в одном из детских домов Стамбула. «Совсем скоро она переедет к нам жить. Иншаллах...»

У Зейнеп слегка перченая улыбка. Притягательная, для некоторых – обжигающая. Немного веснушек на лице расставляют точки в том, что она говорит. Немного колючей хрипотцы в голосе, который обволакивает и завораживает. Глаза цвета зеленого кофе, кожа шоколадно-смуглая, волосы оттенка арабского золота. «Осветлилась вот – так захотелось быть ближе к солнцу. Встретить лето подготовленной...»

В ней живет такая непоколебимая вера в настоящее, что рядом с ней любая промозглая погода перестает раздражать. Она дарит надежду одной улыбкой – разве не чудо? Долго искал себе такого друга. И не надо о том, что дружба между мужчиной и женщиной невозможна.

«Все в наших руках, поэтому не опускайте их». Слова Шанель хоть и звучат двусмысленно, но к месту. Дружба, как и любовь, – не только букет приятных чувств, но еще и большой труд. Опустить руки, расценив сложное как невозможное, легче всего...

«Ты тоже, Светусвет, появился в моей жизни вовремя. Как бы корыстно это ни прозвучало... Я растерялась от собственных мыслей, уже не понимала, куда идти и стоит ли вообще идти. Не от отчаяния – от растерянности. А ты внес ясность в мое понимание...» Она улыбается мне своей обаятельной искренней улыбкой, отпивая горячий шоколад из синей кружки. В этой девушке так много света и... надежды.

Ты, Зейнеп, научила меня жить ими...

* * *

– Светусвет, а ты любишь ловить моменты? Выбирать один из них, ставить его на повтор, как песню, и думать, сколько повторов этого момента я смог бы выдержать? Я часто так играю. Много пользы в этом...

– Люблю. Я так и делаю. Но всегда чуток дорисовываю воспоминания... А ты? Сохраняешь картинки в оригинале?

– Я просто наслаждаюсь. Принимаю всё как есть...

– У меня так не получается. Вечно дополняю. Оттенками, штрихами... По-твоему, это стремление к совершенству или желание идеализировать окружающий мир?

– Хм... Скорее желание подстроить все под некий стереотип красивого, хорошего и счастливого...

– Наверное, это не очень хорошо. Потом трудно возвращаться в реальность...

– Ты просто постарайся сильно не менять оригинал... Жизнь в любом случае богаче того, что о ней думают...

– Представляешь, моя вера в сегодняшний день была в маковой булочке. Туманное утро, свежая выпечка, кофе из «Старбакса»... Все проблемы казались такими легкорешаемыми. Почти ерундовыми... Каждое утро начинаю с того, что вкладываю веру во что-нибудь красивое, уютное. Будто цветок сажаю, дожидаясь, когда он вырастет, расцветет...

– Это тоже хорошо, Светусвет, что есть планы.

– Кстати, у тебя какие планы на завтра?

– Жить... Как всегда. Не сильно задумываться...

– А маковая булочка присутствует в планах?

– Я сто лет не ела булочек. Почему-то.

- Давай встретимся завтра утром, угощу...
- С удовольствием! А я тогда принесу свои любимые овсяные печенья с семечками.
- Договорились.

27

- Странное в этом году лето. Дождливое.
- По-моему, это связано с отсутствием Мирумир...
- Не исключено. Мы-то знаем, какой Стамбул чувствительный.
- Босфор тоже. Оба тяжело переносят разлуку.
- Да... Перед каждым отъездом моей половинки льет дождь. Чудеса... Он говорит, что дождь с ним с детства. Сопровождает по жизни... А я вот недолюбливаю грустную погоду...
- По-моему, если бы вы оба любили дождь, то не сошлись бы. Притяжение в любви основано на противоположностях...
- Да, я не могу без солнца. И серое небо на меня плохо влияет. Пусть на земле лежит снег, пусть ноги мокнут в лужах, неважно. Главное, чтобы над головой было ясно. Тучи угнетают...
- Поэтому ты такая грустная в последние дни?
- Отчасти. С одной стороны, его отъезд, с другой – непрекращающиеся дожди. Одно за другое... Не выношу разлуку. Заболеваю...
- Не думаю, что кто-то ее легко переживает...
- И не говори...

* * *

- Где-то вычитал, что болезненной реакцией на расставание мы демонстрируем героизм в любви. Самим себе, мол, вот на какое сильное чувство способны...
- Чушь редкостная! Могу в чем угодно сомневаться, только не в собственной искренности. Я такая, какая есть. Каннингем вроде писал, что если казаться не тем, кто ты есть на самом деле, можно получить не ту работу, не тех друзей, бог знает что еще. Не свою жизнь... Вот и я так же. Мне важно жить своей жизнью...
- ... и любить своей любовью.
- Понимаешь, я именно так люблю, по-сумасшедшему. По-другому – никак... Это вы, мужчины, более приземленные. Предрасположены к

соблазнам...

– Вот и ты в ту же степь...

– Да-да... А я не права?

– Обобщаешь ты, Зейнеп... Во-первых, есть такие соблазны, что решиться на них тоже требует мужества. Во-вторых, мужчины проще ко многому относятся. Без излишнего драматизма...

– Ах так!

– Что, не так? И в-третьих, не зря говорят, когда мужчина отступает, он просто отступает. Когда женщина отступает, она делает это, чтобы лучше взять разбег... Вы всегда ждете от нас компромисса. Чаще всего мы уступаем. Опять-таки от большой любви к вам, а не...

– ...во имя оправдания своих грешков... Да-да, не смейся...

– С Тельцами спорить бесполезно!

– И еще, Светусвет, ты кое-что забыл отметить. Мы, женщины, можем отступать, разбегаться, наступать, отступать... В любом случае, всё ради вас!

* * *

– Тебя слушаешь, так женщины самые самоотверженные создания.

– Так и есть! Куда бы мы ни пошли, все дороги обратно опять-таки будем искать мы...

– ... А ты заметила, небо сегодня похоже на море?

– Действительно... И облака словно пена волн... Лето...

– Оно самое...

– Наконец проявило себя, прогнало дожди... Не люблю я, когда небо плачет. Пусть лучше улыбается.

– Пусть...

* * *

– Я сегодня долго смотрел на полную луну и разглядел ее улыбку. Так непривычно. Обычно луна хмурая, неприступная...

– Светусвет, а ты не думаешь, что мы видим то, что хотим видеть?

– Не исключено... Вообще, трудно выжать смех из серых дней...

– А смеяться необязательно. Просто улыбнись. Хотя бы про себя. Тоже победа...

– Меня злит подобный подход к человеческим состояниям. Неужели все дни должны быть расписаны победами? Поражения тоже полезны...

– Я и не говорила, что всегда нужны победы. Понимаешь, жизнь сама подкидывает нам поражения. Обстоятельствами. А вот с победами гораздо сложнее. Здесь уже все зависит сугубо от нас... Поэтому важно суметь улыбнуться даже после того, как умудрился искупаться в собственных слезах...

– Права ты, Зейнеп...

28

...Наши мысли – действительно начало наших поступков. Вчера назло грусти дал себе установку на счастье, уже сегодня есть результаты. С утра взглянул в зеркало – глаза больше не цвета битого хрусталя. Вернулся прежний живой блеск.

Понравилась собственная свежесть, проглядывающая сквозь заросли минувшей неухоженности. Я снова тот самый парень, которому хочется шептать на ухо: «Ты мой хороший». Не самолюбование. Скорее, желание вытянуть себя из чертового здания-опустошителя с пыльными окнами. Спасаясь...

Подумалось, что не такой уж я плохой, к тому же хорошо трахаюсь. Мужчины оправдывают сердечные поражения физическими победами – один из неоспоримых фактов. Побрил лицо, подмышки, подстриг волосы на лобке, хорошенько почистил зубы, рассмотрел язык, надел рубашку цвета ранней весны и пошел туда, где меня заждались.

Работа встретила работой. Быстро влился в поток. Сначала шеф хмурился, злился, но спустя час остыл, похлопал по плечу и между словом отметил, что «прогулы будут вычтены из зарплаты». Наплевать. Теперь я должен отвлечься...

В обеденный перерыв захотелось секса. Точнее, жесткого траха вне постели. Мое желание совпало с желанием ассистентки финансового директора. У нас когда-то был роман. Странный, чуть глупый, но плодотворный на секс... Мы выпили кофе из мягкотелых пластиковых стаканчиков, скрылись в женском туалете. Быстрое совокупление в

кабинке с незапертой дверью. Оторвавшиеся пуговицы на кафельном полу, проникновенный минет, ритмичные хрипы. Правда жизни. Я совсем не скотина...

Снова жизнь. Снова распускаю соцветия хлопка по серому асфальту и покупаю в магазинах не очень нужные вещи. Сумка с черно-белым принтом Джона Леннона, привезенная из анархистского Камден-тауна^[71]. Малиновые плавки с рисунком пухлых губок на заднице. Десяток белых маек «wife beaters», которые, по словам Мирумид, в России называют «майками-алкоголичками».

Прохожу мимо отдела женской обуви, замечаю стильные резиновые сапоги с рыжим орнаментом из кленовых листьев. Ее размер есть. Покупаю, не задумываясь...

Прибранная квартира и запоминающееся мгновение настоящего. Тихо журчащий телевизор, перламутровый отсвет в темной комнате. Диван полностью поглотил меня, холодный «Эфес», один вопрос в голове: «Нужно ли мне это?»

...Мятный глоток нового дня, курю на бегу, церемонные танцы на эскалаторах и сонные фонари, гаснущие при моем приближении. Крест отчаяния в итоге послужил мостом через пропасть. Я снова рисую веру, окуная пальцы в краски будней. Появился аппетит к жизни, рассосалась боль ожидания.

По задворкам сознания мечутся шальным ветром слова русской поэтессы, которые Миру-мир любила цитировать. «Я бы хотела жить с Вами в маленьком городе, где вечные сумерки и вечные колокола...» Она никогда не называла Стамбул большим. «Там, где встречаешь любовь, пространство сжимается до сердца одного человека...»

Выхожу с работы, иду домой нашими путями. Под ногами больше не шелестит грусть. Теперь я не вспоминаю Мирумид. Теперь о ней просто думаю. Так, будто она где-то близко. Осталось пройти еще чуть-чуть, добраться до квартиры, постучаться в дверь, которую отперет она. А если я ее не застану, значит, скоро будет, о чем сообщит ее записка на холодильнике под султаном-магниткой. Мирумид редко пишет прямым текстом. Разгадка в словах из любимых песен...

Хочется попасть к ней в Москву и оставить на ее холодильнике такое послание: «Love reminds you that nothing else matters...»^[72]

Ни одно страдание не вечно. Человек способен пережить любую боль, которая со временем умиротворяется, становится хронической. А хроники, как известно, уходят в прошлое, оставляя после себя пустоту в настоящем. Но и она, по мере наступления будущего, непременно заполнится...

Не так давно наша с Мирумир жизнь легко делилась на классики, в которые мы всегда скакали в обнимку. Теперь каждый из нас играет отдельно. Временно. Воссоединение не за горами...

Скоро будем снова гадать по слезам на ветру, целоваться в гуще переулков, колоть надеждами сахар будущего, беситься под аббовскую «Gimme! Gimme! Gimme!», прятать улыбки во французском коньяке, натягивать струны страсти, чтобы потом безжалостно бить по ним, извлекая жгучие напевы. Все будет. Скоро...

29

...Звезды зажигаются в вечернем мейк-апе на сливовом небе, холодильник набит деликатесами, статусы invisible сменены на online, светлячки передвигаются в такт «honey-honey, how you thrill me, a-ha», молчание беспроводных сетей нарушено, абрикосовое пирожное на тарелке воодушевляющего цвета и удивительное желание жить наизнанку...

«Никогда не буду включать для тебя подогрев сидений. Потому что я буду рядом. Всегда...» Пишу эсэмэс на турецкий мобильный номер Мирумир, хоть и знаю, что он находится вне зоны наших отношений. То ли в шутку, то ли всерьез она говорила, что «в Москве такой недостаток человеческого тепла, что некоторые компенсируют его автомобильным подогревом»...

Именно сегодня как никогда раньше верю в приближение дня ее возвращения. Это будет особенный день, почти праздник. День, когда перестану беречь особенные слова и снова прижмусь губами к виску Мирумир. День, когда заберу ее туда, где круглый год едят сочные

желтые груши, гадают по проезжающим поездам, показывают «Доктора Хауса» все дни недели, подрисовывают усы героям уличных афиш и упиваются друг другом до невозможности...

Я не думаю, что наша лав-стори необычна: таких сюжетов в мире достаточно. Но я горжусь нашей верой, которой не хватает многим, если не всем. Сегодня эта самая вера столкнулась с моим отчаянием, вызвала его на дуэль, сразила одним выстрелом... Внутри меня растекается невероятное тепло – хочу сохранить его в себе надолго. У меня получится. Ты ведь рядом. Почти рядом. Осталось чуть-чуть.

* * *

...Коварный туман кутает дороги, вопросы перестали царапать голосовые связки, рубиновое сердце отгорело, горизонт нацепил оранжевые линзы, кофе с манговым ликером – знак хорошего, пополняю рецепты нескучных ночей, губы в шоколадных кляксах, и я уже не топчусь на месте в ожидании мгновения, когда жизнь определится со своим направлением.

Больше не трепещу бабочкой в руках невзгод, хотя и продолжаю скептически относиться к тотальной моде на позитив. «Ты должен гордиться любым своим состоянием. Ты должен разучиться следить за уровнем счастья...» – слова бабушки всплывают в памяти сами собой. Должен, я должен...

Бабушка моя прислушивалась исключительно к сердцу, отлично владела французским, любила повторять слова Ив Сен-Лорана, что «лучшая одежда для женщины – это объятия любящего мужчины»... Бабуль, я победил тоску благодаря твоей вере, которую ты с детства вкладывала в меня каждым словом своей колыбельной...

Моя кожа неприлично белая посреди лета. Нужно исправлять ситуацию. Съезжу в Кушадасы^[73]. Стопка цветастых маек, верные очки-авиаторы, крем для загара, рыжее полотенце, прошлогодние плавки. Уезжаю не затем, чтобы убедиться в возможности жизни without you. Мне самому необходимо обновиться, удалить cookie, разогнаться до взлёта, покинуть время нарушенных параллелей, чтобы восстановить баланс реальности...

Закончилось ожидание настоящего лета. Оно наступило. С приходом нового дня. «Не надо ждать природу. Попробуй сам перекроить зиму в лето, холода в тепло, а тучи в облака. Только не смей жаловаться на отсутствие ярких красок. Все они – на палитре жизни». Бабушкина мудрость... Все-таки я изначально знал, что все пройдет. Просто не хватало смелости поверить в это. «Все равно придет счастье. Как бы долго оно не заставляло себя ждать...» Зейнеп, спасибо!..

30

...Бессонницу приветствую во всеоружии, в рабочем кресле, растворимый кофе из заляпанной кружки, несвежие носки, крошки сырного пирога в щелях клавиатуры, разухабисто вру комплименты в адрес тусовщиц из ночных чатов, недочитанный Паланик, неудобные трусы с тугой резинкой, непрерывная эрекция и саркастический анализ собственных базисных потребностей...

Всё-таки мужики – жутко переменчивый народ. Утром можем рассыпаться в любовных признаниях, вечером нежиться в домашнем уюте, а ночью задумываться о групповухе с незнакомыми. Незнакомые – это те, которых любишь ниже пояса. Родные – это значительно выше, возвышеннее...

Не надо списывать мужскую всеядность на порочность. Если пишем любимой на тот конец планеты: «Мне бы выпасть снегом в твоём городе, лишь бы быть с тобой...», это не пустые слова. Мужчины верят в то, что говорят-пишут, но не хотят верить в то, что слышат...

У мужчин не бывает ощущения, что всё уже прожито-пройдено, и от фразы «gonna miss you» у нас редко ноет сердце. Мы умудряемся верить в бесконечность побед, пусть и маленьких. И вера эта скрыта в дебрях непробиваемого эгоизма, уверенности в том, что женщины-то просто устроены иначе...

Да, я люблю! Я готов разбиться о край ее сердца. Но мне (нам) трудно не думать о возможности попробовать все изыски страсти.

Женщины чаще присматриваются, чем пробуют. Вот главное отличие! Однако – «общество прощает преступника, но не мечтателя»...

Моя душа – это другое, тогда как организм функционирует на автопилоте. Безумно заводит Эммануэль Беар, сексапильная чертовка, и губы такие манящие. Ее мне легче представить сверху, чем Белуччи, женщину мрачно-могущественной красоты. О, женственность! Мужчины до сих пор ждут только ее, и не говорите мне о моде на силиконовых фиф...

Сворачиваю окна Интернета, переключаю внимание. Десять шагов до открытого окна, чтобы подумать за сигаретой. Не об Эммануэль. А о том, что мне удивительно хорошо, несмотря на бестолковость последних дней. Расхотелось комкать воспоминания о лучших днях, швырять их в мусорное ведро. Расхотелось склеивать настоящее из прошлого. Теперь только вперед...

А что говорила Мирумид? «Для счастья не нужно покупать угги, заматывать волосы в смешную пирамиду или жить в декадансе с надеждой на хеппи-энд... Достаточно знать вкус поцелуев любимого человека и встречать синие вечера на балконе, в обнимку». Все философии жизни упрутся в любовь. Спору нет...

* * *

...Загорелая физиономия довольного Стамбула, опять +35, нытье заморенных кондиционеров, ее фотография светится в окошке черного портмоне, бесконечная переписка с самим собой в папке «Черновики», обрывки цветущего неба в офисных окнах, многоточия в завершение очередной пятницы, и я больше не передвигаюсь по компасу чужих советов...

Смотрю последнюю серию «Друзей» и понимаю, что продолжения не последует. Компенсирую легкую грусть, воображая отдых на пляже.

Внутри становится приятно прохладно. Вижу, как мы с Мирумид лежим на песочном ковре, соприкасаемся макушками в умиротворенном молчании, периодически утоляя жажду смачными поцелуями...

Вот ты читаешь какую-то толстенную книгу, вытряхивая песок, притаившийся между ее страниц. Мимо нас пробегает озорной мальчишка в красных шортах, за ним гонится золотистый кокер с промокшими ушами. Мы жмуримся от счастья в его апогее, наслаждаемся погодой. Думы о рутине улетают так далеко-далеко, что не верится в их существование вообще...

Вот мы после пляжа, утомленные и разгоряченные, возвращаемся в прохладное бунгало. Бросаемся на кровать, распластав руки, скидываем сланцы, они дружно плюхаются на деревянный пол. Вот она, настоящая легкость бытия. Нет необходимости поминать «cheers!» перед каждым снимком...

Все чуточку странно. Нет, don't worry, состояние больного стабильное. Просто в моей голове снова лихорадочно заметались сомнения. Сказывается жизнь в работе. Пора возвращаться домой. Надеть любимую горчичную майку, вырваться из этого круга на минуточку, заварить апельсиновый чай, приготовить что-нибудь легкое, перепеть с надрывом «Never, never gonna give you up» и сказать себе голосом, вдруг севшим: «Невероятно, но факт!»

Факт. Кто обвинит меня в идиотской бессвязности, будет прав. Мысли хаотические, желания наперебой. Не могу контролировать ни те, ни другие – все равно просочатся в слова, взгляды, решения. Вряд ли я когда-нибудь научусь улыбаться американской улыбкой неиссякаемого не то оптимизма, не то здорового цинизма. Держать себя в руках. Держаться правил.

Я буду вечно переживать из-за ерунды, забывать бриться, забывать пользоваться презервативами, злиться на закрывающую скобку луны над головой, рисовать вопросы на пыльных поверхностях, изобретать все новые ругательные эпитеты в бесконечных пробках, искать понимания, носить куртки Salvatore Ferragamo, предвзято относиться к собаконенавистникам. Такой я. Женщины, не пытайтесь переделать мужчин...

...Мысли-спагеттины под густым соусом надежды, выкладка в чувствах на 150 процентов, экскурсия на крыше дома с обходом стоек антенн, радость стоит благодарности, лето бронзовеет all around, отсутствие угрызений совести, не думаю о низком свысока, скромно улыбаюсь солнцу, нахожусь в придуманном сентябре и понимаю, что все не так просто...

Что-то изменилось, это стало заметно по диаграмме повседневности. Острота восприятия снизилась настолько, что я все чаще поражаюсь собственному пофигизму. Нет, я не разучился присматриваться, прислушиваться, вникать, увлекаться. Просто то, что вчера уничтожало, сегодня оставляет лишь царапины. Мобильный заходится в беззвучном режиме, все вопросы сжаты в zip, я чищу зубы с закрытыми глазами, смотрю фильмы с субтитрами, небо – чистый лист. Послышались шаги спешащего счастья. «Тук-тук, girebilirmiyim? [74]» – «Будь же, наконец, как дома!»... Нет, только слышалось.

Прохаживаюсь по базару с пустыми руками, которые, к слову говоря, задумал расписать хной. Помидоры, баклажаны, перцы, дыни, вишни, нектарины еще более прекрасны в лучах утреннего солнца, заглядывающего в дукканы [75] сквозь тряпичные навесы. Болтливые торговцы зазывают к лавкам, обещая несусветные скидки. Прохожу мимо, пробегая взглядом по фруктово-овощным пирамидам. Смешно, но в таком окружении не чувствуешь себя брошенным, забытым, обделенным...

В одиночестве не обязательно страдать, хороня окурки в лужах дождя или развеивая пепел над предательски цветущими садами. Достаточно сходить туда, где пухлощекие томаты улыбаются прохожим, а в отполированных до блеска баклажанах можно увидеть свое отражение. Мне уже лучше...

На выходе из базара останавливаюсь у лотка с прессой. В самом центре глянец с громким заголовком на обложке: «Счастье есть!» Актуально. Покупаю. Открываю нужную страницу. Глазами по

строчкам. Автор колонки молодой, но, кажется, не глупый автор. Его слова попали по адресу.

«...Дорогой жизни мы ищем настоящее счастье, пытаемся понять, в чем же оно заключается. В душевном спокойствии? В материальных благах? В секундной вспышке или в одном прикосновении любимого человека? Зачастую люди усложняют простое. Ищут смысл там, где его искать не нужно. Думают над тем, что давно следовало бы решить... На самом деле не нужно рассуждать на тему счастья. У каждого оно свое. Самое главное то, что оно есть! Нужно только шире распахнуть глаза...»

Снимаю солнечные очки. Хороню творение Джейкобса в ближайшей урне. Я вижу свое счастье, но отныне хочу видеть его яснее. Никаких преград...

* * *

...Новый старт жизни, режутся последние зубы, божья коровка под подушкой, вижу полярные сны, бирюзовые мелки в кармашке рюкзака, предвзятости утоплены в красном вине, прокуренные волосы, смешинки повисли в уголках рта, строю башни из любимых DVD, вечер дома в компании Джима Кэрри и Кейт Уинслет и бурные слезы над «Вечным сиянием чистого разума».

Сначала влюбился в нее, следом – в ее любимый фильм. Когда-то у Мирумид тоже были красные волосы, ник Clementine, оранжевый свитер. Она тоже говорила: «Я как раскрытая книга – рассказываю тебе все самое сокровенное» и называла себя «измученной жизнью девушкой, ищущей умиротворения».

Когда-то она тоже просила «всего одно воспоминание», угостить ее жареным цыпленком. Ей бы подошла майка с надписью «You can erase someone from your mind. Getting them out of your heart is another story»^[76]. Когда-то меня тоже неожиданно потянуло к ней, и, помню, тогда я подумал: «Надо же, как странно... Человек стоит спиной, а меня к нему тянет»...

Мы пересматривали «отражение наших чувств» вместе, пока не закончилась весна. Да и сейчас мой унылый разум мимолетной

вспышкой рождает надежду на то, что грядущей зимой мы будем в обнимку лежать на заледеневшем озере и угадывать созвездия на ночном небе...

Остановив фильм на заключительном эпизоде, размышляю о нашем с Мирумир времени. Все-таки мы сошлись в едином порыве сумасшествия. Только отдавшись безумству, мы увидели нарастание чувства, переросшего в любовь. Все очень быстро: на старт, внимание, марш! Спонтанность – частичка вечного. Мы не включали дальний или галогены. Just move ahead (только вперед!), разрушая бетонные тупики, выпрямляя кольцевые дороги...

Она часто злилась на мир, к которому надолго привязана. Злилась и плевалась «отчаянной пошлостью»: «Знаешь, Светусвет, чем отличается хуй от жизни? Жизнь жестче». Я часто жаловался на быстротечность волшебства, после чего останавливался на риторическом: «Что поделать?» Она мигом отвечала: «Наслаждаться моментом».

Пусть мы ругали жизнь, но никогда не решились бы оборвать ее на самом интересном месте. Движение до победного конца. Не экономим пленку, но и не возражаем против первоклассного монтажа. Ну, чтобы детям было не стыдно показывать...

Теперь все по-другому. Режиссер сменился, правда, актеры прежние. Я надеюсь на продолжение. Я надеюсь на хеппи-энд. «Не переключайте канал, оставайтесь с нами». Если жизнь посылает кислые лимоны, строй лимонадный завод и богатей!

32

...Разбитая пиала со слоганом «let's talk about love», пониженная чувствительность зубов, захлебываюсь самым собой, полные горсти ожиданий, красота Аллаха видна сквозь ресницы рассвета, разноцветными ручками по ежедневнику, неумело храню боль, радуюсь отсутствию финишной ленты, свободу променяю только на тебя. Остановите землю на повороте, я решил сойти...

Похоже на симптомы повторного заражения вирусом безнадеги. Повседневная усталость, сгустившаяся к исходу рабочей недели. Оповещаю шефа о своем намерении съездить в Кушадасы, получаю в ответ многоэтажную брань. «Ты только вернулся и опять решил умотать? Я бы с тобой не сюсюкался, если бы не твой талант... Возьми себя в руки!» Задумываюсь над последним пожеланием, выхожу из кабинета директора, не закрыв за собою дверь...

В туалете ополаскиваю лицо холодной водой, досталось и зеркалу. Прострация распространяется! Я не могу взять себя в руки – не вмещаюсь. Слишком большой стала моя тень, которая в одиночестве размывается лужей, в любви – сливается с очертанием половинки. Единственное право человека, которое нельзя отнять, это любить. Сердце не подлежит переустановке...

Преодолеваю, осиливаю вечерние улицы Стамбула. Странные впечатления от маленьких открытий. Оказывается, от офиса до моего дома 56 минут ходьбы. Оказывается, здание районного ЗАГСа перекрасили в цвет страсти – алый. Оказывается, болтливый торговец Шевкет-бей закрыл свой продуктовый магазинчик на нашей улице, уехал жить в Баку, где, по словам соседки Неджлы, женился на богатой вдове-азербайджанке.

Страна, город, улицы по-прежнему живут в диком ритме, тогда как я выпал из кэжуала.

Смотрю на часы, вроде идут. А я почему не осязаю времени?.. Секунда как час. День как неделя. Неделя как месяц. Сбились счетчики. Трудности с реальностью. А если перевернуть жизнь с ног на голову; что-нибудь изменится?..

Мысленной почтой посылаю ей силы. Силы доехать до нужной точки и развернуться назад. «Женщина слабее всего, когда любит, и сильнее всего – когда любима». Надеюсь, это правда. Люблю. Будь уверена...

* * *

...Стенающие билборды, мечтаю о паре теплых носков, заблокированные банкоматы, шоколадно-ореховые конфеты, в машине

без дверей по беспрепятственным дорогам, пачка светящихся Contex нашлась под матрасом, меньше – значит лучше, и сны с тобою в главной роли. Ты не играла, детка, ты проживала.

Когда ты была рядом, мне хотелось съесть тебя. Не прожевывая, не смакуя, не наслаждаясь вкусом. Проглотить, быстрее запрягать в себе. Я не понимал, что тогда больше не смогу целовать твою грудь, играть пальцами в твоих локонах, покусывать твою нижнюю губу в игре поцелуев. Возможность потерять тебя, физическую, настоящую, меня совсем не беспокоила. Важнее всего было спрятать мою сумасбродную девочку в надежном сейфе, в собственных потрохах, чтобы никто не смог достать ее. Невозможно наесться любовью. Какой же я дурак...

Проснулся в волнении. Не открывая глаз, заглянул в себя. Тебя во мне не было. Почти не было. Лишь душа, проникнутая слезами Мирумир, грустила на обрыве сердца. Смотри, не столкни ее в пропасть! Только не ты, слышишь, не ты, должна разочаровать меня в любви. Пусть это сделает любая другая, только не ты. Ты слишком для меня болезненная...

Если ты пока живешь во мне, то закрой глаза, раскрой ладони и спой со мной песню южного ветра. Задушим петлей галстука гром потерь. Если ты не веришь в победу, то уходи. Уходи, но не бросай. Можешь забрать воду, воздух, уничтожить толковые словари, чтобы не осталось ни одного смысла, отменить пластилиновое перерождение, разбить планы вдребезги, развеять признания по безвозвратному ветру. Что угодно, только не бросай.

Это не мольба. Это не попытка удержать. Это моя последняя просьба на излёте любви. Просто уйди, если хочешь уйти... Я выживу. Знай, зай! Напыюсь, уценюсь, растреплюсь, но не застрелюсь. У меня не хватит смелости покинуть мир, где живешь ты. Буду жить полумертвым, но жить.

Каждый вдох – победа над собою. Не такие уж мы трусишки, как думаем про себя... Только воротись, my very sweet baby...

...Спать-спать-спать, ночной город в покрывале огней, away with words, до слез пахнет осенью, майка с признанием «somebody distracts me» ^[77], у тоски обожженные края, живу за двоих, занавески – алые паруса, упущение в каждой окурке, зависимость настроения от устройства, и время злиться на себя из-за того, что я трачу время впустую. Страданиями нельзя оправдывать дни. Страдания пригодны исключительно для преодоления...

Я не хочу слышать правды-дамбы, мудрости-заумности. Ощущение в унисон строчке из «Завтрака у Тиффани»: «Мы безымянные бродяги, у нас никого нет, и друг другу мы никто». Это не всегда было так. Было время, когда я не мог спать по ночам от переполняющего меня беспричинного счастья. Часами лежал в радостной бессоннице, улыбаясь белому потолку. И не думайте, что я затрудняюсь вспомнить, когда это было. Слишком недавно случилось, чтобы умудриться забыть...

Не хватаюсь за соломинку. Научился смотреть в глаза реальности. Не путать пессимизм с реализмом – не одно и то же. Верю в неистребимость внутренней силы. Так было всегда. Я заболел, болел, разрушался, но верил в приближение дня выписки. Так и случалось. Я падал, разбивал носы-губы-коленки, захлебывался кровью, но верил в скорейшее возрождение. Так и случалось. Веру невозможно отключить. Многие в пору уныния отказываются от нее. Но, даже отказываясь от веры, они верят, что вернуть веру возможно всегда...

Переключаю каналы, взбесившаяся изжога, воспоминания вторгаются в голову, и я понимаю, что одной моей любви хватило бы нам двоим с головою. Выхватываю эту мысль и моментально запечатываю признание на дне чувств. Невозможно догнать счастье на той гигантской черепахе, которая его покоит...

С гармоничными мыслями незаметно засыпаю. Кажется, я наконец-то возвращаюсь в себя после двухмесячной размолвки. Так необычно чувствовать себя птицей Феникс. Значит, завтра с утра я снова буду надувать шары, а потом размякать в гениальном live

Катамадзе, дергать душевные ниточки, гордиться иррациональными поступками, сбывать жизни материальные желания, скороговорить с попутным ветром, читать на ночь Бэнкса, носить носки с собачьей вышивкой, заваривать черный пуэр с засахаренным имбирем и просто верить дальше...

...Сальса пузырьков в бутылке кулера, пустое утро за «Hersey dahul»^[78], твой образ светлеет внутри, одиночество под расстегнутыми небесами, неизмеримый мир из неизмеримых человеческих судеб, переизбыток личного пространства, надежда на одну звезду, за чувствами нужен глаз да глаз, очевидность наперевес с грабельной дуростью, и прав Кундера, написавший, что «когда нам становится безразлично, каким нас видит тот, кого мы любим, это значит, мы его уже не любим».

Явственно вижу перед глазами картины Айвазовского, штормит, калякаю прописные истины в ежедневнике. Слова на турецком звучат не так уверенно, как на русском. В русском языке больше экспрессии. Пробую по-разному.

«Simdi uzagim... Ama bellimi olur... Belki demli bir gay kokusuyla gelirim, belki yagmur olur yagarim sehrine, belkide ruzgarla duserim online... Sen yeter ki bekle!»^[79]

«Hic bir zaman gulumsemekten vazgegme, uzgun oldugunda bile! Gulumsemene kimin, ne zaman asik olacagini bilemezsin...»^[80]

«"Bitti" diye uzulme, „yasandi“ diye sevin...”»^[81]

Перечитываю написанное. Какой же я дурак! Зная ответы на вопросы, продолжаю задаваться ими. Может, нам необходимо задаваться вопросами, чтобы в конце концов услышать самих себя?.. Люблю ее, и точка. Уясняю главную истину и запрещаю себе думать об изнанке тоски. Всё, хватит!

Откладываю диск Сезен Аксу^[82] до сезона зеленых мандаринов, прогоняю, как говорит Мирумир, «интровертный настрой», надеваю белые шорты в оранжевых кляксах, выбираю веселую мелодию на мобильном, заигрываю с бодрым утренним солнцем, растворяю в

теплом чае побольше рафинада, вступаю на дорожку преодолимых желаний. Отныне пусть мне будет больно только от смеха. Отныне буду тонуть только в весенних облаках. Эй, грусть, отныне не смей просить меня закрыть шторы...

Перелистываю записи моего интернет-дневника, который два месяца назад зарегистрировал just for fun. Не собирался ничего писать. И как же хорошо, что все сложилось иначе. Теперь у меня есть своя маленькая история о жизни наперекор отчаянию. Сейчас я верю, что весь мир у меня в кармане, и всё непременно будет по-моему. Напрасные иллюзии? Проснувшийся эгоизм? Жалкая напыщенность? Для кого как. Я выбираю счастье. Грусть и без того представлена в жизни в широком ассортименте...

Совсем скоро будет море. Кушадасы. Вопреки всему. Я буду погружаться ранними утрами в голубую бездну, плавать с открытыми глазами. А сонные медузы будут хмуриться, возмущенно отплывать от меня. «Сам выспался, а нам не даешь!» Лето – пора не для сна...

34

...Больше не чувствую мишени на спине, тайком фотографирую обувь сидящих рядом, гашу маяки ожиданий, греюсь на расстоянии твоим теплом, жмурюсь от душевной легкости, не собираю осколки, сжимаю выводы в кулаке, покидаю латентную реальность, дни на обратной перемотке, впускаю в гости луну (мы с ней помирились) и убеждаюсь в том, что самая сильная любовь – та, которая не боится проявить слабость.

Я преодолел тоску обвинения, непонимания, битья посуды, мне почти удалось заполнить ту самую пустоту, которая образуется в каждом человеке после первого (как правило, самого незначительного) удара судьбы. Она растет, расширяется вместе с нами. По мере увеличения количества выплаканных слез. Пустота – самый стойкий личный враг внутри себя. Победившие его вступают на самый светлый путь, с их лиц стираются следы печали, они танцуют фламенко, они никогда не садятся в ванну со стороны слива, они познают рай еще до

смерти. Теперь я снова со сладкой истомой предвкушаю тебя заново. Без болевых ощущений...

Согласен с уже дочитанным Палаником, «у каждого в жизни есть кто-то, кто никогда тебя не отпустит, и кто-то, кого никогда не отпустишь ты». Действительно, ни один фильм, роман, песня не появляются в нашей жизни случайно. У любого, пусть даже крошечного, события есть свое предназначение. В отчуждающем стиле Паланика найти те самые нужные слова – почти чудо...

Внутренний барометр окончательно переходит с состояния «sos!» на состояние «ясно, солнечно». Ни о чем не жалею. Ни о попытках самоуничтожения, ни о резких словах, ни о спасительных иллюзиях, ни о брошенных камнях, ни о запущенных стремлениях, ни о беспокойных ночах. Мирумиде на вопрос о сожалениях отвечала словами какого-то японца: «Видимо, это неизбежно: человек, думающий только о прекрасном, не может не погрузиться в бездну горчайших раздумий. Так уж, очевидно, устроен человек...»

Я люблю ум Мирумиде. Всегда восхищался им, а она смущенно объясняла: «Хоть у меня и много дури в голове, иногда вырываются неплохие фразы. Правда, как правило, большинство из них кто-то сказал прежде...»

И так бы она и продолжала пояснять суть своей «великой ничтожности», если бы я не пресек ее цитированием не японских мудрецов, а... пяти заповедей из мультфильма «Кунг-фу Панда»: «Живи настоящим. От судьбы не убежишь. На все есть причина. Наша страсть дает нам силы. Вначале ты можешь быть самым неперспективным».

Сейчас я понимаю, что мы с ней сформировали собственную философию, объясняющую нас двоих. А пока я закрываю глаза. Когда их открою, она будет рядом. Протест отклонен...

* * *

...Запаковываю горы необходимого в чемоданы, бегаю по квартире мокроголовый, выбираю плавки, завтра откладываю на послезавтра, повсюду листопад из карамельных фантиков – за сладкую жизнь(!),

отстраняюсь от сигарет, пью японское вино из зеленых слив, в холодильнике лимонный кризис, я хочу подплыть к тебе ближе, придумываю новый мир, начиная с кухни, а где еще возможен лондонский дождь? И прав тот, кто сказал: «Вы не можете ничего поделаться с длиной вашей жизни, но вы можете сделать что-нибудь с ее шириной и глубиной».

С щетиной на лице и зимней бледностью я уезжаю туда, откуда буду учиться смотреть на все проще. Мне это нужно, ну, как минимум для того, чтобы не утонуть в Эгейском море... Лето должно бы втащить прогнать меня. За свинское отношение. Я нахожусь в июне, но полон осенью. Неуважение к хозяевам дома. Не отдаю нынешнему солнцу должного. Прячусь под кепкой, не снимаю очков, укрываюсь за шторами, дышу самсунговским микроклиматом.

Да, мне безумно хочется ноября. Чтобы +10, пальто цвета aubergine, яркий шарф, горячий кофе под редким дождем, книга Хёга под мышкой, сигареты для обогрева без счета, Keiko Matsui в наушниках, тепло-колющие носки и желание быстрее бежать домой, где маленькая кухня с бегониями на подоконнике, верный пес с внимательным взглядом и любимый плед в оранжевую клетку. Спешись домой с мыслью, что где-то там, на другой ветке метрополитена, едет сейчас и она, также думая о тебе. И ты уже почти бежишь, перепрыгивая через лужи, чтобы к ее приходу успеть поставить чайник...

Когда же я снова начну уживаться с реальностью? В конце концов, все мы по жизни пишем повесть без названия. И у каждого из нас действие происходит в определенной поре. В моей реальности живет мой мир, который, как у Набокова, стал таким «пленительно важным, вольным и воздушным», что сейчас мне уже «тесно дышать прахом нарисованной жизни». Болен ли я побегом от действительности или это временное явление, так сказать, инстинкт самосохранения?..

Нуждаюсь в этой поездке. Всё оставляю здесь, в Стамбуле. Забираю с собой – материальное. Прошло время, когда я писал то, что не мог сказать самому себе. «Нет ничего проще, чем, стоя на месте, пережевывать жвачку прошлого. И аргументировать это тем, что,

дескать, анализирую, набираюсь опыта... Паршивый самообман и элементарная трусость... Надо сделать не один шаг вперед, а сколько потребуется. Спросишь, во имя чего, кого? Самого себя, прежде всего. Мы нужны самим себе...»

И почему только сейчас я вспомнил твои слова?.. Вылет завтра утром.

Часть IV. ВОПРЕКИ

Иметь право думать что хочешь, думать дурно или вообще почти не думать, право жить, как тебе нравится, быть такой, как тебе нравится. Не могу сказать «быть самой собой», потому что я всего только податливая глина, но иметь право отвергать навязанную тебе форму...

Франсуаза Саган

1

...Я вернулась.

В город, где лето носит дожdevик. В город неподдельный, откровенный. Порой суровый...

Он остался там. Она оказалась здесь.

Стамбул и Москва – даже по грамматическому роду мужчина и женщина. Такие разные...

Они любили или любят друг друга?..

Прогодала. В Москве оказалось еще холоднее, чем я предполагала.

Лето здесь пока лишь по календарю.

Москва. Мои детство, юность, молодость.

Здесь нет необходимости смотреть на воспоминания сквозь увеличительное стекло.

Всё как на ладони.

Здесь прошлое в самом воздухе. Стоит сделать вдох, и картинки начнут вырисовываться перед глазами.

Как сложно здесь думать о будущем...

Город, где наслаждаются сейчас.

Ах, влюбилась? Ну и прекрасно. Люби, но только сегодня, без перспективы, без планов на завтра.

Ах, купила, наконец, малиновую блузу от Jil Sander? Великолепно. Надень быстрее, носи назло подругам-конкуренткам, но и не думай оставлять ее на следующий сезон.

Ах, появилась возможность убраться отсюда? Неплохо. Уезжай, но помни: ты все равно вернешься. Moscow never dies... Москва в твоём сердце неистребима.

Да, это город нового реализма – цинизма. И не верти головой, малышка. Разбитое сердце – часть нашего дресс-кода...

Бесполезно исписывать именем любимого заборы – в попытке приблизиться к нему. Здесь давно не верят во взаимность чувств. Но здесь еще не разучились любить...

Я совсем никак не чувствую себя. Все вроде привычно и одновременно незнакомо. Нет, это не Москва изменилась за одну весну. Я изменилась.

...Те, которые долго здесь не были, а потом вернулись, в один голос заявляют, что стали возвышенней. Это мода, наверно, такая: держаться с Москвой на дистанции, посмеиваться над ее ха-моватостью и дороговизной, уплетая при этом безвкусный попкорн в каком-нибудь уж больно правильном уголке Европе. Москву надо уметь понять. Она дама опытная, скупая на проявление чувств. Никак не устанет гримироваться, прятать лицо...

Люблю такую Москву все равно. Да, я убегала. Но не от нее, а от боли, очаг которой до сих пор расположен здесь...

Одна весна и так много последствий.

Я больше не боюсь.

Я больше не рисую мечты.

Я, такая довольная, отважная, стою на пути к их претворению...

Я больше не влюбляюсь в абстрактных героев, которых в моей жизни так и не было, но которых надеялась встретить.

У меня больше нет чувства, будто я уже сильно люблю человека, которого только мне предстоит полюбить.

Так я нашла свой Свет...

Впереди последняя битва.
Заключительный акт постановки худруководителя Прошлого.
Ночь в стили буги должна заканчиваться рассветом, деточка.
Вот я, femme fatale с крестьянской простою косой,
Роковой ребенок Москвы, ее блудная девочка, бледная, ладная,
На подмостках стою. А дальше – что дальше? Хорошо бы
услышать: «Камера! Мотор!»...

2

...Он встретил меня безразличием. Добил.
Никаких эмоций, упреков. Я такого не ожидала.
Ведь не надеялась, что он раскроет объятия и зажжет мое
сердце стыдом. Напротив. Я ждала возмущенной бури.
Ноль. Ничто. Никак. Это к лучшему.
Нет иллюзий, начало свободы. Первый шаг...

«Вернулась? Ну что ж... Ты оденься. Новиков замутил
очередной ресторан, ждет нас там...»

Многое хотелось сказать.

Многое хотелось услышать.

«Не думай. Не думай, и все. А будешь думать – жить не
захочется. Все, кто думает, несчастные». Довлатов рубит
фишку...

Жить я буду в комнате для гостей, не распаковала сумку. Эта
квартира – чужая. Чужих я не трогаю...

Выхожу на балкон после душа. Две пачки турецкого «Кента» и
«Чудесные занятия» Кортасара в руках. Я выкурю здесь эти
сигареты и дочитаю эту книгу. Как только они закончатся, вернусь
в Стамбул.

У меня не так много времени...

Как хотелось бы мне оказаться в нашей кафешке у сердца
Босфора.

Кортасаровски ловко попросить «сахарного песку, и еще раз
сахарного песку, и еще... три-четыре раза... сахарного песку»;
соорудить из него маленькую горку прямо в центре столика...
Скоро, Миру-мир. Потерпи...

Надо сходить на Патриаршие. Там особый мир, отдельный от Москвы. В детстве я любила гулять там осенью. Помню, плакала, когда дворники сгребали в кучи пронзительно желтые листья, жгли их. Жаль было детей осени...

...Хлопнула дверь. Ушел.

Хожу босиком по пустым, идеально прибранным комнатам.

Запах одеколона. Все тот еще Valentino.

Интересно, сменил ли он домработницу? Его верные шпионы повсюду. До моего отъезда была Валя. Изворотливая и костлявая, лет 50, с суетливыми глазами мартышки, почти фиолетовыми волосами. Меня она называла «сукой». За глаза, разумеется. В разговоре по телефону с дочерью, например. Мартышка думала, я спала...

Впрочем, я ее не уволила.

С чего бы? Она – верный сотрудник мужа. Верность надо ценить...

Воспоминания одолели.

В каждой комнате, предмете, детали – события прошлого.

Колющие шерстяные носки, мятный чай в длинной красной кружке, вот и полка с любимыми фильмами, пухлые подушки (я сама расшивала их), формочка для обожжаемого сливового пирога,

даже коллекция шнурков сумасшедших цветов еще здесь, а вот декоративные васильки в крошечной вазе, серебристые рамки с моими черно-белыми фотографиями, засохшие лепестки розы между страницами томика Саган, тюбики вишневой помады в двери холодильника...

Я заберу всё, что помню, с собой. Туда. Здесь не то место...

Время меняет расположение мира в пространстве -

Естественно...

3

...Снова как прежде.

Сменились разве что декорации. Дорожке стали. Роскошь московская наконец перестала граничить с вульгарностью. Я испугана.

Стоило мне вернуться, как я снова превращаюсь в себя прежнюю. Будто очки мои не «Прада», а Правда. Вижу жизнь всё отчетливей, всё приземленнее. Дождь бывает без радуги. Резко, натуралистично...

Вот оно – главное с Востоком различие. Там веришь в сказку. Вопреки разочарованиям. До последнего...

Утрата. Потеря позиций. Оказалось, источник силы моей в Стамбуле. Я слабею, теряю сигнал – вне зоны его покрытия.

Здесь я воюю не только за нашу со Светусветом любовь. Здесь мне еще отвоевывать нужно и себя, нынешнюю, у той, прежней. Чтобы освободиться...

С каждым днем жизнь в Москве обрастает реальностью больше, чем жизнь в Стамбуле. И в этом предупреждающий знак на пути к поражению.

Я должна вернуться в ту жизнь. Она – моя. Для меня. Я говорю за себя, но слышу в себе голоса целого поколения женщин, которые уезжали на Восток именно за счастьем.

Я никогда не говорила и не скажу, что счастья здесь, в России, нет. Оно – есть. Для кого-то, для многих. Только само понятие счастья слишком личное, чтобы можно было его обобщать...

Хожу по городу с полной кредиткой, но с душевным опустошением.

Одна весна для ритма Москвы уж больно много. Почти не узнать. Не всё, но многое. Почти смешно. Многое, но не всё...

За шесть дней я устала от пафоса. Облучена снобизмом...

Невыносимы эти small talk среди ухоженных людей в модных местечках out, в ауте. Хочу надеть обычную байковую пижаму – турецкий текстиль подойдет, развалиться на диване и смотреть самую примитивную на свете комедию, заедая самыми вредными на свете чипсами...

Устала от компании it girls, которым только и дела, что производить сравнительный анализ отдыха в Куршавеле и Аспене или еще искать причину того, зачем красавчик Леша Гарбер отмудохал сына министра в Le Caves...

А я просто хочу к нему, на нашу кухню, где можно говорить о вещах, не теряющих ценности. Или даже о том, что спагетти становятся солнечными, если варить их с куркумой.

Нынче кушают в «Экспедиции» – кто откушал, отправляется в баньку. Или ходят к слепым официантам, пожевать в темноте – чудная мода.

А меня прямо выворачивает от цыпленка терияки, фаланг дальневосточного краба, икры сига – разве это еда? Хочу обедать в забегаловке на Истикляле, где подают простецкую чорбу^[83] из красной чечевицы и почти ватный бараний кебаб...

Я же не богатая капризная сучка, которая, по словам матери, «запала на экзотический хуй».

И я не убегаю от жизни, родины, корней и прочей высокопарной дури. Поэтический лепет.

Я просто хочу быть счастливой. Там. С ним.

У каждого есть это право.

Ведь правда?..

4

...Будто сговорились, долго вынашивали план и вот пустили его в действие.

Мама, муж – в главных ролях.

Остальные – жалкая массовка.

Им бы на сцену театра Royal Shakespeare Theatre. Показать мастерство...

Кстати, в Москве легче легкого играть отчужденность.

Атмосфера располагает...

Они смотрят на меня с такой злостью, будто на мою роль уже давно есть дублерша, а я вот, настоящая, и приехала, и права качаю.

«Ну и что тебе нужно?! Без тебя было лучше...»

Они не говорят со мной о том, о чем я хочу говорить.
Мол, ладно, если уж приехала, живи здесь и дальше...
Я сказала, что хочу вернуться назад. Никакой реакции...
Мама просто живет своей жизнью, и эта жизнь – насквозь светская.

Она окончательно прибрала Сережу к рукам. Теперь у нее есть сын.

Мама, ты умница!
Сережа всегда восхищался тобою.
Выросший без родителей, он мечтал о матери.
Хладнокровной, стальной, чтобы радовалась его победам.
Вы нашли друг друга...
Ты стала матерью моему мужу, но не собственной дочери.
Фу, какой отвратительный пафос! Вслух я такого не произнесу никогда. Прошло время подростковых истерик...

Я все же надеялась получить поддержку со стороны бабушки. А ее больше нет.

С минувшей весной она не захотела расстаться. Пусть они будут вместе, навсегда... Бесслезно прощаюсь...

Ни разу не позволила себе заплакать здесь. Боюсь показаться слабой? Боюсь проиграть свою битву? Мне нужна эта победа.

Понимаю, что мои жертвы никому не нужны. Но я все равно приношу их – не могу иначе.

Вову, не забывай, Москву никакими жертвами не удивишь.
Слишком много судеб, желаний, стремлений уже здесь погибло.
Чаще во имя идеи, не человека...

Здесь не идут к одной конкретной победе. Удерживаться в седле нужно every day. Перехватила сапфиро-бриллиантовое нечто из новой коллекции Bvlgari, отлично!

Сдружилась с Аней Анисимовой, получила расположение ее кокера Нопеу, ты умница!

Попала в High Life русского Vogue, это супер!
Маленькими шагами к большой победе.
В Москоу-сити собрались редкие люди.

Более редкие и капризные, чем первая группа, отрицательный резус.

Здесь душевное состояние упрямо зависит от со\$стояния.

И я тоже из этого мира иду, и я не стесняюсь. Я не исповедуюсь перед собой. Просто прощаюсь.

С той девочкой, которая когда-то была частью меня.

Милая, пора возвращаться в настоящее. Из ненастоящего.

Ты никогда бы не стала славянской подругой агента 007...

Ты никогда бы не стала исповедовать work hard, play hard...

Душу в обмен на туфли Jimmy Choo – не получают, утрутся!

Больше не закрывайте передо мной шторы... Света я не боюсь.

5

...мы уже взобрались на вершину своего треугольника и стоим там в беспокойном ожидании – ожидании дня, когда придется спускаться вниз. Всякий раз, глядя в окно, я боялась, что этот день и есть тот самый, и спрашивала себя, как придется спускаться: по ступенькам, по скользкой ледяной дорожке, цепляясь за выступы, или легко, не оглядываясь назад? А оказалось – кубарем.

Елена Болотова

...Да, я в тоске и сплю на подушке без наволочки. Злюсь на то, как медленно, по глотку, сочится истина.

А может, просто написать эсэмэс: «Светусвет! Забери меня завтра в семь. Насовсем»...

Мою смелость искать нужно где-то в хосписе.

Жутко зла на себя, безнадежную.

Надавать бы пощечин хотя бы той, что в зеркале: «Здравствуй, девушка-дура, как же ты умудрилась все проебать?»

Но и этого не могу.

Боюсь провисающей тишины в ответ...

Я разбита на полюса, как компас в моем кармане.

«Что же, бабу, наложила в штаны? Поздно прятаться в ауле. Пей до дна за свое возвращение сюда...»

*Fuck the world – вот мой статус. Моя программа. Временная...
Только небо осыпается, как известка...*

*Мне бы брусничной водки, требования «соберись, тряпка!»,
порции суши из Michael's, поглощающих поцелуев, мне бы голосом
Нины Симон вздыхать...*

Мне бы хорошего начала отличного конца.

*Просматриваю семейный фотоальбом, беру ножницы, вырезаю
себя из того времени.*

Дура я!

*Привязалась к изображениям прошлого, когда суть лежит на
поверхности.*

*Достаточно стать частью реального пространства, не
отводить взгляда от неба (не смотреть вниз!), вывернуть
лампочки в кладовке страха, закрыть дверь на ключ, проглотить
его и вернуться к тебе.*

*Все так просто. Пишется. На практике – сплошь квадратные
корни...*

Сегодня я достойна не только критики. Есть чем гордиться.

*Вынесла на помойку ту самую одежду из шкафов, сделала
влажную уборку, спустила в унитаз мутную воду. Пальто, шубы,
куртки вмиг растащили. Молодец, Мирумир! Еще немножко, и ты
останешься голой.*

*Ничего страшного. Это плата за новый мир, он стоит еще
дороже.*

*Воротишься в Стамбул и, как говорят, начнешь все с начала.
Прямо сказка...*

Я не привязана. Ни к чему. Кроме тебя...

«Забери меня в семь. Насовсем».

Я совсем здесь чужая.

Понимаю теперь абсолютно.

*Меня спрашивают: «Где ты была?» Я отвечаю: «В Стамбуле».
Разве они рискнут спросить: зачем, для чего, с кем?*

*Бесит эта политкорректность, которая просто в моде, как
стекляшки Стивена Вебстера.*

Я не ищу ничего особенно.
Я не собираюсь никому ничего доказывать.
Я за правду в лицо. Пусть даже самую пронзительную...
Конечно, для этого не обязательно покидать родину.
Но меня ждут...
Там. Они...
Любовь меняет дело.

Отвоевываю свой выбор, точнее, право выбора. Сейчас, как никогда, меня не волнуют мысли окружающих.

Делаю шаг. Уверенный. Вперед... В детстве бабушка часто ругала меня за наивность.

Говорила, что человек должен быть немного эгоистичным, капельку циничным, в меру доверчивым.

Тогда в моем характере, кроме доверчивости, ничего и не было.

Верила абсолютно всем...

По-моему, я до сих пор не научилась верить так же сильно, как в детстве...

Вера спасает...

Мне бы еще чуточку отваги.

Мало осталось...

* * *

...Надеваю куртку поверх пижамы, нахлобучиваю кепку с вышивкой NY, обувая кроссовки. В ночь.

Это как бежать по минному полю, Это как минное поле у тебя внутри, Разрывающиеся снаряды, Распускающиеся цветы.

Понимаешь, что если сейчас не покинешь стены (на воздух! воздуха!), то просто не выдержит сердце.

По сигналу сердечной тревоги сбегаю в ночное пространство, приукрашенное туманом.

Шаг за шагом справляюсь с болью.

Чужестранная боль.

Сидит занозой, не выходит наружу, ничем не выманить.

Никакими слёзами-тревогами. Ураган ураганом, а внешне – спокойно. Вдох это максимум, и минимум выдохов.

*Отпускает...
У меня нет конкретной цели.
Я двигаюсь вперед мимо дворов, закоулков, закрытых магазинов.
Ничего не замечаю. Кроме себя.
Когда мне больно – это эгоизм, эгоизм – это тоже больно.
Взмахнуть бы крыльями, долететь до Стамбула.
Ворваться в нашу квартирку, поцеловать его спящего и
открыть новую страницу...
А старые сжечь.
Вот и все. Я уеду.
Пусть будет так, я проиграла битву с прошлым,
Мне и нести потери...*

** * **

Воскресенье, 16 августа 2008 года

...Самолет, выполнив положенный круг на земле, взлетает над городом. Осталось совсем немного. За время полета переосмыслю нашу любовь. Я все еще говорю «нашу». И не хочу говорить «свою». Вернусь, только разобравшись с настоящим...

Если вернусь вообще.
Что это такое? Поворот судьбы или усталость?..
Стюардесса с приклеенной улыбкой подходит ко мне.
Предлагает напитки.
«У вас есть мандариновый сок?»
«К сожалению, нет. Апельсиновый?»
Мне не нужно другого. Мне ничего не нужно, кроме твоей любви...

Примечания

1

Улица Независимости в центре Стамбула.

2

Турецкая сладкая выпечка.

3

Турецкая разменная монета.

4

«Можно» (*турсец.*).

5

Турецкие бублики, усыпанные семечками кунжута.

6

Сладкий сырный пирог, который едят исключительно горячим.

7

Один из символов Стамбула, расположена в европейской части города на высоком холме района Галата.

8

Генуэзцы, построившие Галатскую башню в 1348–1349 гг., называли ее «Башней Иисуса».

9

«Здравствуй, грусть!» (фр.).

10

Здоровья твоим рукам (турец.).

11

«Стамбул потерял тебя... Записал на старую ленту...» (турец.).

12

«Можете не стучать» (англ.). Психологическая драма, 1952 г.
Главную роль в ней сыграла Мэрилин Монро.

13

От губ к сердцу (турец.).

14

Любимый (турец.).

15

Турецкая народная музыка (турец.).

16

Знаменитый певец Турции.

17

Тетя (турец.).

18

Свет моих очей (турец.).

19

Дочь (*турец.*).

20

Сумак – красновато-бордовая приправа с кислым вкусом.

21

Город на юго-востоке Грузии, в 25 километрах от Тбилиси.

22

Не волнуйся, будь счастлив (*англ.*).

23

Знаменитый азербайджанский соус, готовится из уваренного гранатового сока.

24

Один из поселков г. Баку.

25

Вход и выход (*турец.*).

26

Учитель (*турец.*).

27

Лепешки с колбасой (*турец.*).

28

«Старшая сестра» – уважительное обращение к женщине (*турец.*).

29

Город на юго-востоке Турции.

30

Парикмахерская (*турец.*).

31

Кемер – курорт на берегу Средиземного моря.

32

Братишка (*турец.*).

33

Тюльпанообразный стакан – один из символов Турции.

34

Пассажирский пароход в Стамбуле.

35

Вежливое обращение в Турции.

36

Благодарю (*турец.*).

37

Пусть Аллах будет вами доволен! (*турец.*).

38

Традиционный стакан для чая в Азербайджане.

39

Доброе утро, любимый (*турец.*).

40

«Улыбнись, давай же, улыбнись... Пусть рассеются тучи... Иначе как же я воспряну духом?.. Давай же, улыбнись» *(турец.)*.

41

Со временем привыкаешь к любви... Меньше смеешься, больше молчишь... Ты изменился, но все еще не замечаешь этого... Где же чудеса, о, мой герой, неужели ты устал?..» *(турец.)*.

42

Не бойся, сердце, боль пройдет...» *(турец.)*.

43

Не за что *(турец.)*.

44

Известная эстрадная певица Грузии.

45

Центральный район в европейской части Стамбула.

46

«Не спрашивай... Что у тебя за проблема?.. Не спрашивай... Иди сюда, взгляни на меня и все поймешь» *(турец.)*.

47

Национальное турецкое блюдо, наподобие шаурмы.

48

Так турки называют отражение луны на водной глади.

49

«Вернись, любимая» *(турец.)*.

50

«...Здоровья твоим рукам!» – «Приятного аппетита, душа моя!..»
(турец.).

51

Пусть кто-нибудь произведет анализ воздуха и воды России.
Может, так мы поймем, почему их женщины так красивы... *(турец.)*.

52

Чугунный выпуклый диск для приготовления еды на костре.

53

«Листопад», знаменитый турецкий телесериал по одноименному
роману классика Решата Нури Гюнтекина.

54

«Остаться в живых», американский телесериал.

55

Холодный кисломолочный суп.

56

«Влюбись в меня, если осмелишься», фильм французского
режиссера Янн Самуэля.

57

«Не говори, что я влюбляюсь» *(англ.)*.

58

Осень (*турец.*).

59

Пиде – турецкая выпечка с начинкой из мяса или сыра.

60

«Ты не знаешь, любимая, как я страдаю... Когда тебя нет... Вопросы бесконечны, ночи длинные... Одни только мысли, одна печаль... Что только мы не пережили вместе... Походит на события из большого романа...» (*турец.*).

61

«Я беспокоюсь, сынок» (*турец.*).

62

«У меня все хорошо, мамочка» (*турец.*).

63

Крупный город на северо-востоке Турции.

64

«Внизу нет ада, над нами только небо» (*англ.*).

65

«Надеюсь, кто-нибудь получит мое письмо в бутылке» (*англ.*).

66

Зажигалка (*турец.*).

67

«Architectural Digest» – журнал об архитектуре и дизайне интерьеров.

68

Древний район азиатской части Стамбула.

69

Дай Бог (*араб.*).

70

Новая турецкая лира – валюта Турции.

71

Район на севере Лондона.

72

«Любовь напоминает тебе о том, что ничего больше не имеет значения...» (*англ.*).

73

Один из популярных турецких курортов на берегу Эгейского моря.

74

Можно войти? (*турец.*).

75

Лавки (*турец.*).

76

«Можно стереть любовь из памяти. Выкинуть из сердца – это уже другая история» (*англ.*).

77

«Кто-то отвлекает меня» (англ.).

78

Утреннее ток-шоу на турецком телеканале Show.

79

«Я сейчас далеко... но кто знает... может, я приду ароматом чая, может, я стану дождем и прольюсь на твой город, может, я ветром предстану перед тобой... Только ты жди!»

80

«Никогда не переставай улыбаться, даже когда тебе грустно. Кто-то может влюбиться в твою улыбку...»

81

«Не плачь, потому что это закончилось. Улыбнись, потому что это было прожито...»

82

Звезда турецкой эстрады, композитор, поэт-песенник.

83

Суп (турец.).